

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

6. 2022

12.11.22 в выставочном зале парка 100-летия КБР открылся Арт-проект «Рубай» Имары Аккизовой, в котором переплетены этнические мотивы Кавказа и философия Востока. В экспозицию включены около двух десятков работ разных лет, это холсты и уникальные куклы. Новую выставку Имара посвятила своей матери – народному художнику Кабардино-Балкарии Сияре Аккизовой.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2022 НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

*Алена САРБАШЕВА,
доктор филологических наук,
заведующая сектором карачаево-балкарской
литературы ИГИ КБНЦ РАН*

Х. И. Шаваев

РЕАЛИСТИЧНОСТЬ, АКТУАЛЬНОСТЬ, СЛОЖНОСТЬ

К 85-летию Х. И. Шаваева

Шаваев Хасан Исмаилович (19.11.1937, сел. Кёндеден Эльбрусского р-на КБР) – известный балкарский писатель, журналист. Окончил десять классов в средней школе сел. Акбаш Киргизской ССР. Работал секретарем комсомольской организации колхоза им. Жданова Сузакского района, инструктором Сузакского райкома комсомола. Еще в годы учебы в школе Шаваев печатался в местных газетах. В 1955-1957 гг. являлся внештатным корреспондентом районной газеты «Сталинчи» (Сталинец) в Киргизии. После возвращения в 1957 г. на родину работает наборщиком Эльбрусской районной газеты «Знамя Ленина». Окончив четырехмесячные курсы в Институте усовершенствования учителей в Нальчике, Шаваев с 1958 г. преподает в начальных классах и в вечерней школе пос. Эльбрус. С 1961-го до 1998 г. работает в редакции газеты «Коммунизме жол» (Путь к коммунизму). С 1998 г. – редактор отдела журнала «Минги Тау».

В 1966 г. Шаваев окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Член Союза журналистов СССР (1962), член Союза писателей СССР (1978), заслуженный работник культуры КБАССР (1984). Долгие годы являлся членом редколлегии детского журнала «Нюр» (Свет), газеты «Заман» (Время), журнала «Минги Тау» (Эльбрус). В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Литературная деятельность Шаваева начинается в 1950-е гг. Он пишет стихи на киргизском, балкарском языках, они печатаются на страницах газеты «Коммунизмге жол», альманаха «Шуёхлук». Шаваев обращается и к прозе. Первые рассказы «Сокъураныу» (Рассказание), «Къызны дауу» (Обвинение девушки) вошли в коллективные сборники «Тынгысыз жаш тёлю» (Беспокойная молодежь. 1963), «Тейри къылыч» (Радуга. 1966).

Первая книга рассказов «Кюйген тап» (Шрам от ожога) появилась в печати в 1968 г. Произведения оваяны воспоминаниями

о минувшей войне, которая оставила трагический след в памяти его современников. Трогательно изображает писатель сиротскую долю мальчика Жамала в рассказе «Кюйген тап» (Шрам от ожога). В рассказах «Къара ауанала» (Черные тени), «Къабырлада сермеш» (Схватка на кладбище) осуждаются различные человеческие пороки.

Творчество Х. Шаваева развивается под воздействием общих закономерностей, характерных для балкарской прозы 1960-70-х гг.: доминирование этической проблематики, современное отношение к социальным и духовным критериям, преобладание нравственных начал в анализе действительности.

Очередной сборник писателя «Ачэшикни – менме» (Открой двери – это я) опубликован в 1972 г. В него вошли две повести: первая «Къатыжел» (Сильный ветер) посвящена героическому труду комсомольцев 30-х гг., их романтической судьбе, во второй «Ачэшикни – менме» (Открой двери – это я) повествуется о рождении национального рабочего класса.

В новой повести «Жерни кёзлери» (Глаза земли. 1976) Шаваев обращается к проблеме нравственности молодежи послевоенного поколения. Человечность и порядочность, присущие одним (Мутай, Лейла), контрастируют с лицемерием и тунеядством, свойственными другим (Чачий, Хашим, Нажабат). Трудолюбие, способность к высоким чувствам и умение оставаться честным в любых обстоятельствах придают героям повести привлекательность и реалистичность.

Тема нравственности находит развитие и в последующей повести «Ыйыкъны ахыр кюню» (Последний день недели. 1979). Прозаик, проникая в глубину человеческой души, выявляет дефицит нравственных ценностей в экстремальных обстоятельствах. Трагично сложилась судьба главного героя произведения Сафара, который с фронта возвращается инвалидом. Но трагизм его судьбы не только в физическом увечье: Сафар теряет свою семью (жена Мадинахан умирает в «последний день недели», дети остаются брошенными на произвол судьбы) и родину – Балкарию. В степях Азии герой повести с трудом разыскивает оставшихся в живых детей.

В центре внимания Шаваева нередко оказывается судьба женщины: она особенно глубоко и проникновенно изображается в повестях «Последний день недели» (Мадинахан, Мариям), «Асият» (Асият), «Повесть, найденная в сундуке» (Пилжан).

Художественный мир Шаваева тесно связан с судьбой своего народа и, в частности, с трагическими событиями в его жизни – войной, депортацией. Поэтому произведения писателя глубоко реалистичны, ибо авторский вымысел основывался на исторических фактах. Главная тема в творчестве Шаваева, как отметил известный балкарский

прозаик Эльдар Гуртуев, – это жизнь. В повести «Тузакъ» (Неволя. 1993) рассказывается о горькой судьбе балкарского народа в годы выселения. Она персонифицируется в образах девочек Зубайды, Лизы, которые по воле роковых обстоятельств остаются брошенными в родном селе без матери (её депортируют) и отца (он на фронте).

Лейтмотивом творчества Шаваева является тема дружбы народов. Галерея литературных персонажей произведений писателя интернациональна: в ней и киргизы, и казахи, и кабардинцы (Тыным Орунбаева, Юсенбек-эфенди – «Повесть, найденная в сундуке»; Асан-ака, Чокмок, Хасанбий – «Неволя»). С особой теплотой и благодарностью пишет автор о представителях братских народов, чье внимание и гуманное отношение помогли выжить его депортированному народу. Построение конфликта как целостной художественной категории у Шаваева базируется на внутреннем противоречии героя. Выявление такого характера конфликтов наблюдается в образах Ислама («Асият»), Пилжан («Повесть, найденная в сундуке»), Омара («Черная чума»), Солмана («Собачья свора»).

Закономерное преодоление нормативных рамок, глубина психологизма, острота и сложность художественного конфликта – признаки, свидетельствующие о творческом росте писателя, что, в свою очередь, обусловлено широтой его миропонимания и проникновения в философию жизни.

Очередным этапом в литературной деятельности Шаваева стало создание больших эпических полотен – романов «Бир жашауну минг бети» (Многоликая жизнь. 1985) и «Ит жыйын» (Собачья свора. 1996). Этому способствовал опыт писателя в малых прозаических жанрах. Первый роман при переиздании был назван «Къараэмина» (Чёрная чума. Избранное. 1998). Герой произведения Токаш – честный и мужественный человек – пропал без вести во время войны и, как было принято по меркам советского времени, попал в список изменников Родины. Эти трагические обстоятельства отразились на судьбе его семьи. Один из сыновей Токаша – Заурбек – попал в немилость к властям и по ложному доносу оказался в тюрьме. Заурбек и Омар – полярные персонажи, чьи отношения определяют структурный конфликт романа. После появления майора Григория Ивановича, сослуживца Токаша и свидетеля его подвига в одной из схваток с немцами, снимается незаслуженное обвинение с его семьи. Одновременно раскрывается истинное лицо «честного чиновника» Омара, которому выгодно было скрывать правду о подвиге Токаша и посмертном награждении его орденом Красной Звезды. Выявление внутреннего трагизма героя и показ жестокой обреченности, обусловленности человеческой судьбы

такими категориями, как Истина и Справедливость, – вот к чему стремился автор романа: в итоге он успешно справился с поставленной художественной задачей.

Роман «Итжыйын» (Собачья свора) создавался в 1993-1994 гг., а издан в 1996 г. В нем также остро ставится проблема долга, чести, порядочности. Эволюция человеческих достоинств и негативных качеств прослеживается в судьбе главного героя Солмана. Произведение состоит из двух частей, обрамленных временными рамками прошлого и настоящего, казалось бы, не связанных единой сюжетной линией. Однако оно представляет целостное художественное полотно благодаря строго выверенной структуре. Сюжет романа построен на воспоминаниях Солмана, что способствует чёткому выявлению противостояния идей и гражданских позиций героя произведения. Шаваев обращается к апробированному им в творчестве художественному приему – реминисценциям, переводящим внимание читателя от современности к историческим событиям начала XX в.: Октябрьская революция, коллективизация, Великая Отечественная война, сталинские репрессии.

Герой романа «Собачья свора» Солман осужден за нарушение закона, за злоупотребление должностными полномочиями. Окружение «собачьей сворой» в лице Ильяса, Чолпана, Муссы и подобных определило незавидную судьбу главного действующего лица произведения. Писателю важно разобраться, готов ли был Солман совершить преступление? Заложено ли генетически в нем потенциал моральных качеств, спровоцировавших его действия в сложившихся политических и общественных катаклизмах в жизни страны? Обреченность героя Шаваева на криминальную славу предопределяется драматически сложившейся жизнью его отца Хажы.

Судьба Солмана трагична: доброта, справедливость, терпимость, переданные ему от матери, «проигрывают» алчности, погоне за наживой, властолюбию, унаследованным от отца. Внутренняя борьба героя основывается на «столкновении» заложенных в его характере двух полярных начал.

В очередном романе «Дуня жажаними» (Земной ад. 2003) Шаваев обращается к трагическим периодам в истории балкарского народа (репрессии 30-х годов, Великая Отечественная война, депортация), когда целый этнос подвергся невероятным испытаниям. В этом смысле само название романа глубоко символично: в нем отражается история народа, волей судьбы оказавшегося в «земном аду».

В последующих изданиях «Анала ауазы» (Голос матерей. 2009) представлены два новых романа писателя – «Верхняя лощина», в котором автор воссоздал социально-психологический портрет бал-

карского общества XIX века, и «Голос матерей» – роман, основанный на реальных событиях периода геноцида балкарского народа в 1944-1956 гг.

Как показывает опыт, в основе творчества писателя – осмысление судьбы народа в контексте сложного исторического времени XX в.

Элементы документальности, характерные для журналистской работы, проявляются также и в литературном творчестве писателя. Повесть «Жулдузлу тау» (Звездная гора), которая вошла в книгу «Ыйыкъны ахыр кюню», посвящена Тырнаузскому руднику, людям шахтерской профессии.

В повести «Сауадамны сын ташы» (Памятник живого человека. 1991) на материале воспоминаний современников описывается судьба Омара Батырбиева, бесстрашного солдата, совершившего бесмертный подвиг, геройски погибшего в годы Великой Отечественной войны. Х. Шаваев также является автором публицистической повести «По дорогам памяти», рассказов о судьбах репрессированных в 30-е годы XX века балкарцев и их семьях (все эти произведения вошли в новую книгу прозаика «Жылла» (Годы. 2006)

Реалистичность фактического материала, острая актуальность и сложность освещаемых проблем, простота и в то же время отточенность речевой техники, чёткость изложения авторской мысли придают произведениям Х. Шаваева художественную привлекательность и эстетическую востребованность.

ПРОЗА ХАСАНА ШАВАЕВА

Балкарцы – народ, проживающий на Северном Кавказе – дали миру, несмотря на свою малочисленность, целый ряд замечательных поэтов и прозаиков, привнёсших в общий культурный фонд человечества своё слово, свой одухотворённый взгляд на Вселенную. Это Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Танзиля Зумакулова, Абрагим Бабаев, Али Байзулла... Список можно продолжить и до наших молодых современников – до Мухтара Табакоева, Любы Ахматовой, до тех, кто едва-едва успел заявить о себе на страницах местной печати. Причин такой неисчерпаемой «плодоносности» сразу несколько, но главную всё же выделить возможно.

Литература любого народа является средством выражения и идентификации собственной этнической специфики. А это значит, что основным фактором сохранения и реализации творческого потенциала любой нации и национальности является целостность и полнота его субстратной культуры – обычаев, жизненного уклада, манеры воспринимать окружающее, основные ценности и моральные императивы – всё то, в чём воплощается дух и жизнь народа, всё то, что придаёт смысл его существованию, заставляет пылать его очаг, даёт поддержку врождённым способностям. Близость автора к этническому естеству можно с уверенностью назвать мерой его одарённости. И одним из тех, кто способствовал сохранению тепла в очаге балкарской национальной духовности, прославил своё имя совершенством своего таланта, является писатель Хасан Исмаилович Шаваев.

Хасан в свое время работал в сельской школе учителем, а потом – долгие годы в газете, издававшейся на родном языке. Является одним из самых известных журналистов в республике и на этом поприще успел больше многих. Ещё в 1960-е годы увидели свет его книги «Шрам от ожога» и «Открой двери, это я». Если бы Хасан Исмаилович ограничился только этими двумя изданиями, имя его осталось бы навсегда связанным только с журналистикой, где он и заслужил признание читателей. Но природа его одарила и другим талантом, и Хасан Шаваев опубликовал десятки книг прозы: «Глаза земли», «Последний день недели», «Тысяча ликов одной жизни», «Собачья свора», «Асият», «Западня», «Верхний-Чат»... Десятки книг, по праву составивших цвет и гордость балкарской словесной культуры.

Если, давая оценку творчеству Хасана Шаваева, обойти вниманием его оригинальность, непохожесть ни на кого на Северном Кавказе, наше слово о нём было бы неполным. В последние 15-20 лет взгляд

на художественные произведения, на принципы их оценки очень изменился. То, что раньше считалось достойным хвалы, сейчас потеряло свой смысл, а тексты, в своё время проигнорированные критикой и не вошедшие в историю литературы, наоборот, на слуху. Теперь они получают высокую оценку, и это, конечно же, связано с политическим лицом страны, с изменениями в её идеологии. И, как всегда в периоды политической и идеологической турбулентности, поднимается вал конъюнктуры; шелкопёры и писаки, ранее не могшие переступить через политические табу страны, сегодня легко и быстро меняют черное на белое, белое на черное. Но слава таких произведений и авторов коротка.

Хасана Шаваева эти муки изменения лика не затронули, ибо он никогда не льстил государству и политическому руководству, не преклонялся перед сильными мира сего. Его произведения, в основном, писались и пишутся на тему народной трагедии, которую пришлось испытать народу. К примеру, читатели его произведений «Последний день недели», «Повесть, найденная в сундуке», «Западня», «Собачья свора», «Земной ад», непременно отметит, что писатель абсолютно свободен от давления политического или идеологического толка.

Творческий труд, хоть и уважаем, крайне нелёгок. Мастерство и острота пера, уважение и признание находят автора не в один день. В то же время, нет таланта, не пришедшего с молоком матери, не передавшегося волей природы. Никто не может обладать даром литератора, взращённого на пустом месте. Росток гениальности – нечто такое же органичное, как семья, небо, вода... Но чтобы он расцвёл и дал плоды, писатель должен день и ночь стараться растить его – талант. Развить то, что дано природой, – человеческий долг одарённой личности.

Шаги Хасана Шаваева в литературе были преисполнены стремления изначально, но молодой писатель не остановился, достигнув заслуженного признания читателя, не стал почивать на лаврах первых признаний. Его мастерство, талант росли с каждым новым произведением, с каждой новой книгой. Росли и обновлялись. Сегодня можно смело сказать, что Хасан Исмаилович состоялся, как мастер слова. В настоящее время балкарская проза, повернувшись лицом к новым жизненным реалиям, встала в ряды литератур с долгой традицией, эволюционно и концептуально развитых. Если мы этим гордимся, то надо отметить, что в её развитии и достижении такой высоты немало заслуг и Хасана Шаваева.

Эстетическая, воспитательная роль произведения, будь это роман или повесть, меряется главным – его содержанием. Именно содержание дает возможность строить произведение, собрать его в единую мировоззренческую, эстетическую систему. Если кто-то ищет ответ на вопрос «В чем видится сегодня развитие балкарской прозы?», можно

ответить так – в содержании литературных произведений. Это значит – в воспроизведении разнообразных, многоликих жизненных явлений и в стремлении подать это читателю, заглядывая как можно более глубоко.

Из повести «Глаза земли»: «Во имя родины, ради светлого будущего своего единственного сына Мутая, Масхут идёт на смерть», – пишет автор, откровенно гордясь отвагой своего героя. Хасан Шаваев не скрывает того, что его мечты о сущности человеческой природы в этот миг связаны с мужеством и славой. Об этом говорит он сам. Об этом говорят его герои. «Ты герой! Сердце в тебе гордое, как кавказские горы. Товарищ главный лейтенант, не бойся, ты выздоровеешь. Нам рано умирать. Впереди еще предстоит долго воевать с врагом».

Это произведение Хасана Шаваева было опубликовано в тот период, когда балкарская проза встала на путь поиска, где, естественно, были и промахи, и достижения. Эти испытания дали ей импульс дальнейшего развития, и корректная оценка повести предполагает учёт конкретного состояния литературного контекста того времени. Надо вспомнить, что большинством написанных в рассматриваемый период повестей и романов читатели не были удовлетворены. Это связано с тем, что эти произведения были насыщены словесными, образными и мировоззренческими клише, не были освобождены от классового разделения по политическим мотивам, их герои составляли безусловные противоборствующие группы.

Хасан Шаваев одним из первых среди наших писателей сделал значимые шаги к освобождению от таких художественных приемов. Его повесть «Глаза земли», напечатанная в конце 1960-х годов, вполне соответствует современным художественным канонам. Произведение рассказывает об обстоятельствах, в которые попали во время Великой Отечественной войны Масхут и Юсюп. Автор не загружает сознание читателя идеологемами, не искажает жизненную правду. Он вполне осознанно уходит от фольклорных принципов типологизации, иногда пренебрегая каноническими требованиями, сложившимися ещё в устном народном творчестве. Например, его герои, могут вообще не соответствовать эталонам национального понимания мужественности. Некоторые из них весьма мало приспособлены к прямому столкновению с врагом, и если побеждают, то не силой кулаков, не в борьбе. Напротив, некоторые его герои слабы физически. Автор пишет: «Офицер, пожалев Юсюпа, подошёл и поднял его на ноги. Колени Юсюпа тряслись, в глазах почернело...» Проиигнорировать примат силы в маскулинном, по своей сути, обществе 60-х годов было весьма рискованным делом.

«Глаза земли» посвящается сельским людям, их жизни и труду. Но довоенное время, войну и послевоенный периода связывают характер

героев, их поступки, которые объясняются испытаниями войны. Они помогают автору воссоздать и показать реальную картину жизни.

С другой стороны, стержнем повести являются люди мирного времени, их дела, понимание мира, семейная жизнь. Хотя автор ищет причины разделения героев по типуажу, их внутреннему миру и находит их корни в изжитых традициях и обычаях, все же на первый план он ставит гражданскую позицию каждого из них, потому что в его координатах – это самое главное в построении литературного образа. А гражданственность личности меряется осознанием человеком ответственности, его взглядом на труд, торжеством правды в его борьбе за нее.

Жизнь многозвучна, многолика. Какое из её воплощений выбирает мастер слова, на радость или боль в истории обращает свой взор – всё это определяется его индивидуальным замыслом. Но, если даже писатель объединит и белое, и чёрное этого мироздания, или же ограничится выбором одной стороны окружающего, его главной задачей остается раскрытие характера, внутреннего мира своих героев. Чтобы произведение сыграло свою воспитательную роль или же послужило напоминанием, оказало помощь читателю, заставило его задуматься над перипетиями судьбы.

Начиная с 1960-х годов, до сегодняшнего дня балкарская проза показала множество дорог и переходов нашей национальной истории, обращая особое внимание на печальные и горькие вехи на её пути. Естественно, тема переселения (депортации) народа стоит на особом месте. Трудно назвать писателя, который не обратился бы к этой сфере этнического опыта балкарцев. Чем это объясняется – живой памятью о былом испытании? Или стремлением писателей решить проблему сохранения национальной ментальности в те тяжёлые годы?

Вопрос, ещё не решённый молодым национальным литературоведением, но именно эта мысль играет опорную роль в концептуалистике и философии произведений Хасана Шаваева. Именно она заставляет его героев встать лицом к лицу. Писатель не забывает, что его народ испытал эти ужасы по вине государственной машины и её холопов-исполнителей. То, что многие люди в те годы потеряли свое лицо, алчность затмила их глаза, чувство родства, традиции, обычаи предков, которыми испокон гордились мы, ушли в забвение, прибавляет особые оттенки эмоциональной канве текстов балкарского писателя. Повести Хасана Шаваева «Последний день недели», «Повесть, найденная в сундуке», «Западня» достоверно говорят о том, что к испытаниям, которые поставила перед народом государственная политика, прибавились и беды, созданные самими людьми.

Примером этому является повесть «Последний день недели». В ней описываются два времени: 1930-е годы и десятилетие после Великой Отечественной войны. Её герои (Тахир, Харун, Сафар, Мариям)

испытываются временем. На примере жизни Харуна автор достоверно и глубоко показал печальную судьбу человека, для которого в годы испытания главными принципами существования стали его личное спокойствие и наличие еды.

Душевное спокойствие, лишний кусок хлеба или уважение в обществе, одобрение и благодарность соседей? Харун в поисках ответа на эти два вопроса, поставленные суровым временем, размышляет недолго: он не берет на себя заботу о детях своего брата, оставшихся без матери, легко сбрасывает с себя это бремя, теряет их след, и это его не смущает. Он лучше относится к собаке во дворе, чем к племянникам.

Герои повести «Последний день недели» характеризуются в связи с семейными обстоятельствами. Но это не мешает автору искать ответы на вопросы, более глобального характера, диктуемые временем, раскрывающие ответственность человека перед историей, перед обществом. Харун – герой повести, предавший своих сирот, своего брата, ради лишнего куска хлеба. Его слово в народе ничего не стоит. Такой человек не способен, даже когда это касается Отечества, на гражданский поступок. Он человек вне общества, и расплата за это неизбежна. Харун умирает, и даже смерть его, как одно из великих таинств, не вызывает жалости в сердцах людей. Нельзя обвинять автора в этом – время и общество заклеямили его героя.

Беда переселения сильно ударила по народу. Испытала голодом и холодом, нуждой. Борьба за жизнь заставила некоторых забыть об обычаях и традициях. Родственные узы или собственная жизнь – когда наступает время такого выбора, человечность может отойти на второй план. Сегодня мы часто говорим, что даже в горькие дни на чужбине наши человеческие качества не потеряли свой лик, мы сохранили и веру, и язык свой, помогали друг другу. Но это неправда, это обман. В ссылке, где оказались мы, некоторыми были забыты и родство, и соседство. Переселение выявило основы внутреннего мира людей, их боль, их печали, думы, сердечные страдания, даже все те черты, которые подбало бы прятать, скрывать от общества.

Произведение Хасана Шаваева «Повесть, найденная в сундуке» – это одна из повестей, акцентированно адресующая читателя к реальности – даже с применением приёма вычлененного наблюдения. Главная героиня Пилжан, не ограничиваясь тем, что её беды, сердечные страдания известны родственникам и соседям, написала о них на бумаге. Но если начать анализировать, в чем причина её внутреннего горя, печальной судьбы, можно выявить неоднозначность её выводов, неоднозначность оценок многих фактов. Что ее мучает – обида на супруга или его родственников, недовольство свекрови или болезнь? Есть много причин, способных привести героя в такое состояние. Но всё нивелируется переселением, приходит в состояние незначимости в сравнении с депорта-

цией. Именно она оторвала старых и молодых от их очагов, именно она рассеяла их по свету, и принесла потерянными людям горе и страдания. Беда переселения обездолила весь народ – вплоть до несмышлёных детей балкарского народа – детей, оставших от родителей, потерявшихся, даже позабытых и не нашедших родных в Средней Азии и умерших от голода, мечтая о куске хлеба.

В повести «В западне» читатель знакомится с судьбой двух сестёр – Зубайдой и Лизой, которым выпало на долю такое испытание. Конечно, сюжетная экспозиция текста несколько условна: Зубайда, как всегда, просыпается и выходит из дома – ни во дворе, ни в округе она не видит людей, только их собака скулит и воеет, стоя перед героиней и словно жалуясь на что-то. Куры, бараны, телята, коровы – все без еды, грустные и печальные. Зубайда ищет мать, соседей – никто ей не отвечает. Девочка возвращается в дом и будит свою сестренку Лизу: они не могут понять, почему так внезапно, так странно изменилась жизнь; не зная, что делать, они чувствуют себя попавшими в западню. Им кажется, что облака на небе, деревья на земле, двери и окна потерявших хозяев домов, каменные заборы – все-все застыло и воздух стал недвижим.

«В западне» – произведение, порицающее и изобличающее систему государственной власти, её политику и идеологию. Написано в границах единой системы символических образов, взаимодействующих на всех уровнях обобщения и зачастую осмысливаемых в ходе постепенного трансформирования и смены масштаба. К слову, Зубайда и Лиза бегают в пустом селе, ищут людей и ничего не слышат кроме своего крика. Но их плач выливаются в стоны всех матерей и отцов отправленного в ссылку народа. И затем это всеобщее горе приобретает новое всеобъемлющее качество – это плач людей, у которых отобрали Отечество.

Если даже в повестях Хасана Шаваева не говорится открыто о депортации, он никогда не забывает о том, что пришлось испытать каждому спецпереселенцу на чужбине. На этом надо останавливаться для того, чтобы подчеркнуть, что следующее за старшими поколение выросло в трудные советские годы политических репрессий. В эти политизированные годы национальные обычаи и традиции были отодвинуты в сторону, их место заняли новые социалистические обычаи, продиктованные строителями новой жизни. То, что официальный социум и государство старались оторвать молодёжь от традиционных этнических норм, окончательно унифицировать этносы СССР, оторвать молодёжь от этнических корней, не является секретом. Это известно каждому. Естественно, усилия государства особенно деструктивны и заметны у людей, потерявших Родину, живущих на чужбине, боясь и страшась всего. Человек, оторванный от этнической почвы, особо уязвим, и тем ценность произведения Шаваева – именно в раскрытии

причин национальной резистентности, адаптивных возможностей и, одновременно, в освещении и выявлении перспектив возможного развития народа.

Совершенно иными видятся творческие интересы и задачи писателя в повести «Асият». Здесь Шаваев обращается к истории отдельного человека, не могущего совместить женскую мягкость и существующие в народе родственные традиции с политикой. Она попросту не видит точек их совмещения. Вроде всё, что говорит и делает Асият – это правильно и претендует на некое качество современности и актуальности. И все же, человеческая добродетель начинается с духовной чистоты. Это ёмкое понятие, это глубокий и осмысленный взгляд на жизнь. Легко опираться на слова, которые вложили в твои уста время и политика, но нелегко сделать правильный выбор, позволяющий сохранить в себе человечность. Сознание Асият ограничено, не имеет широты. Узнав, что брат её бежал с поля боя, она готова уничтожить его сама, сдать куда следует.

Да – когда человек избегает исполнять свои обязанности перед Родиной, это становится огромной и неприемлемой трагедией для его близких, даже для родителей. Это постыдное явление не может не ранить, и чувства Асият, в принципе, понятны. Но от человека, бездумно отказывающегося от родственных отношений ради идеологических норм, невозможно ждать добра. И в Средней Азии Асият принесёт много горя родной матери. Соответственно, здесь рождается вопрос: откуда у женщины-балкарки такая упрямая черствость и что дало корни этой черте ее характера?

Время формирует дух человека. Время же, которое сформировало героиню повести Хасана Шаваева, было жестоким, безжалостным. Время, которое толкало людей на вражду, когда люди боялись друг друга и жили настороже. Это были годы политической кабалы, годы полного доминирования идеологии над гуманитарным началом. Тех, чей внутренний дух был отнят сталинской политикой, стало слишком много.

Асият превратилась в рабыню жестокой эпохи. Если личность не носит в сердце сложившиеся в народе отношения к родству и соседству, любовь к родным традициям – она обречена. Духовная нищета и неуважительность ко всем и всему в характере Асият связаны именно с этим пренебрежением традиционными ценностями. Повесть Хасана Шаваева – образчик великолепного и убедительного анализа этого круга вопросов, этой оппозиции естественно-человеческого и условно-догматического.

Каждое новое произведение талантливого писателя входит в жизнь, утверждая дальнейший рост и развитие литературы. Читатели не всегда оперативно замечают и отмечают словом новационное и не-

привычное. Это естественно, так как эстетическое восприятие и ценностные установки не могут быть унифицированы. Но есть мера, есть законы, заложенные веками и не потерявшие своего смысла и функциональности до сегодняшнего дня. Это – мера, связанная с особым видением писателя и с его остротой мысли. Именно эта острота дает возможность читателю размышлять, учит ценить мужество и чистоту помыслов, помогает ему. Если произведение не приводит к размышлениям, оно не способно оставить след ни в одном сердце. Эти слова имеют самое прямое отношение к произведениям Хасана Шаваева «Собачья свора», «Земной ад», «Годы», «Тысяча ликов одной жизни».

Стремление показать жизнь как можно более полно и глубоко, смелые шаги, сделанные Хасаном Шаваевым в сфере образных представлений, усложнение архитектоники и сюжетного строения говорили о выходе писателя на новый уровень мастерства. Его новый роман «Тысяча ликов одной жизни», свидетельствовал о том, что писатель преодолел свой новый перевал.

«Тысяча ликов одной жизни» – это произведение, показывающее историю балкарского народа, его жизнь, начиная с первых лет после Октябрьской революции до сегодняшнего дня. Всё нашло место в этом романе Хасана Шаваева и показало своеобычность данного произведения: рост и развитие социального сознания личности, трудность и амбивалентность процессов реформации и модернизации в горских аулах, гражданская война, колхозное строительство, Великая Отечественная война – все, буквально все вехи, которые пришлось преодолеть советскому человеку, и, соответственно, тяжелые судьбы героев, их беды. Писатель не забывает про исторические и общественные противостояния, которые также, в свою очередь, возбудили рождение противостояния между отдельными личностями. Не останавливаясь на полпути, не замедляя нарративный ритм романа, Хасан Шаваев детально показал все стадии жизни балкарского народа за последние десятилетия его истории. Стремление и умение передать особенности характера своего героя, рост его сознания, лицо истории, общества, семейной жизни – это показатель мастерства Хасана Шаваева, его большой ответственности, природного таланта, того, что он правильно и полностью пользуется этим божьим даром.

В XX веке балкарскому народу пришлось пройти через многое. И каждый новый барьер воплощался в трагические события: гражданская война, политические репрессии 1920-30-х годов, Великая Отечественная война, выселение. После испытания депортацией, становление народа на ноги, возрождение превратившихся в пыль хозяйств, стремление сохранить и развить духовное богатство – все это давалось нелегко. Каждый из этих исторических перевалов, поделив общество на части, противопоставлял соседа соседу, родственника родственнику.

История любой литературы неразрывно связана с историей народа. Балкарская – не исключение. Её поступательное развитие проходило, начиная с 1930-х годов до наших дней. Романы Жанакаита Залиханова, Омара Этезова, Миналдан Шаваевой, Берта Гуртуева, например, были написаны в 1960-1970-е годы. Затем пришло новое осмысление прошедших периодов, а точнее будет сказать – эпох, вместе с этим изменилось и художественное восприятие действительности. В словесном искусстве Северного Кавказа уменьшилось число произведений о классовых противостояниях и укоренилось стремление показать внутренний мир героя, его индивидуальную и неповторимую психологию.

Роман «Земной ад» Хасана Шаваева – это явление в балкарской литературе. Он освещает жизнь балкарского народа, начиная с 1932-го года и до последнего десятилетия после окончания Великой Отечественной войны. Это произведение писателя наиболее ярко раскрывает образы героев и обращает внимание на многие вопросы, на которые не всегда можно найти готовые ответы. А герои его – Абдулкерим, Атабий, Батырбий, Къаспот, Шарипа – и другие, своей судьбой повторяют судьбу балкарского народа и, надо сказать, связь эта чётко прослеживается по всему роману. Некоторые из героев, сгорев в «пламени преисподней», навсегда исчезают. А другие, попадая в разные виды этого пламени, все-таки продолжают жить, становясь тверже в своих убеждениях, остаются верными своей родине, народу и стране.

Одним из таких персонажей романа является Атабий. Его образ воплощает в себе перипетии и коллизии истории балкарцев, показывает его терпимость и чистоту духа. Сюжетную канву произведения составляют трудные судьбы его героев. Но сюжет романа не ограничивается освещением судеб отдельных людей – они сливаются в обобщённую картину социально и общественно значимых столкновений. Речь идёт об оппозициональных противостояниях разного уровня, разной степени враждебности – от личностных конфликтов до противостояния тенденций внутренней политики государства.

Всё же, при появлении возможности выбора, автор больше склоняется к раскрытию противостояний между отдельными людьми. Те, кто обманулись идеологией страны и поставили государственную политику выше этнических обычаев и традиций народа, приобрели душевный покой. Идеологические догмы предпочитались вынужденно, как естественный выбор во имя выживания. Однако, как показывает Шаваев, даже в экстремальных условиях государственного прессинга, ложь не может заменить правду, рабство не равно свободе. Простые, очевидные вещи, тем не менее, не являющиеся очевидными для всех – художественная условность, стабильный приём нарративного клише, ставший визитной карточкой балкарской прозы, в значительной мере разработаны именно Хасаном Исмаиловичем Шаваевым. У его

героев всегда есть выбор, и часто они предпочитают очевидно тупиковый путь – по воле своего демиурга, иногда выбирающего чёткость и ясность духа личности во имя рельефности и иллюстративности той или иной модели поведения.

Хасан Шаваев из той редкой породы писателей, которые понимают актуальное состояние литературного контекста, разбираются в жанровом многообразии и осознанно служат развитию словесного искусства. Газетные статьи, очерки, рассказы, повести, романы, воспоминания – все это составляет неповторимую совокупность, его резко индивидуальное творчество. Каждый из этих векторов его эстетической и общественной активности имеет свою особенность – стиль, почерк, лексическую специфику. Законы литературы и их суммарное эволюционное движение – то, в чем Хасан Шаваев разбирается в полной мере, и легко корректирует ход развития национального литературного сообщества. Например, повесть, роман, как повествовательные жанры, имеют свою методику создания образа, характера. Если они требуют сдержанного, тихого, спокойного повествования, Хасан Шаваев придерживается этого. Время ставит свои метки, особые тамги на все, что встречается в жизни, Они появляются даже на посуде, которой пользуется человек. Хасан Шаваев не забывает этот код эпического жанра.

Умение объединять лексическое богатство языка и особенности разговорного стиля героев в эпическом жанре доказывает, что автор обладает высочайшей степенью литературного мастерства. Талант Хасана Шаваева заметно развивается в именно этом направлении. Такая черта одарённости писателя раскрывается и в его произведениях, относящихся к другим жанрам. Примером этому могут служить его тексты, так сказать, несколько альтернативного типа: «Добрый вечер, любовь», книга воспоминаний «Годы» и другие.

Мемуары и эссе Хасана Шаваева посвящены, в основном, известным людям народа, состоят из воспоминаний, очерков, которые имеют реальную фактографическую основу. Они подчиняются совершенно другим повествовательным методам, нежели романы и повести. Но балкарский писатель Хасан Шаваев написал их так, что каждое его произведение – по богатству языка и методике выбора стиля – несёт на себе отпечаток его высокого художественно-эстетического почерка – в образах, замысле и языке.

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

Рассказ

Арестовать Лиуазу, худенькую девчонку, которой не исполнилось еще и шестнадцати, пришли двое дюжих мужчин, одетых в военную форму. Их темные, как ночь, лица, строгие, решительные взгляды вызвали чувство невольного страха. Они вошли без стука. Ветхая дверь маленького стенобитного домика, едва державшаяся на старых ржавых петлях, жалобно и протяжно закричала. Слабое пламя маленькой свечи, стоящей на легкой заслонке, беспомощно задрожало и, не выдержав единоборства с ночным холодным воздухом, ворвавшимся вслед за пришельцами, погасло. В наступившей темноте послышалось раздраженное бурчание одного из гостей. Но второй из них, очевидно, старший по званию, тронул товарища за плечо, как бы давая понять, что не стоит начинать разговор таким образом. Лиуаза быстро подошла к двери, отыскала на полу кусочек бересты и сунула его тонким концом в печь. Через мгновение послышался слабый треск загоревшейся смолистой коры, которой девочка снова зажгла еще не успевшую остыть свечку. Ее пламени вполне хватало, чтобы осветить все уголки убогого жилища.

Лиуаза робко подняла глаза и заглянула в лица гостей. Они не были ей знакомы. Девочка слабо улыбнулась.

– Проходите, будьте гостями. Садитесь вот сюда, – сказала она, указывая на топчан, кое-как сколоченный из старых почерневших досок. Но пришельцы не двинулись с места. Сердце Лиуазы тревожно забилось, в ее худеньких руках появилась мелкая холодная дрожь. Она бросилась к матери и крепко прижалась к ее груди своим бледным веснушчатым личиком. Обхватив голову дочери руками и не понимая еще причину ее испуга, Забитхан напряженно вглядывалась в темные силуэты непрошенных гостей. Но, как она ни старалась, ее мутный туманный взор так и не сумел ничего разглядеть, кроме двух черных угрюмых теней.

– В этом доме живет кто-нибудь, кроме вас? – спросил один из пришельцев. – Ну, скажем, низенький такой, плотный мужчина с редкими усами?

– Нет-нет... кроме меня и мамы, здесь никто не живет, – поспешно ответила Лиуаза. Эти слова дочери произвели на Забитхан странное впечатление. Она вздохнула, словно очнувшись ото сна, и крепко прикусила губу.

– Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, – затараторила вдруг женщина.

– У меня ужин на огне. Глупая моя голова, как же я сразу не догадалась предложить вам поесть. А вы, наверное, голодны с дороги... Сейчас, сейчас... и мамалыга, должно быть, уже поспела. – Забитхан подбежала к печи и, сняв деревянную крышку с черного закопченного чугунка, с нарочитой веселостью объявила: – Готово!

Но гости не обратили на нее никакого внимания. Они, казалось, и не слышали ее слов.

– А где твой отец? – спросил у Лиуазы тот, что показался ей старшим.

– Погиб на войне. На фронте.

Гости переглянулись. По лицу одного из них скользнула ехидная улыбка.

– О какой войне ты болтаешь? – спросил он, продолжая улыбаться.

– Да-да! Мой отец погиб на фронте! – с горькой обидой в голосе воскликнула Лиуаза.

Военный громко засмеялся. Но, увидев быстрый и острый взгляд старшего товарища, тут же осекся и, поперхнувшись, смущенно опустил голову.

– Уважаемые мои, я не понимаю, что здесь смешного? – сказала с горечью Забитхан. – Моя дочь сказала вам правду, ее отец действительно погиб на войне. Мы ничего о нем больше не знаем. А если что-либо известно вам, то, будьте добры, скажите?

– Прости, сестра. Очевидно, мы пришли сюда по ошибке, – мягко ответил старший. – Нам нужна Лиуаза, дочь Аскерби Туганова.

– Да это же я! – радостно воскликнула девочка. В ее глазах мелькнул луч надежды. Она вся напряглась в немом ожидании, быстро переводя взгляд то на гостей, то на мать.

Военные тоже переглянулись. Но, чуть постояв, и, как-то виновато улыбаясь, молча направились к двери. Лиуаза похолодела, хотя глаза ее продолжали улыбаться.

Забитхан бросилась к гостям.

– Как же так? – залепетала она. – Неужто вы так и уйдете, не притронувшись к еде?

– Спасибо. У нас нет времени, – учтиво ответил старший. – Мы ищем дом Лиуазы, дочери Аскерби Туганова...

– Един Аллах, я не знаю во всей этой округе человека с таким именем, кроме своей дочери.

– О ком ты говоришь?

– Вот о ней, – Забитхан указала рукой на дочь.

Пришельцев словно подменили. В их глазах появились недобрые огоньки.

– А в какой класс ты ходишь? – сурово спросил старший, медленно приближаясь к Лиуазе.

– Я? В седьмой. А как закончу, буду работать, помогать маме.

– А хочешь уехать на Кавказ?

– Еще бы. Очень хочу. – Девочка даже закричала от радости. – Мама, ты слышишь?! Я же говорила тебе, что нам разрешат вернуться на родину, – зашептала она. – Правда же, я всезнайка?..

Тут, очевидно, военным стало ясно, что они пришли в этот дом не по ошибке.

– Недотепы мы с тобой, – сказал один из них своему напарнику.

– Как мы сразу не догадались, что это она? Ведь по одному разговору ясно...

Затем, повернувшись к Лиуазе, он решительно произнес:

– А ну-ка, злочка, собирайся, пойдешь с нами!

– О Аллах, куда?! – горько закричала Забитхан, крепко прижимая Лиуазу к своей груди.

– Мы отправим твою дочь на Кавказ. Кстати, ей и самой очень хочется туда попасть.

– А почему только ее?

– Так нужно.

– Нет-нет! Даже не говорите. Я не смогу отпустить с вами ребенка среди ночи, тем более девочку... Я тоже пойду вместе с ней.

– Мы тебя потом вызовем... если будет нужно.

– Ой, несчастная, – тяжело застонала Забитхан. – Почему вы меня лишаете единственной надежды?! Тогда убейте меня, прежде чем уйти...

Но черные тени были неумолимыми, Забитхан осталась одна наедине с этой страшной огромной ночью. Чувство безысходной и горькой тоски овладело сердцем бедной женщины, холодное отчаяние и страх наполняли ее душу.

Да, порой и небо плачет, подобно материнскому сердцу. В это утро оно было темным и пасмурным. Огромные тучи распластали над землей свои черные крылья. С неба сеял мелкий дождь...

О Аллах, наверное, правду говорят люди: «Кто чего боится, тот с тем и встречается». Сколько себя помнит, Лиуаза всю свою жизнь больше всего боялась темноты. Никто не мог ее заставить выйти из дома с наступлением сумерек.

А когда она ночью выглядывала в окошко, ей всегда мерещились какие-то страшные сказочные чудовища, злые волки или огромные косматые медведи. И девочке казалось, будто все они собирались здесь, под ее окном, для того, чтобы каким-то образом пробраться в дом и съесть ее, маленькую Лиуазу. Но почему-то в эту ночь, оставшись одна в огромной пустынной комнате, куда не проникал даже

маленький луч света, девочка не испытала того большого страха, что так мучил ее в детстве. Лиуазу привели сюда и заперли на замок те двое военных. Сначала она, как потерявший мать ягенок, тоскливо заметалась по темной комнате, натываясь то на холодные стены, то на обшарпанную шероховатую дверь. Но вскоре девочка успокоилась, очевидно, поняв безысходность своего положения и смирившись с судьбой.

«Не бойся, милая, – услышала вдруг она чей-то тихий и мягкий шепот. – Крепи сердце!»

Бедная девочка чуть было не лишилась рассудка. Сердце ее сжалось, дыхание остановилось. Прижавшись к двери и закрыв глаза своими худенькими дрожащими руками, она попыталась закричать. Но не смогла.

«Не бойся, девочка. Здесь тебе нечего бояться», – повторил тот же тихий шепот.

– Кто ты?! Я тебя не вижу. Где ты? – Лиуаза протянула вперед руки.

«Не бойся, дочка. Успокойся и постарайся уснуть. Главное – дожить до утра, а там все уладится, ты не будешь одна. Надо учиться терпению, время такое. Люди готовы живьем съесть друг друга. Теперь и дети обагрят руки кровью. Материнские сердца рвутся от горя... Закрой глазки и усни. Дай покой своему сердцу».

– Для чего меня сюда привели?

«Об этом тебе скажут завтра».

– Я очень боюсь. Ради Аллаха, не уходи сегодня отсюда. Будь подле меня...

«Не бойся, не уйду. Я буду охранять тебя».

– Я слышу твой голос, а самого не вижу.

«Ночь темна. Я тоже тебя не вижу. Вот придет рассвет, тогда и познакомимся. А теперь отдыхай. Там, справа от тебя, есть какая-то кровать. Ляг на нее и постарайся уснуть».

...В тот день вызвали туда и Бориса, студента Ошского сельскохозяйственного техникума. Ему, как и Лиуазе, не было известно, для чего он здесь.

«Не переживай, – сказали ему. – Многого от тебя не потребуют».
– И все.

В комнату, где находился Борис, ввели Кябахан. По ее виду было ясно, что она здесь не впервой. Эта худощавая остроносая и большеглазая девушка была соседкой Бориса. Они оба жили в Наукате – районном центре. Семиклассница Кябахан всегда казалась намного старше своих сверстниц и ростом была повыше. Вот и сейчас своей мягкой плавной походкой, твердым уверенным голосом, да и вообще всем

своим обликом она больше походила на взрослую девушку, нежели на школьницу. Встреча с Борисом ее явно не обрадовала – она окинула его не то презрительным, не то снисходительным взглядом и, не поздоровавшись, отвернулась в сторону. Борис не заметил этого. Он подошел к ней и, улыбаясь, протянул руку, но в следующий же миг, как ошпаренный, отпрянул назад. Борису показалось, что в больших красивых глазах Кябахан сверкнула молния. Ему даже почудилось, будто он явственно ощутил ее холодное прикосновение. У него зазеленело в ушах. какое-то мгновение он стоял в немом оцепенении, не в силах отвести глаз от лица Кябахан, ставшего в одну минуту таким чужим и далеким. Его «разбудили» грубые голоса с шумом ввалившихся в комнату мужчин. Борис увидел среди них Лиуазу. Он хорошо ее знал. Там, на Кавказе, их села находились по соседству. А здесь оба жили на одной улице. Бледное измученное лицо, припухшие глаза девочки говорили о бессонно проведенной ночи. Увидев Бориса, она бросилась к нему на грудь и горько зарыдала.

– Не плачь, успокойся. Что с тобой? – ласково заговорил Борис, нежно прикасаясь ладонью к ее волосам. Он не знал, да и не мог знать причину ее слез, но одно ему было ясно: Лиуазу постигло какое-то горе.

Трое мужчин уселись рядом за длинный, покрытый голубым сукном, стол. Они потребовали, чтобы Лиуаза отошла от Бориса. Теперь она и Кябахан стояли в двух противоположных углах комнаты, Борис находился между ними.

– Ты сегодня должен перевести нам слово в слово то, что будут говорить вот эти женщины, – сказал тот, что сидел за столом посередине. Это был высокий сухопарый офицер с рябым лицом и желтыми редкими волосами. В его ядовитом, пронизывающем насквозь взгляде не было ни жалости, ни сострадания. «Ни дать, ни взять убийца», – подумалось Борису. Далее ему объяснили, что он несет законную ответственность за неправильную трактовку слов той или иной стороны и потребовали подписать какую-то бумагу. Борис подчинился.

Возвращаясь на свое место, он бросил короткий взгляд на Лиуазу. Сердце его сжалось, жалость комом подкатила к горлу. Ему вдруг вспомнился тот горестный день переселения, когда балкарцы, гонимые злой волей «великого вождя», покидали свои родные горы, дома, селения. Его отец, старый горец, упав грудью на каменистый берег Черека, долго и жадно пил его студеную воду. «Плачь, несчастная, плачь... – говорил он сквозь слезы, навсегда прощаясь с бурлящим потоком родной реки. – Плачь, моя сиротинушка!..»

Нет, этого дня Борис никогда не забудет. В его голове снова прозвучал хриплый грубый голос рыжего офицера: «...Все, что будут

говорить эти женщины». Он глянул на этих «женщин», и сердце его наполнилось горькой обидой, жгучей болью и гневом.

– Говори все, как было, – резко сказал офицер, обращаясь к Кябахан.

Та встрепенулась, прошла чуть вперед, окинула присутствующих дерзким и гордым взглядом и, слегка прокашлявшись, начала:

– Когда ушел из жизни любимый вождь, наш отец, наш Сталин, и когда глаза и сердца наши сочились кровью, враги Советской власти торжествовали, радуясь нашему безмерному горю. Нам никогда не забыть этого дня. И, знайте, когда речь идет о любимом вожде, я ни перед чем не остановлюсь и никого не пожалею. А вот она, эта ядовитая змея (Кябахан кивнула головой в сторону Лиуазы) не находила себе места от радости и готова была танцевать в тот горестный для нас всех день. Вы все ее знаете. Она – Туганова Лиуаза – родилась на Кавказе, а теперь живет здесь, в Наукате. Так вот она сказала мне в тот день: «Наконец-то этот усатый деспот умер. Теперь нас непременно вернут на Кавказ». Сердце мое сгорает от стыда, что я родилась с ней в одном селе, а теперь живу в одном городе. О боже мой, я даже учусь с ней в одном классе.

Запинаясь и краснея, Борис повторил все сказанное Кябахан по-русски.

– Мне не нужен переводчик, – заявила вдруг та, на довольно чистом русском языке. Борис брезгливо поморщился. В этот миг рот Кябахан, на котором еще не успело обсохнуть молоко матери, скорее походил на пасть кобры, чем на уста ребенка.

– Я так не говорила, – еле слышно пробормотала Лиуаза. Затем, повернувшись к Кябахан, добавила: – Какая ты все-таки нехорошая. Что я тебе сделала плохого? Вспомни, как я тебе всегда помогала на уроках... Зачем ты меня порочишь, говоря неправду?

– Туганова, прекрати детскую болтовню! – крикнул тот же рыжий офицер, вертя в руках длинную тонкую ручку. – Как ты посмела насмехаться над нашим великим горем, над горем всего передового человечества?... Перестань хныкать и отвечай на поставленный вопрос!

– Я ничего не говорила.

– Говорила! – закричала Кябахан что есть силы. – Ты вспомни, как я упрекала тебя за твое кощунство, за те слова, которыми ты безжалостно оскорбляла нашего любимого вождя! А что ты мне тогда ответила?! Ты сказала: «Будь ты неладна. Иди и пожалуйся, кому хочешь». И еще: «Пусть все наши беды, которые он, Сталин, нам причинил, отольются ему на том свете...»

– Я ничего такого не говорила, – губы Лиуазы задрожали, руки беспомощно опустились.

Рыжий офицер вскочил и с силой ударил своим тяжелым жили-

стым кулаком по столу. От неожиданности сидящие рядом с ним военные сильно вздрогнули. А один из них – очкастый и лысый – даже подскочил на месте. Разъяренный офицер впился глазами в Лиуазу. У бедняжки от испуга подкосились ноги, перед глазами поплыли круги. Она смотрела перед собой и ничего не могла разобрать кроме трех черных теней, расплывшихся грязными неровными пятнами на сером фоне стены.

В комнате снова раздался крик рыжего офицера. Лиуаза вздрогнула. По бледным щекам девочки стекали чистые, словно утренняя роса, слезы и тихо падали на ее трепещущую, как у попавшей в силки птички, грудь. На какой-то миг Лиуазе показалось, что она сходит с ума. Но спустя минуту она стала овладевать собой. Взор ее прояснился, она почувствовала нарастающую в сердце уверенность. Ей захотелось вдруг схватить стул и разможжить им голову Кябахан и всех этих страшных людей, устраивающих ей такое гнусное судилище. Но она сдержалась.

– Все, что здесь было сказано обо мне, – клевета, – произнесла она твердым уверенным голосом. – Как и неправда то, что я была рада смерти Сталина. Я только сказала, что, может быть, его преемник подумает о нас и вернет нас на родину, на Кавказ.

– Зря отпираешься. Я не глупее тебя, – язвительно протянула Кябахан. – А если уж ты такая смелая, повтори здесь все то, что ты мне говорила в тот день!

– Я сказала правду! Хоть убейте, мне нечего больше к тому добавить.

...Допрос продолжался почти весь день. В конце Лиуазу заставили подписать бумагу, в которой говорилось о том, что ее отправляют куда-то очень далеко, в места, названия которых она знала только из школьных учебников. И ей предстояло провести там шесть долгих и трудных лет.

НА СТРЕМНИНЕ

Спор продолжался всю неделю. В один из дней и я оказался вовлеченным в этот спор. В кабинете директора комбината, кроме наших, сидели еще четверо работников из руководства.

Видно было, главный инженер явно поддерживает кандидатуру Идриса. Другие же были против. И директор с ними заодно. Он давно привык к тому, что никто ему ни в чем не перечил, не затевал с ним споров. Все и во всем с ним соглашались: кто сдержанно, кто с восторгом.

Оттого он сидел, нахмурившись и яростно дымя сигаретой. Он, наконец, встал, что-то хотел было сказать главному инженеру, погладил рукой медового цвета волосы. И замешкался. Потом с усилием раздавил сигарету. Видно, обжег палец, сморщился и начал:

– Вы готовы совсем сбить человека с толку, – говорил он, не поднимая головы. – Как бы долго ни спорили – будет... по-моему. уверяю вас. Есть моменты не менее важные, чем добыча руды, чем даже рекорд. – Он поднял голову и направил на сидящих испытующий взгляд. – Если хотите превзойти приморцев, нужен человек не только способный поставить сам рекорд, но всесторонне образованный и... умеющий говорить. Имя его будет известно, заметьте, всей стране. А если я что-то понимаю, Идрису не по плечу будет столь тяжелый груз.

– Вы неправы, – сказал главный инженер, не вынимая рук из карманов брюк, не отворачиваясь от окна, куда был устремлен его задумчивый взгляд. – Вы неправы! – и он резко повернулся назад.

– Не перебивайте меня, дайте досказать, – в синих глазах директора нетрудно было обнаружить с трудом сдерживаемый гнев и возмущение. – Я вовсе не умаляю человеческих достоинств Идриса и его деловых качеств. Но, скажите вы, кто из вас слышал, чтобы он хоть раз выступил на наших совещаниях? Не угнетает ли вас его чрезмерная, я бы сказал, скромность? Выдержит ли он нелегкое бремя славы, сможет ли он должным образом выступать от нашего, от вашего имени перед народом? Я считаю его кандидатуру, мягко говоря, непродуманной.

Главный инженер молча схватил графин с водой, что стоял на покрытом зеленым сукном столе и, не наливая в стакан, стал пить из горлышка.

Это мне напомнило один случай. По пути на работу или обратно горняки имели обыкновение заглянуть в буфет и поздороваться с Полиной. «Старички» называли это заведение «Пятым забоем». Всем была знакома Полина, старым и молодым. Обычно в таких заведениях продавщицы, как правило, были довольно полные. Полина же не была похожа на них. Сухопарая, жилистая, она была приметна еще и тем, что не выпускала сигарету изо рта. На крепкое словечко тоже была мастак, и если кто ей не понравился – мог получить по полной.

К ее нраву вскоре привык и я. Если покупаю у нее молоко или кефир – стакан не прошу. Сразу вспоминаю ее ответ:

– Откуда это ты взялся, такой культурненький! Ишь ты, гнилой интеллигентик. Посмотри на народ, на рабочий народ, на ребят, перед которыми скалы трепещут.

Я не совсем понял Полину и огляделся. Все смеялись над моим «невежеством».

– Где это ты видел, чтобы кефир из стаканов пили? – сказала Полина, когда смех утих.

Права была Полина. Горняки, держа в одной руке ломоть хлеба, другой энергично и ловко опорожняли бутылки с кефиром.

Полина, наконец, заметив мое смущение, поубавила тон.

– Новенький, что ли? Видно, новенький, если я тебя тут вижу впервые. Если уж очень нужно – найдем и стакан. Ты уж не обижайся. Понимаешь, двадцать лет служу здесь, но ни разу не видела, чтобы молоко или кефир из стаканов пили. И чего это ты уставился на меня? Отойди на шаг, пока родителей не помянула. – И помянула. Горняки расхохотались.

– А вам не стыдно говорить такое. Ведь женщина, все-таки... совсем бескультурная, что ли. Не домой же я к вам пришел. Забыла что на службе? – начал я.

– Ребята, видели! – торжественно воскликнула Полина. – Этот гладкощекий джигит напрашивается ко мне в гости. Пригласить, что ли?

Дела мои были плохи, и я, отойдя от стойки, начал пить свой кефир, как и все, из горла. Выпил и ушел.

Совещание при директоре, несмотря на накал страстей, закончилось ничем, и все разошлись...

О том, что рудник готовится побить все главные рекорды, вскоре узнали на всем комбинате. Одни этому верили, другие просто посмеивались. Многим не понравилось, что это дело поручили бригаде Идриса. Больше всех был недоволен давнишний его недруг Хамзат. Он и так и этак старался посеять среди ребят бригады недоверие к этой, как он говорил, «пустой и даже рискованной затее». И уж совсем возненавидел его Хамзат, когда его жена пошла жаловаться Идрису.

Жена Хамзата, Раиса, после долгих сомнений, решила пойти к Идрису. Как она ни прихорашивалась, в больших карих глазах была видна печать безысходного горя, состарившего ее не по годам. Говорила она приглушенным голосом, словно боялась сказать лишнее слово и непрестанно мяла угол шали.

– Нет жизни, нет покоя, – начала она робко и не поднимая взора. – И слова сказать нельзя. Может так рассвирепеть он, так разозлиться, что страшно становится... Детишек жалко. Тяжко им. Я бы все вытерпела, но им уже совсем нелегко. Боюсь, как бы не сбежали из дома. Не стыди меня, Идрис, не суди. И самой стыдно, что жалуюсь на отца детей. Уж я старалась это от всех скрывать. Все надеялась на лучшее, не теряла веры. Ею, этой верой, и жила. Дня не бывает,

чтобы он не пил или не говорил ужасных слов. Одна надежда на вас, на друзей его...

Идрис знал, что нелегко будет найти те слова, которые могли бы ее успокоить. Знал и то, что от разговора с Хамзатом толку не будет. А оставить жалобы несчастной женщины без внимания тоже не мог. И не только потому, что этого требовали его депутатские обязанности. Так или иначе, поговорить с Хамзатом все же было необходимо. И он решился. Но и теперь Хамзат не слышал бригадира. Он так и этак старался оскорбить и унижить Идриса, которого уважали и ценили за человечность, доброту и терпение.

– Не забывай, что мы тебя сделали человеком, – сказал Хамзат Идрису. – Не слишком задирай нос, не хвастайся. Говори и шагай осмотрительней. Пора бы тебе понять, что таких, как ты, я могу за пояс заткнуть, да и работаю я не хуже тебя. И не тебе решать, что я пью, сколько пью и когда пью.

– Не паясничай, Хамзат, – спокойно сказал Идрис, видя, что тот собрался уходить. – Мы уже немолодые и должны знать, что говорить и как себя держать перед людьми. Сам подумай, кем ты был и кем стал. Неужто тебе трудно взяться за ум, встряхнуться. Да пойми ты, если бы я тебя не уважал и говорить бы с тобой не стал. Сколько можно так...

– Прибереги-ка, Идрис, свои умные слова для своих детей, а я уж как-нибудь без твоей мудрости обойдусь.

Идрис пристально посмотрел в глаза Хамзата и, молча повернувшись, не прощаясь, ушел.

Откуда было ему знать, за что так возненавидел его Хамзат.

И Идрис, и Григорий, все ребята не могли взять в толк, почему собирается уйти из бригады Мурадин. После стольких лет... разве Мурадин не знал, что работать в бригаде, которой доверили штурм рекорда – почетно.

Мурадина потянул за собой Хамзат, употребив все свое коварство. В выходной день Хамзат повез Мурадина в Тютю-суу, поставил бутылку «белой» перед собой и начал вправлять ему мозги:

– Ты должен был возглавлять бригаду. В этом самом рекорде ты, желторотик, конечно, не все понимаешь, – умничал Хамзат, закуривая после первой рюмки. – Глава комбината меня ценит и любит, как единственного брата. Улавливаешь момент? Недавно был большой шум среди руководителей рудника. Все уже сожалеют о том, что Идриса сделали бригадиром. В один голос твердят, что лучшая кандидатура была твоя. – Он ткнул толстым пальцем в грудь Мурадина. – Верить мне? Конечно же, веришь. А Идрис-то, говорят они, и расписаться-то толком не умеет. Скажи, что желаешь перейти в другую бригаду. Если спросят, почему, ответишь – не могу работать под

началом Идриса. тогда-то и назначат, наверняка, бригадиром тебя. Чего ты морщишься? Станный ты тип. Пойми, в случае успеха главная награда будет принадлежать бригадиру. Улавливаешь? А ты ведь ничем ему не уступишь. Скорее, наоборот.

Так обстояли дела. Никто не настаивал, чтобы непременно был поставлен всесоюзный рекорд. Надо, мол, стремиться к нему. Кому-кому, но Идрису такая постановка вопроса не понравилась.

И еще он был явно недоволен тем, что было решено создать бригаде особые условия: придать дополнительную технику и выбрать подходящий забой.

«Если уж идти к победе, – решил он, – так идти с той же техникой, что есть и на своем рабочем месте, теми же силами. Иначе грош нам цена...»

Своим мнением он поделился со старым горняком Байдуллахом. Тот хитро ухмыльнулся, но согласился. И добавил, что главное – превратить бригаду в монолит. Мудрый Байдуллах говорил о высоте, до сих пор никем не покоренной и требующей огромного напряжения всех физических и душевных сил.

Бывалый горняк Байдуллах был огорчен уходом из бригады Мурадина, к которому он относился с отеческой нежностью и вниманием: «Ах, наглец, что на что поменял. В душу плюнул, собачий сын. Уж лучше бы ты выколол мне глаз, чем так опозорить...» Мурадин в бригаду пришел после окончания школы. Байдуллах опекал этого некрепкого телом юношу, берег его. Так же к нему относились и другие члены бригады. А теперь вот те на.

Мурадина иной раз одолевали сомнения: «Стоило ли браться за непосильный труд?» И еще долго он не мог определиться – оставаться на шахте или нет. Но Байдуллах не назойливо, но постоянно стремился вселить в него уверенность в своих силах, в своих способностях. Вскоре он успешно «вписался» в дружину сильных и честных товарищей.

«Возмужал юноша, оллахи, возмужал», – тихо радовался Байдуллах. Радовались и другие. Постепенно молодой горняк стал всеобщим любимцем. А потом женили его. Шумную свадьбу справили друзья.

Мать Мурадина рано ушла из жизни. Отец женился на другой, и вскоре мальчик почувствовал себя дома лишним. Мачеха сначала проявила к нему сдержанное равнодушие, которое потом перешло в неприязнь, а затем и в неприкрытую ненависть. Отец не мог ни в чем перечить молодой норовистой хозяйке.

Мурадина было решено отправить к тетке. Особого сожаления при этом отец не обнаружил. Только и сказал, виновато опустив голову:

– Душа моя, и в самом деле лучше будет, если ты будешь жить у родной тетки. – Отец, сказав это, глубоко вздохнул. – Так будет лучше и для тебя. Я буду тебя навещать, и ты, надеюсь, будешь приходить.

Так и жил он потом без отеческого тепла, завидуя тем, кто был при отце. Постепенно и отец, и мачеха исчезли из его жизни, как пепел от дуновения ветра.

Но не погасла звезда надежды в сердце юноши. Он вновь возродился, стал человеком. До сегодняшнего дня.

Собрались горняки на высоте, где ранее лишь орлы гнездились да проплывали облака, задевая холодные серые утесы. Отсюда в глубь земли уходят огромные шахты, зовущие бурильщиков, проходчиков, взрывников, машинистов. Зовут в стальные монолиты забоев. Символы их нелегкого труда, металлические вагончики выходят из шахт, везут руду в домну и вновь возвращаются обратно, прожорливые и настойчивые. Так и днем и ночью.

Я слушал ритмичный гул горняцких будней, смотрел на ежеминутно меняющиеся картины природы. Я слушал людей. Слушал и Идрис. Молчание его было похоже на молчание скалы, у подножия которой мы сидели на мшистом камне.

«Не унывай, – говорил он сам себе, словно близкому и давнему другу. Слово это друг отправлялся на ратное дело. – Назад пути теперь нет. Не в пламя же бросаешься. Впрочем, лучше в пламя, чем в этот раз опростоволоситься. Лучше в пламя...»

– Зря ты, друг мой, обвинил меня в малодушии. А сам-то ты, того, жидковатый насчет воли, – сказал я, обращаясь к Идрису.

– Понятно, что первый день большого дела легким не бывает. Знаю о чем думаешь. Если мужчина, пошагай-ка впереди меня. А?

Идрис улыбнулся, потом, нагнувшись, внезапно расхохотался. Эхом отозвался его хохот. Потом сильно хлопнул меня по плечу.

– Ну, спасибо, друг сердечный! Спасибо. Поддержи, вдохнови меня, а то расплачусь. Это я-то жидкий! Ну насмешил, ну насмешил, брат, до слез.

Идрис, этот застенчивый и малословный Идрис, по натуре своей был целеустремленным и волевым человеком. И больше всего не любил застой, косность. Раньше воду на шахту подавали двигателем мощностью пять тысяч киловатт-часов. Много он об этом думал. А нельзя ли сэкономить такую кучу энергии да еще придумать такое, чтобы воды было вдоволь и без всяких перебоев. И придумал. Сколько талой воды зря пропадает. А нельзя ли это все направить в забой? Оказалось – можно. Но пришлось пройти расстояние от идеи до дела. Расчеты, вычисления, сопоставления затрат старых и новых...

С ним согласились не сразу: «Ну зачем тебе эта головная боль? И твоя ли вообще забота, откуда дают воду и кто платит за нее?»

Но он убедил. Убедил и победил.

Компрессор подачи воздуха. Его надо постоянно охлаждать. Сколько забот и времени... И тут нашел он новый, надежный и, главное, простой и дешевый способ.

Звание лучшего новатора пришло само. «Научная организация труда». Эти слова имели для него особый смысл. Упорным был этот немногословный, но настойчивый бригадир скоропроходчиков. Бывали и такие, которые примазывались к его новаторским успехам. Вместе с ним получали премии, делили славу, похвалу. Он тихо смеялся над такими. Но не возмущался.

А сегодня он был в грустном раздумье. Он верит в ребят своей бригады. Уверен – не подведут. А волнение не убывает. И какая-то подспудная тревога.

Шумно и торжественно проводили бригаду в каменную полость шахты. Словно на сражение, словно на противоборство со скальным монолитом. На подвиг, доселе неведомый в нелегком деле скоропроходчиков. Позади остался свежий ветерок гор. Но и в недрах скальных нет недостатка в воздухе, который напоминал родниковую свежесть. Но беспокойно в этих холодных недрах. Гремят проходческие комбайны, суетливо снуют электропоезда. Уверен шаг Идриса, который идет впереди.

Он до самой последней минуты не терял надежды в возвращение Мурадина. Одумается, думал он, непременно одумается. Но эти надежды, увы, остались надеждами. «Подвел, чертов сын, не сдержал своих слов...»

Начали подниматься в забой. Идрис открыл фляжку, подаренную Байдуллахом, сделал несколько глотков холодного айрана и передал ее вслед идущему...

Звенья бригады одновременно вели три вертикальных забоя. В одном работали бурильщики, в другом – взрывники. Третий оставляли для вентиляции.

Знал Идрис, что дальнейший успех зависит от первого дня. Поэтому он старался сохранить высокий темп с самого начала. Знал Идрис, хорошо знал, насколько здесь будет ценен личный пример. Но еще важнее был единый порыв, когда не должно быть ни одного отстающего звена, ни одного отстающего горняка. только это должно было обеспечить успех. Идрис не считал себя талантливей других. Но сейчас он бригадир, вперед идущий, и успех в немалой степени зависел от его настойчивости и твердости.

Бурильщики и взрывники быстро меняются местами. А руда, что дар бесценный, добрым потоком шла из забоя...

В эти часы и дни к работе бригады Идриса приковано внимание специалистов и руководителей рудника. Пост – ежечасный, ежедневный. Главный инженер не скрывает своего восторга – все расчеты оправдались. И как тому не радоваться? Ему так хотелось что-то сказать своему начальнику. Но пока сдерживался. Терпел. «Какая это беда – не верить в мужество человека, не доверять ему! Насколько беден такой руководитель. Но ничего... «Кто же был прав?» – скажу я ему».

...Чтобы сократить время, двое проходчиков используют одновременно три аппарата «ПТ-36». После каждой смены аппараты промываются, смазываются. Четко работает электросчетчик. Ребята сосредоточены. Их сплотили единое стремление, единая цель. Идрис уже видел, всем нутром своим чувствовал, что все мыслимые нормы перекрыты. Он зримо представлял контуры той высоты, к которой стремилась бригада. Вот ведь как получается! Преодолели-таки ребята себя. Впрочем, верно ли это? Скорее, разбудили до конца, без остатка, те физические и моральные силы, которыми они обладали. Сами! Как ты весилен, человек! Как неисчерпаем...

Но случилось непредвиденное. Из-за поломки аппарата «КПВ-1А» одновременно остановилась работа во всех трех забоях. Бурильщики и взрывники в замешательстве. Какой-то зловещей стала тишина в каменном чреве земли.

Главный инженер, услышав о случившемся, решил установить новый аппарат. Но на это уйдет добрая половина дня. Воспротивился директор комбината. Теперь он торжествует. Теперь он покажет себя строптивым и упрямым. «Восстановить аппарат и продолжать работу. Я не позволю таскать аппарат из одного горизонта в другой, – бушевал директор. – Я предвидел, чем это все кончится. Что ж, умники, приуныли? Выполняйте приказ!» – директор со звоном опустил телефонную трубку.

Но все же его заботила судьба поломанного аппарата. Он, конечно же, знал, что слава, в случае успеха бригады Идриса, не обойдет и его.

Долго шагал он по просторному, в коврах, кабинету. «А впрочем, к чему этот рекорд? Пусть бригада работает, как работала. А для рекорда найдется и другой человек. Главному инженеру – выговор. Чтобы чувствовал ответственность. Не-ет, не посмеет он теперь хорхориться передо мной. Теперь я хозяин положения...»

Через некоторое время телефон зазвонил вновь. Он узнал голос главного инженера. Голос был по-мальчишечьи веселый и звонкий.

– Я – главный инженер. Аппарат работает! Ребята сами исправили. Пошла большая руда! Завтра будет рапорт о всесоюзном рекорде по скоростной проходке! Поздравляю заранее! – раздались короткие гудки.

Директор так и остался стоять с трубкой в руке.

Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук,
председатель СП КБР

ДУХ СОМНЕНИЯ
К 80-летию С. Н. Бейтуганова

Сегодня, когда модернизационные ресурсы традиционных культур ставятся под серьезное сомнение, очевидна необходимость поиска интегративных механизмов национальных культур, обуславливающих взаимопроникновение этнического и глобального культурных миров.

Значительное влияние на формирование новой художественности внес Сафарби Бейтуганов – автор таких книг, как «Сущность», «Дух сомнения», «Время – творец сущего», в своих афоризмах и миниатюрах преодолевший «фольклорный реализм» – в русле аксиологических ориентиров развития – ярче и значимее, чем художественно несостоявшиеся многостраничные романы и поэмы. При этом, его тексты нельзя расценивать как чисто литературное явление, они полностью сохраняют свой этический, дидактический и рекреативно-жизненный потенциал, являя собой концентрированные резюме, сделанные по реальным наблюдениям за сегодняшней противоречивой действительностью. Например, афоризм «Написанное им (писателем. – Ю. Т.) уже давно на том свете, а он продолжает влачить своё существование на этой грешной земле», можно оценить как едва ли не самое достойное замещение живой критики, отсутствием которой литература КБР страдала всегда.

Автор книги «Время – творец сущего» с позиции утрированного этнического «я» повел «великий спор» (М. Лермонтов) уже с идеализацией социокультурных ценностей той же западной цивилизации. Редкая полемичность автора выражается в «малом» жанре эссе и афоризма, которые, прежде всего, формируют в переходное время новое содержание и форму, духовные ориентиры для традиционных культур. В условиях нынешней глобализации, диктующей «поглощение» традиционных культур и приведение их к некому единому знаменателю, (некоторые составляющие которого видятся вообще неприемлемыми), под вопросом оказывается сама возможность гармоничного существования этико-эстетических универсалий традиционного. А потому самое главное, на мой взгляд, что мотивация книги «Время – творец сущего» заключается

С. Н. Бейтуганов

в острой актуализации истоков системной индивидуализации общества, восходящей к известной формуле преемственности Ж. Казаного: «Тот, кто ладит с движением времени – настоящий мужчина».

При всей противоречивости некоторых публикаций С. Бейтуганова на самые различные темы, они отмечены главным – духом сомнения, преодолением зависимости от однозначной фольклорной логики. Его лучшие эссе и афоризмы – это творческая полемика с идеализацией «светлого» прошлого и «светлого» будущего, индивидуализация традиционного общественного сознания, но в абсолютно определённых этико-эстетических границах этого самого прошлого и будущего. Таким образом, С. Бейтуганов реализовал одну из ресурсных возможностей национального эстетического мышления, причудливый синтез новационного смысла его миниатюр и их этико-эстетической дидактики в высшей степени важен, ибо в кабардинской литературе движение, соотношение «миф – эпос – этикет» зримо определяет её эволюционный мейнстрим, и закономерно не исключается возможность совпадения и неразрывного переплетения различных типов художественного сознания и различных типов художественно-стилевых тенденций, которые могут взаимодействовать, как в художественном мире одного писателя, так и в структуре одного литературного произведения.

*Людмила ШАУЦУКОВА,
культуролог*

«НА ПЛЕЧАХ ВРЕМЕН...»

Сафарби Ногманович Бейтуганов не нуждается в особом представлении: историк, философ, педагог, энциклопедист, писатель, этнолог, публицист, общественный деятель, литературный критик, издатель, социолог, архивист – это еще не полный перечень его интересов и сфер их реализации. История – страсть с детства. Что может быть интересней постоянных исследований, работы в библиотеках, архивах, музеях; что может быть увлекательней изучения материалов собственной древней истории и культуры, которые настолько затягивают, что попросту забываются и время, и проблемы. Создается впечатление, что эта область жизни – личный рай для Сафарби Ногмановича, и для отличного самочувствия ему достаточно новой интересной темы, бумаги для очередного исследования и материала для ее изучения. Начитанность его иногда поражает, а в источниковедении ему, наверное, мало равных. Природа дала Бейтуга-

нову великое умение мозга никогда не скучать, а постоянно искать новое и неизведанное, его усидчивость, терпение, готовность к кропотливому и рутинному труду – это лишь минимальные качества, которыми должен владеть настоящий историк. Наверное, вторая важнейшая ипостась юбиляра, если не первая, – философ. Иногда под этим термином мы представляем образ мыслителя, бесконечно ищущего ответы на вечные вопросы о жизни и смерти. Да, Бейтуганов тоже много размышляет на философские вопросы, например, о Боге, любви, социальной и общественной жизни, внутреннем мире человека, он пишет научные труды, в которых предлагает логически выстроенные решения. Но, на наш взгляд, опираясь на обширную философскую традицию, он, как редко кто, может критически переосмысливать ее и даже спорить с ней, он смело вступает в диалог с мыслителями прошлого и даже в чем-то с ними не соглашается: «Вопреки утверждению Ларошфуко, от любви есть одно верное средство – время», «Куда уходит душа человека? В потомство! Движение в прошлое Природой не предусмотрено. Изменения, превращения и разрушения ее составляющих – необратимый процесс (возражая Платону)», «Скромность, приписываемая Сократу, сомнительна. Говоря, я знаю, что я ничего не знаю, он отказывал своим согражданам и в таком знании, следовательно, он ставил себя выше всех. Иначе незачем было его казнить». То есть умеет не быть в плену магии имени, которое давно застолбило место в мировой науке, поскольку время меняет не только наше представление об истинном и ложном, но еще очень важно с позиции времени актуализировать наследие великих, поэтому так необходимо заниматься анализом современных культурных и социальных проблем, как говорил Эйнштейн, «стоя на плечах времен». Чтобы убедиться в сказанном, достаточно почитать афоризмы Бейтуганова, в которых сходятся наука, искусство, религия, давая нам новый взгляд на обыденные вещи, позволяя выйти за пределы привычной бытовой мудрости, прорефлексировать и лучше понять самих себя и мироздание. Тем самым он не замыкает философию в рамках науки, а расширяет ее область за счет каждого, кто желает осознать себя в этом мире, мире внутри себя и всего существующего. Более того, Сафарби Ногманович считает, что лучшие философы – это дети, потому что они всегда обращают внимание на те вещи, которые часто остаются вне стандартного поля вопросов, они интересуются миром, размышляют о том, почему что-то происходит, главное, они умеют удивляться и искать ответы на свои вопросы: «Становясь взрослым, человек теряет прекрасные качества, свойственные ребёнку: чистоту, непосредственность, открытость, скромность потребностей, любознательность». Бейтуганов – истинный гуманист в самом глубоком значении этого слова. Это особенно ценно в эпоху турбулентности, такую, какую мы переживаем сейчас. К сожалению, иногда считают, что гуманитарное образование и гуманитарная деятельность – это то, что лю-

дей не кормит, не создает материальные ценности, не влияет на уровень жизни и т.д. Сафарби Ногманович уверен: чем дальше движется мир, тем важнее подъём интереса к гуманитарным наукам, ведь наивно полагать, что достаточно иметь представление, как мир устроен с точки зрения точных наук, гораздо важнее знать, на что способен сам человек, потому что общество, не знающее и не понимающее себя, становится беззащитной жертвой самых разнообразных кризисов; технический прогресс не только не способен справиться с ними, но часто еще и усугубляет их. Более того, именно достижения гуманитарного плана и есть фундамент господствующей идеологии: «Власть, оторванная от художественной литературы, долго не протянет, но художественное слово может обойтись без власти и даже чувствовать необычайный прилив творческой энергии». Пытаясь понять синтетизм и многостаночность Бейтуганова, приходишь к выводу, что тайна – в его энциклопедизме, как, впрочем, часто бывает у крупных просветителей в разные эпохи. «Будущее – за интеграторами», – сказал Эрнст Бойер. Энциклопедистом, согласно википедии, можно назвать человека, который в совершенстве освоил хотя бы три предметные области и может интегрировать их в элитарный набор навыков, которыми на земле не обладает даже один процент живущих на ней. А мы уже перечисляли области интересов Бейтуганова, где он – свой. Кроме того, он – создатель жанра философской максимы на родном кабардинском языке, которым великолепно владеет как на вербальном, так и на письменном уровнях. «Людей можно разделить на две группы: низких и высших существ; низшим свойственна материальная потребность, а высших отличает жажда духовной пищи; обе потребности совпадают в одном – безграничны», – согласно этому афоризму Сафарби Ногмановича Бейтуганова, не сложно понять, к какой категории он сам относится. Поэтому в своем красивом возрасте он имеет ясный ум и спокойную совесть, поэтому сумел сохранить интерес к миру и человеку, поэтому способен любить и дружить.

*Виктор КОТЛЯРОВ,
писатель, издатель, член Союза журналистов России*

БЕЙТУГАНОВСКОЕ ВРЕМЯ

Сегодня, когда интерес к книге упал повсеместно, тем не менее, есть издания, которые пользуются неизменным спросом. Говорю так с полной уверенностью потому, что не проходит недели, чтобы посети-

тели книжного магазина при нашем издательстве не спросили работу Сафарби Бейтуганова «Кабарда: история и фамилии» или ее другое издание «Кабарда в фамилиях».

Помню, какой повышенный интерес вызвало ее первое издание, вышедшее в 90-х годах прошлого века: книгу искали, передавали из рук в руки, делали выписки, сокрушались, если не находили сведения о своей фамилии. Но при этом мало кто задумывался о том, какой титанический труд стоит за этой работой, где каждое положение подтверждено документами, ссылками на места их хранения в архиве. Уже одной этой работой Сафарби Бейтуганов навсегда зафиксировал свое имя на скрижалях истории Кабардино-Балкарии.

Но сам автор отнюдь не рассматривает эту книгу, впрочем, как и другие исторические труды («Кабарда и Ермоллов», «Шора Ногмов и Ногмовы», «Переселенческое движение кабардинцев в Турцию (1900-1905)», «Кавказская война и адыги: история и политика», «История адыгов и фальсификаторы») среди своих основных достижений.

Он уверен – и это так и есть – главное, что сделал: сумел осмыслить мир и роль человека в нем через личностное восприятие. Его проникновенный взгляд, его незамутненный ум, его широчайшие знания позволили создать уникальные – в этом нет никакого преувеличения – творения. Парадоксальность авторских суждений, энциклопедичность познаний позволяют говорить, что рядом с нами живет и творит глубокий мыслитель, умеющий анализировать прошлое, познавший настоящее и прозревающий будущее.

Его книги, вышедшие за последние два десятилетия, уже своими названиями свидетельствуют об этом: «Сущность», «И вечность – миг», «Дух сомнения», «Изнутри и извне», «Древо самопознания», «Интеллект – стезя бессмертия». Эти монументальные фолианты, как и энциклопедические труды «Мир острой критики», «Пионеры всемирной истории», «Панорама мировых имен: вершины в оригинальных терминах» (объем последней – 57 печатных листов!) остались по большому счету без внимания общественности, их обошли вниманием критики, коих, исходя из уровня написанного, на ближайших просторах просто-напросто нет.

Из года в год Сафарби Бейтуганов выдает на-гора труды мощного, отнюдь не местечкового звучания, но в силу разного рода причин, среди которых и мизерность тиражей, и не востребованность периферийных авторов, они остаются не оцененными по достоинству, не позволяющими получить ту отдачу, которую способны дать. Жаль, что и в наше время большое видится по-прежнему только на расстоянии.

Спустя годы – у меня нет в этом сомнения – мысли, чувства, наблюдения Сафарби Бейтуганова не уйдут в прошлое, не останутся в

анналах, а будут востребованы. Прочитаны заново, поняты по-новому, задействованы в человеческом социуме.

...Перечитываю страницы новой книги мыслителя из Кабардино-Балкарии «За мерой – инобытие», которую наше издательство выпустило к его 80-летию. Перечитываю и печалюсь – неужели и ей суждена судьба других не менее знаковых его работ: быть востребованной двумя-тремя десятками интересующихся творчеством соплеменника, понятой при этом единицами читателей.

Чем-то происходящее вокруг творческих исканий Сафарби напоминает мне судьбу выдающегося советского философа Александра Зиновьева. О его книгах «Зияющие высоты» и «Светлое будущее» слышали все, а читали лишь избранные. Творчество Зиновьева нельзя отнести к какому-то определенному направлению, втиснуть в какие-то заданные рамки. Так же, как и работы Сафарби Бейтуганова.

Кто-нибудь возразит мне, что данное сравнение некорректно: всемирно известный философ (сам Зиновьев считал себя социологом) и провинциальный автор, известный в узких кругах. Тем, кто придерживается подобной точки зрения, советовал бы раскрыть книги Сафарби Бейтуганова, хотя бы уже упомянутую «За мерой – инобытие», и, если вы умеете читать, а не скользить глазами по строкам, мир социолога человеческой души предстанет перед вами во всем его многообразии.

Асият ХОКОНОВА (АБИДОВА)

РОДНОЕ ИМЯ

Имя Сафарби Ногмановича нашей семье родное. Уже много десятилетий.

Я пришла в Каменноостскую школу преподавателем химии сразу после университета. А Сафарби учился там в девятом классе. Не обратит внимания на него было нельзя. Во-первых, он обладал заметной самостоятельностью и ершистым характером. Во-вторых, его выделял особый склад ума, склонный к размышлению. А живость ума сочеталась с умением анализировать события и факты окружающего мира, умением выносить собственные оценки, а не повторять вслед за кем-то. Понятно, что уже тогда в нем были качества, характерные для, как сказали бы сегодня, лидера общественного мнения. Сверстники чувствовали его превосходство и тянулись к нему, тем более что Сафарби

уже тогда умел общаться на равных, не принижая других и не возвышая себя.

Не сомневаюсь, что этот естественный стиль поведения был заложен его родителями. Их уважали и почитали в селе. Семья была многодетной, по-сельски загруженной повседневными заботами и работой, но двери их дома всегда были открыты для односельчан. Не было дня, чтобы не зашли туда за мудрым советом, или за поддержкой, или за шахматной партией, ведь всем было известно, что отец Сафарби был фанатом этой интеллектуальной игры. Нередко туда заглядывал и мой супруг Тимофей Адельгериевич Хоконов, директор школы. Их жаркие сражения за шахматной доской наблюдали дети, которые тоже увлеклись этим развивающим мышление занятием.

Никогда не смогу забыть, как однажды мне не с кем было оставить годовалую дочь Лену, а надо было срочно ехать в Нальчик. Попросила Сафарби, видимо, руководствовалась его опытом жизни в большой семье и его отзывчивостью. Вернувшись, увидела потрясшую меня картину: Сафарби пламенно декламировал стихи Владимира Маяковского, а ребёнок, распахнув глаза, его слушал...

Умение находить общий язык с людьми разных возрастов очень пригодилось Сафарби Ногмановичу, когда он вернулся в школу на короткое время учителем. Ребята обожали его слушать, ходили за ним по пятам. Но школа, конечно, не могла удовлетворить его тягу к познанию истории как науки, не оставляла ему достаточного времени для погружения в столь манящий его мир литературы...

Став писателем, он находил время для посещения села, для общения с близкими людьми. На книге «Сущность», подаренной нам, он оставил трогательный автограф: «Тимофею Адельгериевичу Хоконову, учителю, которому я обязан знанием русского языка...». Как педагог, я понимаю, что Сафарби Ногманович – из благодарных и благородных людей. Его мироощущение самобытно, мыслитель в нем сосуществует с пониманием реальной жизни народа. Его многочисленные книги читаются и обсуждаются, насколько я это вижу и знаю. Его афоризмы входят в число тех, которые западают в память.

Вот я открываю его книгу «Средоточие», читаю такое суждение: «Если бы мне предложили выбрать из всего духовного богатства человечества три вещи, я бы указал на слово, музыку и танцы, а на требование отказаться от одного из них, я ответил бы отказом». Читаю и понимаю, что согласна с этим, эти богатства формируют душу, наполняют ее гармонией и общностью с другими людьми...

В заключение же этих слов хочу пожелать Сафарби Ногмановичу доброго здоровья, желания творить для себя и для нас...

АФОРИЗМЫ

Характер человека, полученный им от природы в дар или в наказание, в целом незаменим: кукушку никто не научит высиживать яйца в своем гнезде.

Человечество было бы сравнимо с пчелосемьей, если бы оно научилось своевременно избавляться от трутней.

Женщина незаменима, как опора и крылья мужчины, но она же бывает и живой пропастью для него.

Святой – это грешник, расплатившийся, как ему кажется, за свои грехи.

Гений лишен обыкновенных мирских радостей – живет высокой судьбой, лишь ему одному доступной и для него одного предназначенной.

Временный возврат к прошлому – необходимость, когда движение вперед зашло в тупик.

Иногда ради приличия приходится аплодировать пустяку.

Желание жить без ошибок и заблуждений – это занятие лентяя.

Голова без мысли – это нечто странное на плечах.

Глобализация – ультраимпериализм, могила малочисленных этносов.

Три категории людей: сверхчеловек – единицы, человек – сливки общества, простолюдин – тьма-тьмущая.

Перипетии славы: сначала ласкает душу, затем режет слух.

Красота спасет мир, если соблазн позволит.

Надо подниматься все выше и выше, чтобы обнаружить и постичь другие вершины.

Женщина менее податлива в позднем возрасте – в эту пору расцвета ее посещает подобие мысли.

Просторечие всегда приятнее вычура: оно не трогает душу, но и не треплет нервы пустозвонством.

Есть одна действительно невозполнимая утрата – это праздная и бесцельная растрата невозвратимого времени.

Мужчина в безопасности со стороны женщины только в одном случае: если ей он не интересен.

Человек – фабрика по изобретению веры, надежды и любви.

Начни новое дело – и тут же найдутся те, кому его опозлить.

Сплетни – моральная эпидемия, расплзанию которой никакой иной вирус не помеха.

Только тот памятник несокрушим, который воздвигнут нерукотворно.

Принцип «все или ничего», гарантирует себе разбитое корыто.

После жизни остаются два пути: в историю и в никуда.

Людям свойственно удивляться, но то, чему одни удивляются, у других вызывает горькую усмешку.

Есть два вида одиночества: творческое уединение и печальная доля.

Какая же я дура – воскликнет женщина в иные минуты, но и тут она, как всегда, права, но уже со знаком плюс.

У дурака есть ум – дурацкий.

Литературные премии: по существу или по другим мотивам.

Исправленная ошибка – прелюдия к новой.

История – сигнал, который влетает в одно ухо затем только, чтобы вылететь из другого.

Ишаку не напишут трогательных слов признания его заслуг, однако он не из стада прожорливых: любому количеству золота предпочтет и малую толику корма.

Человек по своей природе – ветер переменных направлений: то набирает силу урагана, то, перебесившись, впадает в абсолютный штиль.

Божьей твари сверху донизу приятна ложь, если это лесть.

Отделаться от бессмыслицы часто настолько тяжело, что человек с нею останется до последнего дня.

Мудрецу глаза и уши, по сути, не очень нужны, кроме как глазеть по сторонам: смотреть увлеченно не на кого, да и слушать его почти некому.

Когда кто-то критикует кого-то, следовало бы на очной ставке послушать их очную словесную дуэль.

Счастью на райских качелях снится грешная жизнь на земле.

Хорошо лишь где-то там, но где именно – неизвестно.

Душа имеет возраст – не может же она сохранить вечную юность в дряхлеющем организме.

Зверь не так опасен, как скотина.

Необходимость рождает друзей и врагов, причем одних нередко меняет на других.

Уцелеть – главное событие при любых ситуациях.

Тугодум – катастрофа, когда время требует оперативных решений.

Бессимптомный дурак.

В житейских спорах с женщиной мудро уступать: она тут же забудет, о чем шла речь, а сопротивление ее ожесточит и она будет стоять насмерть на своем.

Познай других и скажи: это Я!

Вера – часто не более чем суеверие, которому придан божеский облик.

Политик – слуга политики, мнящий себя господином.

Обманутый счастлив, пока ложь не обнаружится.

Узкий взгляд обычно ставит точку там, где требуется многоточие.

Разум полезен: избавляет себя от замечаний со стороны.

Творец всемогущ, но не настолько, чтобы усомниться в некоторых своих действиях.

Ошибка всегда тягостна, а особенно – когда неисправима.

Локтепожатие – новая форма рукопожатия людей в условиях коронавирусной инфекции.

Житейское речение гласит, что старость – не радость, однако я две старости предпочту моему одному детству, опаленному войной и послевоенными бедствиями.

Женщины рожают детей от мужчин, а мужчины – поэзию от женщин.

В раю, как и в аду, не должно быть постоянной прописки.

Житейской мудрости женщины не учатся – она в их крови; этому искусству учат мужчин, и учителя здесь – женщины.

Становясь другим, познаешь, кем ты был: и то хорошо, хотя часто бывает не по себе.

Фортуна улыбается не только по заслугам: адресат ее настроения ей совершенно безразличен.

Женщине случается испытывать сладкое чувство от несогласия с ней – это когда она говорит с укором о себе.

Чтобы жить, достаточно иметь здоровье, но для мысли этого ничтожно мало.

Шанка творческой личности еще тяжелее той, что была у Мономаха.

В человеческой среде чужих для нее детей нет, есть ненужные взрослые.

Людям трудно угодить: и правда им по сердцу, и ложь по душе.

Дурак вместо нравственности часто наделен талантом.

Правда и ложь – естественные права человека, искусственно нарушаемые.

Примитивное сознание – тот же животный инстинкт.

Вера и неверие – две вероятные ошибки.

Храбрый человек живет жизнью тигра – вопросами культуры ему не дано заниматься.

Есть автор хуже графомана – это плагиатор: по крайней мере, честная бездарность.

Людям рот не заткнешь и это не так уж плохо, иначе говорить было бы некому и слышать некого, стояла бы гробовая тишина – кладбище живых трупов.

Существует одно действительно высшее учебное заведение – это школа самообразования, которая отличается тем, что не выдает

документов об уровне знаний, поскольку окончанию не подлежит.

Слон и моська: в одном часто сидит другой.

История никогда не учит; так как у нее в группе одни псевдоученые, но наказание за ней не заржавеет.

Огонь, вода и медные трубы – это будни человека в старческом возрасте.

Многословие – речь, адресованная лишь к самому оратору.

Лев в преклонном возрасте – добыча злорадных шакалов.

Усопшего прохвоста следовало бы предать не земле, а проклятию под какофонию фанфар.

Желания трудового народа яснее всего видны в сказках: в них он лихо расправляется со всеми, против которых в реальности бессилён.

Толпа – энное количество ног, ожидающих голову на стороне.

Богач – самодовольный холоп жажды накопительства.

Здоровье человека нуждается в такой заботе, какая оказывается больному.

Бог все творит на перспективу, а верующий живет одним днем и ему хочется взамен получить все и сразу.

Каждое слово, как минимум, двусмыслица: собственное значение и то, что вкладывает в него говорящий.

Смех в душе – многозначная отдушина и суд над всеми и вся.

Власть в людях преимущественно вызывает надменные чувства – делает из них скоропортящийся продукт.

Дурак – дитя природы, но любит она его, как мать непутевого мальчика.

Всякое разочарование – следствие наивности и наличия розовых очков.

Меню обывателя может состоять из различных блюд, но в нем не будет одного – духовной пищи.

Одиночество – это одиночка без надзирателей.

Ад и рай даже гипотетически недопустимые места во Вселенной, тем не менее, мириады людей живут ими в страхе и надежде.

Сплетня – оружие побежденных.

Страсть не испытывает потребности в предварительном подогреве – в мгновение ока закипает.

Для счастья нет ни друзей, ни врагов, – оно улыбается всем и изменяет каждому.

Голубь – символ мира, а питается отбросами этого же мира.

Образец для подражания не по своей воле хуже неподражаемого – порождает массу ничтожеств.

На грамм сомнения тонна самомнения – таков дурак.

Талантливый учитель не расстанется с ролью ученика.

Брачные узы развязываются и получается узел противоречий.

Идея высшей справедливости на Земле несокрушима, но и победа над мраком ей не светит.

Все в мире познаваемо, лишь излишне тратить время на женщину – она непостижима: галактическая туманность в ученой среде ближе и яснее.

Жизнь не напрасно прожита, если возникло желание реформировать ее.

У настоящей поэзии один творец – стихия чувств.

Мудрость – высшая степень разума, явление более редкое, чем гений, который, в отличие от мудрости, проявляет себя и в раннем возрасте.

Поэзия – воздух, которым дышит поэт, в ней он имеет все, чего ему так не хватает в жизни.

История – школа без учащихся и учителей: кто во что горазд.

Чтобы сойти с ума, требуется одно непереносимое условие – наличие ума.

История – кот Васька: слушает да ест – всех и вся.

В приемной Чёрта до чёрта посланцев, а он их отсылает от себя подальше – к Богу.

Утром душа чиста как росинка, в полдень покрывается пятнами, а к вечеру старается очиститься от них.

Философия – школа незваных учителей, до которых народу нет дела.

Невежда – лентяй во цвете лет.

Есть два вида ощущения счастья: кто-то ходит на своих двоих, а кто-то ползает на четвереньках.

Крупная личность – мишень мелких закулисных интриганов и сплетен на бабском уровне.

Надежда с верой такие подруги: заведут и в непроходимую лесную чащу и топкие болота.

Комплименты, расточаемые мужчиной с пеной у рта в адрес женщины – сплошная серость в сравнении с одним ее заманчивым взглядом.

Смерть человека открывает перед его временем жизни две двери: через одну начинается путь в историю, а другая ведет в небытие.

Земное счастье не для Творца, на небесах формы наслаждения, должно быть, другие.

Нет большего счастья для мужчин и женщин, чем когда они очарованы друг другом.

Женщина вдали недосыгаема, вблизи неотразима.

Печалиться о прошлом, значит, не жить нынешним временем.

Вся природа – супружеская пара.

Жить лишь своим умом – удел однобоких существ: мыслящему человеку нужно гораздо большее.

Девиз «ни дня без строчки» – сущая ерунда, некая Ниагара без чарующего водопада!

Знание – империя без границ и императора.

Женщине не нужна голова, что на плечах у иных мужиков – она любит свою душу и, похоже, во многом права.

Шагай со временем в ногу, но с головой на плечах.

Общество изобилия – это откормленный скотный двор в ожидании своего конца.

Истина пребывает на поверхности, а ее ищут в глубинах; поэтому находят не ее, а нечто другое.

Для влюбленной пары все времена года – весна.

Жить с верой легче, с думой – тяжело.

Железную волю обыкновенно ставят в заслугу человеку, между тем железо подвержено и разрушению, а нержавейка выдержит и суровое воздействие внешней среды.

Поэзия – дочь сказки: в различных интонациях и вариациях в ней происходят чудеса, о чем только может мечтать автор.

Родственность по духу выше родства по крови.

Гений обделен здравым рассудком обывателя.

Нынешние отцы и дети: бородатый сын, и выбритый отец, который перед ним выглядит молодым перспективным человеком.

Старость – награда за мудрость и терпение.

Украденное счастье долго не задержится у вора.

Где нет любви, там нет измены.

Мера творчества – сам творец.

У глупца учится один лишь мудрец.

Каждому человеку предстоит хотя бы раз в жизни ударить в грязь лицом, чтобы потом сохранить его в чистоте.

Возвышаясь головой над своим временем, можно остаться глухим к биению его сердца.

Уверенно утверждаю: прочитанных до дыр книг неизмеримо меньше написанного, а уровень читателей тем ниже, чем автор талантливее.

Поиск истины важен, но только как процесс – находка ошибочна.

Дурак и в Африке дурак, а гению необходима среда, соответствующая его духу.

Фортуна путешествует по свету в сопровождении эскорта из двух составляющих: Дамоклов меч и Прокрустово ложе.

Престижно, когда голова без царя: ума в ней больше!

Природа – мать всего живого, отец пока неизвестен.

Гению здравый рассудок противопоказан: вытеснил бы из него творческую жилу.

Если бы я не родился адыгом, возможно, жизнь была бы менее интересной и содержательной.

Слепая любовь к своему народу – худшее для него наказание, поскольку она спонтанна и потому держится особенно стойко.

Глубокая мысль не мешает допущению элементарных ошибок в быту, более того – провоцирует их.

Должность – кормушка чиновника при любом общественном строе, и он за нее будет цепляться руками и ногами.

Бутылка никогда не бывает надежно закупоренной, если в ней сидит джинн.

Гений лишен земных радостей – счастлив дарами с небес.

Тайна – шарм женского рода.

Необходимость никуда не денется, – сумей создавать случайность!

Подражание образцовому примеру в среднем полезно, но престижнее двигаться дальше и подниматься выше.

В правде меры столько же, сколько во лжи.

Чего бы ни было вначале, чувства предшествовали этому.

Нормальные люди – это жизнь в пределах очерченного круга, за пределами которого они видят одних разрушителей общественной морали и порядка.

Любви бы одно свойство ненависти: в ней нет места изменам и предательствам.

Толпа одиночеству не подмога – та же пустыня.

Перекладывая физический труд на плечи нанотехнологии, человек обрекает свою природу (организм) на трансформацию с непредсказуемыми последствиями.

Лень-матушка, окажись в раю вместо Евы, находилась бы на вечном иждивении у Господа: уж ее-то Дьявол был бы бессилён соблазнить на запретный плод.

Господство в подлунном мире предпочту трону в небесном царстве.

Ничто не гарантия от различных проявлений скуки, в том числе зеленой: вспомним Демона у Лермонтова – «И зло наскучило ему».

Людям нередко удастся держать язык за зубами – огромная услуга друг другу, иначе междоусобицам не было бы конца.

Лентяй – саранча личного времени.

Жизненных ориентиров, кажущихся верными, множество, но иные прямой наводкой ведут в топкие болота.

Любовь слепа, но это единственный случай, который впоследствии делает человека зрячим на всю оставшуюся жизнь.

Государство – зло, но хаос и смута – большее зло; третьего не дано – пока.

Родительское воспитание обыкновенно заканчивается тем, что дети без видимого успеха учат родителей уму-разуму.

Все, что эквивалентно деньгам – вещь.

Зло гарцует на скакуне, а добро передвигается на своих двоих.

Сплетня – отдушина моральной черни.

Ад и рай – кнут и пряник одного вкуса, полезное средство удержания людей в узде.

В любви женщина находит мужчину, а мужчина теряет голову: оба счастливы.

Время – триада: начало–конец–начало.

Молчание – знак согласия? Стиснутые зубы!

Женская голова – второе сердце.

Природа всех вещей – зона заключенных, где нет места надзирающему.

Явный поцелуй – тот же утаенный жест, эпизод наподобие Тайной вечери, но его последствия могут проявиться запоздало и многообразным распятием.

Лирические глупости – цветы прозаической жизни.

Начало любви – сердце, конец – голова.

Человек изрекает истину в двух случаях: когда чувствует себя в полной безопасности или защищен властью.

Я недоступен чувству зависти – завидовать некому!

Дружба – наивная потребность души.

Процесс стирания различий между городом и деревней не повлечет за собой устранения контраста между гением и рядовым сознанием.

Мощь – калиф на час.

Вера обманчива, но и неверие не отличается надежностью – может подкузьмить.

Не откладывай на завтра и то, что кажется на сегодня невозможным.

Дикость, испорченная цивилизацией – таковы комнатные кошки и собаки, а также прирученный чиновничий люд.

Правда, высказанная робко, способствует лжи точить свои зубы.

Идя навстречу друг другу, люди сокращают дистанцию между собой, но преодолеть всю ее невозможно.

Живой труп хуже самого трупа – может подложить свинью.

Классы – это исторически обусловленные социальные группы, которые по мере своего развития неизбежно рассеиваются, одновременно организуясь в новые сообщества.

В критическую минуту иной всадник без головы бывает востребованнее, чем целый эскадрон гусар с головой.

Мусульманство цивилизованнее других мировых религий: в нем Бог не подлежит сфере изобразительного искусства.

Политика – религия государства, а государство – религия народа: одни исповедуют обе по доброй воле, другие – нехотя.

Цену рублю знает тот, кто его отдает.

Зло и добро в природе и в людях сменяют друг друга: постоянству там и тут нет места.

Ленинизм – волюнтаристский отросток марксизма.

Бог – очень много, а человек – чуть-чуть, но многое в малом видит свое будущее.

Ни для кого нет места в чьей-то душе в тот момент, когда она уходит в пятку.

Князь в грязи – стыд и срам, из грязи в князи – уродство.

Самолюбие – сама скромность и простота в сравнении с черствым себялюбием.

Европейский союз – стая бывших государств.

При всех ситуациях, встречающихся на жизненном пути человека, есть одно неотвязное чувство душевной боли – возраст.

Посадить дерево, родить сына и построить дом – триединая задача, которая под силу любому человеку; главное начинается после: ухаживать за деревом, воспитать сына и жить в доме по-человечески.

Добродушие независимо от ценности его содержания заслуживает хорошей оценки.

Счастье – получает должное признание лишь после перемены ситуации к худшему.

Набожному в двух случаях приходится раскаиваться: в своих промахах – часто, за прегрешения перед Богом – редко.

Разум и безумство храбрых имеют одну и ту же отправную точку – рассудок.

Женщина всегда в образе, и чем изощреннее, тем опаснее для мужиков.

Покушение на жизнь человека, какими бы мотивами оно не объяснялось, должно подлежать искуплению через Чистилище Данте.

Воровство – негативная форма индивидуального или группового отношения к закону.

Гильотина лучше прокрустова ложа – меньше пытки.

Время, которое в иные дни кажется остановившимся, – иллюзия.

Год за годом бегут без оглядки, эстафетно передавая всего себя грядущему (о новогодних надеждах и о том, что предстоит).

Мефистофель в «Фаусте» – завуалированный Гете.

Человек в своей любви и ненависти к людям не свободен от самобмана и заблуждений.

Подлинный демократ на вершине сильной государственной власти полезнее для свободного волеизъявления личности, чем демократия вообще, где различные группировки, называющие себя демократичными, в кровь грызутся за место в иерархической лестнице, от чего всегда страдает демос, которому они якобы служат.

Перерабатываю себя, как пчела цветочный нектар, в поисках своего меда и иногда ощущаю его непередаваемый вкус.

Ева привнесла семя вражды в прежние отношения между Богом и Дьяволом: перед этим о конфликте на небесах нет сведений!

Женской логики хватает ей на то, чтобы быть женщиной, а это часто больше, чем мужчина.

Тот, кто творит себя – безбожник, следовательно, все гении – безбожники.

Пишите что хотите: всегда найдутся и сторонники, и противники.

Друзьями и врагами люди становятся волей случая; таким же образом первые могли быть вторыми, а последние – первыми.

Сомнительно, что женщина сотворена из ребра мужчины: богобоязненный человек не был бы способен послушаться воли своего Создателя.

Процесс пошел – сказал генсек М. С. Горбачев, полный оптимизма, однако ему было неизвестно, что это громкое начало закончится его политической смертью, а страну ждет бесславный конец.

Ум и глупость, гений и бездарь – параллельные линии.

Теоретическая сторона религии настолько бедна, что она не приближает верующего человека к пониманию сущности Творца.

Себе я, как думаю, не враг, однако, кажется, и не друг настолько, чтобы быть от него в восторге.

Испокон веку существуют две гендерные пары: мужчина – женщина и мужик – баба.

Что ценнее: 1 минута жизни или 1 млрд. рублей? Если выбор возможен – конечно, минута жизни!

Годы летят и летят, а откуда и куда путь держат, никому из людей не дано знать, и в этом смысле человечество без изъятия – полная невежда.

Перед тем как ошибиться, сознание ни у кого не работает в нужном русле, однако и после многие остаются в дремучем состоянии.

Вообрази себя в роли других людей и тогда откроется шанс равно бранить и хвалить себя, а также порой быть равнодушным к своей особе.

Общего у людей не только то, что их разъединяет: каждый человек идет своей дорогой к общему для всех концу.

Женщине случается говорить правду о себе, но в страстном ожидании ее немедленного опровержения.

Религия, препятствуя людям в выработке личного мировосприятия, не мешает открытиям в науке, но и атеизм оставляет двери широко распахнутыми в мир глубоких тайн природы.

Кажущееся нередко ближе к истине, чем иное убеждение.

Нередко предпочтение отдается тому, что могло случиться, но не

стало реальностью, однако никто достоверно не скажет, чем бы это несостоявшееся могло обернуться.

Все защищаются от всех, но кто же нападает?

В гендерной паре слабой половиной является мужчина, который находится в материальной или иной зависимости от женского пола.

Убежденность – кастрированная диалектика.

Лишь тот Творец, который создает то, чего не было на свете до него.

Ложь или правда? Взаимозаменяемы: ложь сойдет за правду, а правда – за ложь.

Форма Вселенной: везде край и там же середина.

Второе открытие велосипеда также престижно (и приоритетно!) для интеллекта, если оно сделано независимо от первого открытия.

Классика – потолок и одновременно фундамент творческой мысли.

Женищина – все времена года, но продолжительность каждого из них зависит от ее настроения.

Совершенство – гуманистический идеал, который и в сказках остается недостижимым.

Люди, поливая друг друга грязью, иногда скрытно очищаются от собственной нечисти.

Человек, познавший себя, не должен испытывать никаких сомнений в том, что ему случается быть и лучше и хуже других.

ЖИЗНЬ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ К 70-летию Т. Ш. Биттировой

Тамара Шамшудиновна Биттирова – литературовед, литературный критик, культуролог, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, заслуженный деятель науки КБР, заслуженный работник культуры Республики Ингушетия, член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ.

Родилась 1 сентября в с. Коксу Казахской ССР в годы депортации. Т. Биттирова – автор более 200 научных работ, в том числе 24 книг, посвящённых истории и проблемам современной карачаево-балкарской литературы, фольклору, учебников.

Из вышесказанного следует, что перед нами яркая, активная личность, чья гражданственность не требует комментариев, а вся её научная и общественно-пропагандистская деятельность настолько насыщена, что, казалось бы, здесь нет места для лирических и иных излишеств. Однако это не так.

1 сентября Тамара Шамшудиновна отмечает юбилей в кругу самых близких и дорогих сердцу людей, для кого она была и остаётся примером для подражания. Дочери Нуржан и Аслижан Кубадиёвы, из которых первая – известный специальный телевизионный корреспондент канала «Россия 1», сюжеты которой всегда глубоки, исторически достоверны, красиво преподносятся. Младшая дочь также занимает достойную нишу в сфере курортов и туризма. Тамара счастливая бабушка семерых внуков – шести изумительно красивых девочек и юного красавца, курсанта-кадета Амира.

И при всём этом Тамара остаётся завидно молодой и красивой женщиной, чья улыбка, чей смех всегда являются нам человека-оптимиста, которому чужды уныние и скепсис. И это при том, что она испытала раннее сиротство, на её плечи легла тяжкая ноша заботы о младших сёстрах и братьях. Стойкости её можно поучиться, как и тяге к знаниям. После герпегежской школы Тамара с красным дипломом окончила отделение балкарского и русского языка и литературы историко-филологического факультета КБГУ. Затем аспирантура в Азербайджанском госуниверситете по специальности «Теория литературы», защита диссертации на соискание кандидатской степени, касающейся проблем развития и становления

Т. Ш. Биттирова

жанра прозы в балкарской литературе. И, наконец, молодой учёный удостоен звания доктора филологических наук. Работа заслужила высокую оценку учёных-филологов КБР, КЧР, Дагестана и Москвы (ИМЛИ).

Труды Тамары Биттировой признаны и вошли в научный оборот за отражение темы «Духовно-культурные основы балкарской литературы», в которой представлена совокупность двадцатилетнего научно-теоретического поиска автора. И неслучайно: в них всегда неординарный свежий подход к раскрытию темы, причём извлечённый из источников, многих архивов, где работала учёный. О масштабе деятельности Т. Биттировой говорят «Литературные памятники». В этой серии автор издала «Басият Шаханов. Избранная публицистика», «Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начала XX в. (в двух томах)», «Религиозная литература и культура карачаево-балкарцев», «Карачаево-балкарские просветители», «Этюды о Балкарии», «Карачаево-балкарская духовная литература», «Мисост Абаев. Историк, публицист, общественный деятель», «Басият Шаханов. Жизнь и творчество». Именно Т. Биттирова обратилась к творчеству представителей карачаево-балкарского зарубежья. Изданы её книги «С любовью к родине отцов», «Литературно-публицистическая деятельность в карачаево-балкарской диаспоре», «Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья», «Публицистика, литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья», ставшие заметными явлениями в истории культуры региона в целом.

На родном языке вышли «И будет течь река Итиль» (Волга), «Уроки жизни», «Карачаево-балкарская духовная поэзия. Исследования. Тексты» с анализом путей развития и становления письменной словесности карачаево-балкарцев от XIX века и ранее в контексте развития северокавказских и тюркских литератур. По сути, это первые литературоведческие работы по дореволюционному периоду двух этносов.

Как видный исследователь Т. Биттирова участвовала в работе международных симпозиумов и конференций в Нальчике, Фрунзе (Бишкек), Баку, Эскишехире, Карсе, Амасье, Измире (Турецкая Республика). Её статьи и выступления были опубликованы в зарубежных научных изданиях – в Болгарии, Голландии, Турции, Азербайджане. Она является автором букваря для сельских школ, хрестоматии по литературе и фольклору на балкарском языке. Её научные разработки вошли в учебные программы вузов КБР и КЧР.

Заметное место в работе Т. Биттировой занимает преподавательская деятельность. Более двадцати лет она читает курс лекций в ИПК учителей, ведёт спецкурс в КБГУ и СКГИИ по литературе и фольклору, является соавтором ряда центральных изданий: «Антология педагогической мысли народов СССР» (Москва), «История литератур народов Северного Кавказа. Дореволюционный период» (Ростов-на-Дону), «Карачаевцы и балкарцы» (Москва, РАН), автором ряда статей Биобиблиографического

Делегация ученых Северного Кавказа и Дагестана на конференции Кавказского университета (г. Карс Турецкой Республики), посвященной 100-летию Октябрьской революции. Слева направо – Хаджимурат Доного, Камиль Алиев, Тамара Биттирова, Борис Харсиев, Светлана Хубулова, Мурат Дышеков

словаря (Нальчик, КБИГИ), а также руководителем авторского коллектива «Очерки истории балкарской литературы». В настоящее время с группой авторов работает над изданием «История ингушской литературы» на русском языке, являясь при этом ответственным редактором проекта.

Труды Т. Биттировой – неотъемлемая часть истории литературы, языка и культуры не только Северо-Кавказского региона. Они занимают передовые позиции в дискурсе научной мысли. Её отличают широта кругозора и интересов, а активная жизненная позиция являет нам человека, всем сердцем и помыслами влюблённого в наш заповедный край, в малую Родину.

Деятельность Тамары Биттировой всегда остаётся в поле общественного внимания. Она медийная личность, с экрана телевизора ведущая активную пропаганду лучших страниц наших литератур, заметных общественных явлений. Поэтому не случайно её неоднократно отмечали наградами. В их числе почётные грамоты Правительства КБР, РАН, КБНЦ РАН, Международного фонда Тюркской (Турецкая республика), Союза журналистов РФ (неоднократно), медаль имени выдающегося карачаево-балкарского общественного деятеля и просветителя Ислама Крымшамхалова, памятная медаль к 150-летию основоположника балкарской литературы К. Мечиева. Она носит почётное звание «Заслуженный деятель науки КБР».

Род Биттировых подарил нашей истории немало ярких личностей, ревностно относящихся к родной земле. Не будет преувеличением сказать, что Тамара Шамшудиновна занимает в истории культуры превосходное место. Мы гордимся ею, отдавая дань искреннего уважения человеку, положившему себя без остатка на алтарь науки. В день её юбилея это хочется подчеркнуть с особым сердечным чувством.

ДОРОГАМИ КНИГИ К 70-летию В. Н. Котлярова

В. Н. Котляров

Котляров Виктор Николаевич – писатель, издатель, член Союза журналистов России (1975), Союза писателей РФ (1998). С 1999 года по настоящее время – главный редактор журналов «Эльбрус», «Приэльбрусье», издательства М. и В. Котляровых. Заслуженный журналист КБР (2011), кавалер ордена «За заслуги перед Кабардино-Балкарией» (2017), лауреат Государственной премии КБР в области литературы (2019), автор более 60 книг в жанре документальной прозы. В том числе: «Ты создал мир. И он велик: Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет...: Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей...: Книга о художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003) и др. А также научно-популярных работ о малой родине: «Неповторимый Нальчик» (2006), «Живописная Кабардино-Балкария» (2011), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2011), «Неизвестная Кабардино-Балкария» (2013), «Загадочная Кабардино-Балкария» (2014), «Увлекательная Кабардино-Балкария» (2014), «Удивительная Кабардино-Балкария» (2016), «Неповторимая Кабардино-Балкария» (2017), «Мистическая Кабардино-Балкария» (2019), «Кабардино-Балкария: 100 имен в истории XX-XXI веков» (2021).

Среди последних работ: двухтомные подарочные издания «Кабардино-Балкария: чудо природы» (2021), «Кабардино-Балкария: природный курорт, всероссийская здравница, туристическая Мекка» (2022).

*Адам ГУТОВ,
доктор филологических наук*

ДУХОВНЫЙ РЕЗОНАНС

Творческий тандем Марии и Виктора Котляровых – особая страница в культуре Кабардино-Балкарии. Вот уже на протяжении более трех десятилетий эти два замечательных человека заполняют редкую нишу в нашей литературе, работая в таком специфичном жанре, как докумен-

тальная проза. Как известно, для нее характерно построение сюжетной линии исключительно на реальных событиях, но все же в авторском восприятии. Поэтому глубина раскрытия образа не всегда зависит от беспристрастной объективности в изложении, а прямо соотносится с душевным настроем самого автора, с глубиной его переживаний.

Именно так написаны их работы «Ты создал мир. И он велик: Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет...: Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей...: Книга о художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы: Портреты, заметки» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003).

То же можно говорить обо всех других работах, которые увидели свет благодаря стараниям Марии Абрамовны и Виктора Николаевича, включая одно из самых последних – книгу о ста представителях Кабардино-Балкарии. В ней читатель встретит много известных ему имен и останется доволен тем, что они попали в число тех, кого авторы признали духовно близкими себе. Увидит он в книге и очерки о почти не знакомых ему людях, он будет этим немного удивлен. Но, как можно надеяться, в большинстве случаев в сознании читателя произойдет резонанс с тем настроением, который побудил чету Котляровых внести эти имена в первую сотню избранных.

Нетрудно было предвидеть, что у некоторых читателей вызовет недоумение, что на страницах этой книги представлены одни, а не упомянуты другие, быть может, не менее заслуженные. Да, конечно, если взвешивать всё на абсолютно объективно точных весах, у многих найдутся основания упрекнуть авторов в необъективности. Но если задаться целью угодить каждому из тех, кто высказывает свое суждение, то придется составлять и вторую, и третью книги еще не об одной сотне достойных людей, чья жизнь тесно переплетена с жизнью нашей республики.

При всех больших достоинствах, которыми обладают Котляровы, они такие же люди, как и мы, им могут быть более знакомы и близки одни, и незнакомы другие. Поэтому они ни с кем не согласовывали свой выбор – ни с теми, кто близок к властям, ни с теми, кто причастен к истории и современному положению в области духовной культуры, а просто решили рассказать о тех людях, которые им ближе по духу. В этом отношении их выбор настолько индивидуально мотивирован, что без такого подхода книга не могла бы состояться такой, каковой она получилась – наполненной исключительно положительным зарядом, эмоциями, нестандартным стилем изложения.

Мария и Виктор, люди иной национальности, иного менталитета, пусть и прожившие всю свою жизнь в нашей республике. Но по своей ментальности они глубоко укорененные, типичные представители нашей многонациональной среды. Причем среды не безликой и стан-

дартной, но по-кавказски кабардинской, по-кавказски балкарской, по-кавказски же русской или иной, но со своим выраженным лицом, породственному близким настоящим сынам Кавказа, как и сынам России.

Вот поэтому они смогли не только глубоко проникнуть в духовный мир наших соотечественников, но и сделать его достоянием всех, кто прочитал или кому еще предстоит прочитать эти исследования, плоды их доброго труда на наше всеобщее благо. Их отличает единство композиции и стиля, философская и художественная концепция, логическая завершенность и эстетическое единство, но главное – они достойны своих героев – личностей для кабардинцев, и балкарцев, русских, людей разных национальностей, при этом знаковых, оставивших свой след в нашей истории.

Если попытаться определить писательскую позицию Марии и Виктора, то будет уместным назвать ее духовным резонансом, породнившим авторов с героями книг, позволившим в прямом смысле слиться с ними. Мало того, не только откликнуться на их духовные сигналы, но и настроить на эту волну множество самых разных людей.

*Сергей МАЛАХОВ,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей и отечественной истории
Армавирской государственной педагогической академии*

СОДЕЙСТВУЮЩИЕ ВОСПИТАНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В жизни часто бывает, что о некоей творческой личности ты знаешь давно, как бы живёшь с этим интересным человеком в одном времени, в одном географическом пространстве, читаешь о нем в прессе и Интернете, видишь даже результаты его труда: например, статьи, книги, картины, но не удается никак встретиться, поближе познакомиться, и образ мыслей этого человека, его философию жизни, взгляды ты познаешь по делам его. И действительно, может быть, так и лучше, почти по Евангелию: судите по делам... Ведь не случайно ещё русский историк Василий Осипович Ключевский как-то обмолвился, что главные факты биографии историка – это его исторические работы.

Книгоиздатели из Нальчика Мария Абрамовна и Виктор Николаевич Котляровы – профессионалы своего дела. Результаты их труда – книги. Впервые с книжной продукцией издателей М. и В. Котляровых я познакомился ещё в середине 1990-х годов, когда они начали

публиковать свою известную книжную серию «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО). Эти книги издательства «Эль-Фа» всегда охотно приобретали и специалисты-кавказоведы и студенты, краеведы и просто путешествующие по Кавказу.

В городском книжном магазине перед полкой, где стоял плотный строй книг этой серии, всегда можно было увидеть заинтересованного любителя истории, смотрящего и читающего выборочно тот или иной том, можно было лицезреть и обрадованного неожиданной книжной находкой (наконец-то издали то, что так долго разыскивал), но можно было увидеть и огорченного – никак не может приобрести очередной том какого-нибудь раритетного автора, спрос на которого оказался выше издательского тиража, и он сразу по выходе превратился в библиографическую редкость.

С 2006 г. издательство «Эль-Фа» преобразуется в «Издательство М. и В. Котляровых» («Полиграфсервис и Т»), занимающееся публикаций литературы практически по всем отраслям: от философии и лингвистики до книг естественно-научного профиля. Однако на любом этапе издательской деятельности Марии и Виктора Котляровых выпуск книг гуманитарной направленности составлял, если можно так сказать, «направление главного удара». С редакторского стола в печать, начиная с 1994 года, ушло более 3000 названий книг: среди которых публицистические и поэтические сборники, труды по лингвистике и литературоведению, воспоминания наших современников, переживших трагедии XX века, художественная проза, приключенческая литература, путеводители, буклеты и фотоальбомы об истории, людях и природе Кабардино-Балкарии; интереснейшие работы по этнографии, топонимии, генеалогии, фольклору, истории поселений, музыке, искусству танца, национального костюма кабардинцев и балкарцев. Даже если бы В. Котляров завершил свою издательскую деятельность, скажем, только на серии «КЛИО», в которой он выступал автором-составителем, редактором и автором предисловий, то этого уже было бы достаточно, чтобы его имя навсегда осталось в истории культуры и книгоиздательского дела Северного Кавказа конца XX века.

Многие издания той серии стали настольными книгами у историков-кавказоведов.

Прошли годы... Изменились и полиграфические мощности, и возможности цветной печати. Закономерно, что продукция «Издательства М. и В. Котляровых» пользуется всё большей популярностью. Творчество этих двух подвижников печатного дела, создавших небольшой, но профессионально талантливый коллектив, получило достойную и заслуженную оценку на Всероссийских книжных ярмарках, а Мария и Виктор Котляровы стали лауреатами республиканских, всероссийских и европейских премий. Получивший талант от Бога – талантлив

во всё. Нальчикские издатели не только издают труды своих авторов, но и сами поглощены литературным творчеством: Виктор Николаевич – журналист, писатель, поэт, эссеист, Мария Абрамовна – журналист, очеркист. Их творческий союз позволяет взаимно дополнять друг друга, и это приводит к весомым и интересным результатам для читателей.

В последние годы Мария Абрамовна и Виктор Николаевич Котляровы обратились к темам загадочного, таинственного, неизведанного в истории и природе родной республики. Их интереснейшие и интригующие заметки стали накапливаться исподволь, вначале в виде газетных публикаций, затем стали выходить в виде небольших сборников, а с 2013 года выходят в изящно оформленных томах с многочисленными цветными и черно-белыми иллюстрациями. Роскошное чтение!

Начиная с седых времен, авторы погружают читателя в детективные и малоизвестные страницы истории Кавказа – рассказы о скифском котле, скифах и древних корнях кабардинской топонимии, киммерийцах, мифических великанах и «длинноголовых», предках балкарцев и христианах средневековья, о «франках» в Средневековой Кабарде, о загадочных явлениях в ландшафте и мегалитических памятниках, героях-нартах – это далеко не полный перечень занимательных сюжетов, с многочисленными толкованиями и версиями. Чтение превращается не только в путешествие в прошлое Кабардино-Балкарии, описанное великолепным языком, но и в напряженное решение сложных и многоходовых задач, сравни шахматной партии.

События XIX и XX веков в книгах предстают перед нами через анализ редких фотофактов и мемуаров, человеческих судеб и архивных документов.

В поле зрения авторов попадают как известные личности недавно ушедшей эпохи, так и малоизвестные, или вовсе забытые. К прошлому Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа в целом авторы приближаются через биографию человека, что в современной отечественной методологии истории рассматривается как антропологизация (букв. «очеловечивание») истории.

Отправным пунктом для путешествия в Прошлое у авторов становится текст. Например, опираясь на неопубликованные воспоминания Константина Александровича Чхеидзе «События. Встречи. Мысли», а также на многолетние собственные изыскания, авторы обращаются к таким именам времен Гражданской войны и раннего советского периода истории Кабарды, как Бетал Калмыков, Назир Катханов, Магомет-Гирей Тамбиев, Заракуш Мидов, Дул Шекихачев, Иван Церетели, Заурбек Даутоков-Серебряков. И хотя все они придерживались подчас диаметральных политических взглядов, происходили из разных сословий, всех их объединяет не только трагическая судьба, но и искреннее стремление принести пользу своей Родине. Авторы не акцентируют

внимание на идеологических взглядах героев в своих миниатюрных биографических очерках, ход истории часто неумолимо делает первых последними, а пребывавших в тени возносит к свету, но даже и не это занимает авторов повествования.

Воспоминания Чхеидзе, как и многие другие источники прошлого (фотографии, газетные статьи, воспоминания близких, мемуары), становятся отправной точкой для собственного маршрута в родную историю у Котляровых, с привлечением редких документов, уникальных находок в архивах, устных свидетельств, добытых и собранных в многолетней журналистской деятельности. Главное, что они хотят показать в своих историко-биографических эссе – противоречивость и неоднозначность как ушедшей от нас эпохи, так и ее тогдашних протагонистов, игравших не последние роли в недавнем прошлом Кабардино-Балкарии, пытаются беспристрастно и объективно разобраться в логике их поступков и мышления, не навязывая собственного заключения об эпохе и ее творцах.

Выводы должен делать сам читатель, часто авторы приглашают его даже продолжить исследование, не спешить с умозаключениями... Но в каждом биографическом эссе на первом месте везде выступает авторское неравнодушное, пристальное внимание к судьбе своего героя, а вернее к его Душе, авторы пытаются понять или хотя бы максимально приблизиться к осмыслению проблемы: «Что есть человек?». Читая очерки М. и В. Котляровых, видишь и борец страстей, и бытовую историю, и сложность морального выбора, перед которым всегда, во все времена стоял человек... И этот выбор: между Добром и злом, Правдой и ложью, прошлым и будущим, эгоцентризмом и альтруизмом, служением «малому народу» (своему клану) и «большому народу», способностью отказаться от равнодушного наблюдения за миром через замочную скважину, и, напротив, преодолением самого себя, снятием внутренних ограничителей собственного роста, ради возможности заглянуть за горизонты Будущего – такой выбор стоял перед нашими предками, актуален он и для нас. Знакомство с жизнеописанием авторских героев – прямое напоминание и свидетельство об этом.

Вхождение в подробности их судеб в форме интереснейших историко-краеведческих и биографических рассказов, позволяет читателю не только приобщиться к отечественной истории, но и извлечь определенный социальный и нравственный урок. И здесь, действительно, понимаешь, что «история – наставница жизни». Авторы, например, мучительно размышляют об обстоятельствах жизни, контрапунктах и истоках мировоззрения, неоднозначных поступках, национальном и интернациональном в характере политического деятеля Бетала Калмыкова, показывая его во всем многообразии противоречивых черт.

Отличительная особенность стиля очерков М. и В. Котляровых – это своеобразная недосказанность. И это осознанный шаг. В живописи

есть такой прием – не прописывать всё до конца, до каждой складочки, морщинки, цветового пятна или блика, а положить мазок пастозно, с пробелами, где-то оставить подмалевок, не перекрывать красочным слоем рисунок – и тогда зритель сам будет доделывать, фантазировать и мысленно дорисовывать портрет или пейзаж. Такой прием – приглашение к сотворчеству. Вот именно приглашением к сотворчеству, духовному соработничеству на почве родной истории и краеведения являются книги «Неизвестная Кабардино-Балкария», «Загадочная Кабардино-Балкария», «Увлекательная Кабардино-Балкария», «Неповторимая Кабардино-Балкария», «Удивительная Кабардино-Балкария». В ней не «закрываются» те или иные темы или разделы истории Кабарды и Балкарии, не стираются «белые пятна», путем закрашивания в определенные цвета, а напротив, читатель приглашается к исследованию, занимательному путешествию в Прошлое, к новому прочтению Книги истории. Может быть, не всегда исследовательские приемы методологически выверены, не везде просматривается ясность и однозначность в заключениях, но авторы на это и не претендуют, они часто привлекают в качестве экспертов самых разных специалистов, в приложениях к своим очеркам публикуют документы, поскольку, в жанрах такого рода – главное поиск и приближение к Истине. Всё это позволяет читателю наблюдать диалог мнений и взглядов, находить аргументы и контраргументы в дискурсе текстов, на равных участвовать в возникающем занимательном разговоре и определяться самому в поисках верного решения той или иной исторической загадки.

Историко-познавательное чтение в настоящее время не развлечение, а воспитание любви к книге, приобщение к чтению, как духовному труду. К сожалению, ушли в прошлое те годы, когда наша, тогда ещё большая страна, по праву называлась самой читающей в мире. По данным социологических опросов, в современной России взрослый человек уделяет чтению всего пятнадцать минут в день, а треть населения вообще не берёт книгу в руки. Всё это ведет к духовно-нравственному оскудению, культурной деградации, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями нравственного разложения, которое нам часто демонстрируется в разного рода низкопробных ток-шоу, и, глядя на такого человека, входящего в твой дом с телеэкрана, невольно задаешься вопросом: «А человек ли это, как можно таким стать в стране с тысячелетней духовной и многообразной традиционной культурой почти двухсот коренных народов, издревле населяющих ее территорию?» Ответ напрашивается сам собой: человек не трудящийся над книгой, не занимающийся своего рода умственным подвижничеством ежедневно, не имеющий привитого и воспитанного вкуса к чтению – обречен на интеллектуальную и нравственную деградацию, и не спасут его современные информационные системы, новейшее компьютерное «железо» и всяческие «гаджеты».

Книжное дело М. и В. Котляровых, популяризация ими исторических знаний о жемчужине Кавказа – Кабардино-Балкарии, поддержание ими определенного градуса памяти о прошлом Северного Кавказа, публикация забытых авторов, причем за свои собственные средства, и возвращение этих имен современному читателю – это культурное подвижничество, которое наблюдалось в России только в период расцвета земского книгоиздания во второй половине XIX – начале XX в. И в этом отношении деятельность издателей, журналистов, писателей М. и В. Котляровых является ярким образцом сохранения и развития отечественного книгоиздательства и просветительства. Заботливо, красочно и любовно оформленные отдельные тома, альбомы, недорогие популярные издания, вышедшие из недр котляровской редакции, вселяют надежду, что число читателей в России их стараниями умножится, молодежь потянется к книге и приохотится к полезному чтению, а затем самостоятельно сделает следующий шаг – в серьезную науку... История народов Кавказа станет ближе и роднее, понятнее, каждому молодому гражданину великой России, взявшему в руки книгу, изданную в Нальчике.

В современных процессах трудно формирующегося единства гражданской нации России, возрождение традиционных этнических культур, в обретаемой заново идентичности и осмыслении россиянами своего места и собственной роли в мировой истории, вне всякого сомнения, навсегда останется лепта и нальчикских книгоиздателей, которые уже не одно десятилетие настойчиво пробуждают у наших соотечественников чувство патриотизма. Своими книгами Мария и Виктор Котляровы активно содействуют сохранению и воспитанию исторической памяти в обществе.

Константин ЕЛЕВТЕРОВ

ПОСТИГАЯ ВЕЧНУЮ ДУШУ КАВКАЗА

30 лет исполняется в этом году и нальчикскому издательству Марии и Виктора Котляровых. Зарегистрированное в декабре 1999 года как «Полиграфсервис и Т», с 2006 года оно выпускает книги под грифом «Издательство М. и В. Котляровых». Более трех тысяч с половиной книг вышло за два десятилетия. Всероссийскую известность получила тридцатитомная серия «Кавказ», возвратившая современному читателю ценнейшую информацию из огромного массива не переиздававшихся дореволюционных публикаций, так и представляющая современных исследователей.

Не менее известны серии нальчан «Народы Кавказа: история, география, этнография», «Республики Кавказа: этнос, экскурс, орогра-

фия в текстах и фотоматериалах». «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа». Последняя представляет широкий спектр авторских книг руководителей издательства о достопримечательностях, природных объектах, памятниках истории и культуры КБР: книг-путешествий, путеводителей, буклетов, фотоальбомов.

Заявленная в 1999 году главная цель крошечного (в штате всего пять человек) частного издательства – через узнавание, постижение, понимание естественного своеобразия обычаев и традиций проживающих здесь народов способствовать решению проблем кавказского региона, воспитанию толерантности, уважения, доброжелательности друг к другу – достигнута. О чем свидетельствуют как российские награды (начиная с 2000-го года книги нальчан одиннадцать раз признавались лучшими в РФ!), грамоты лауреатов многочисленных (в том числе и международных) конкурсов, дипломы за лучшую редакторскую работу, так и высказывания тех, кто непосредственно знаком с трудами нальчан.

Вот лишь несколько из них.

Сергей Степашин, президент Российского книжного союза: «...Глубокое знакомство с чужими культурами, обычаями, традициями прорастает пониманием души иных народов, признанием родственности многих ценностей и обычаев. Крепкое многонациональное государство держится, прежде всего, на культурной и нравственной общности сопредельных национальностей, и только потом – на экономическом и политическом притяжении. Как тут не вспомнить простых русских учителей, принесших народам Кавказа просвещение, исподволь, ни на что не претендуя, формировавших их духовность. Из тех славных традиций русской культуры в наше непростое время многое утеряно. Многое, но не всё. Кто же они, Котляровы? Русские люди, коренные жители Кабардино-Балкарии, с малых лет соприкасавшиеся с национальными культурами горских народов, впитавшие всё лучшее в них. Поставившие целью своей жизни всё это лучшее сделать достоянием России».

Сергей Дударев, доктор исторических наук, профессор (Армавир): «...Котляровы на своем поприще осуществили целый ряд проектов, внесших немалый вклад в то, что называется «опамятованием». Стремление сделать достоянием читающей публики, казалось бы, канувшие в Лету произведения тех или иных зарубежных и отечественных авторов средневековья – начала новейшего времени, особенно российских дореволюционных, заслуживает безусловного одобрения. Среди переизданного Котляровыми отметим сериал «Кавказ», который, в немалой степени, поднимает из забвения работы по различным периодам кавказской истории и этнографии. В советское время эти труды были некоей экзотикой, как правило, труднодоступной и в силу этого, особенно притягательной. И вот на рубеже XX и XXI вв. час дореволюционных сочинений настал. В условиях кризиса советской исторической науки пере-

издания старых работ стали очень модными. В них кому-то виделась неангажированная трактовка истории, по которой читающая аудитория давно соскучилась. Котляровы тонко почувствовали актуальность момента и весьма мощно откликнулись на него».

Юрий Карпов, доктор исторических наук (Санкт-Петербург): «...Котляровы более 20 лет создают антологию произведений о Кавказе – небольшой по размерам части Земли, но очень своеобразной и многогранной. Родившиеся и воспитанные на земле Кавказа, русские по генетическому коду, они посвятили себя изучению этого края и ознакомлению с ним как можно большего количества людей. ... Следует надеяться, что появившиеся в этом издательском доме книги, и те, что появятся в будущем, будут востребованы поколениями неравнодушных к Кавказу людей».

Светлана Алиева, доктор филологических наук (Москва): «Котляровы сделали выбор – открыть России и всему миру тайны Северного Кавказа, сосредоточившись на популяризации истории, этнографии, орографии кавказских этносов. Котляровы заслужили право на титул «исторического явления», то есть высокого профессионального признания и профессионализма согласно верности избранной теме».

Виктор Черноус, кандидат политических наук, профессор (Ростов-на-Дону): «Марии и Виктору Котляровым удалось максимально приблизиться в своей деятельности и творчестве к образу и сущности Кавказа: сакральному, природному, историко-культурному, полиэтническому и человеческому. Конечно, Кавказ неисчерпаем до конца, но любовь к Кавказу, Кабардино-Балкарии Марии и Виктора Котляровых позволила им увидеть вечную душу, словами академика Юрия Жданова, «солнечного сплетения Евразии» и открыть ее жителям края, его гостям, да и профессиональным исследователям».

Валентин Кузьмин, русский писатель о книге «Живописная Кабардино-Балкария»: «Прочитав книгу от корки до корки, свидетельствую: в ней гораздо больше, чем обещано. Прежде всего – это увлекательное чтение. Язык живой, нередко образный, эмоциональный, – писали люди, влюбленные в родные места. Но главное: «Живописная Кабардино-Балкария» – прозаическое справочное издание – от начала до конца пронизано поэтическим чувством восхищения перед самим явлением, которое складывается как чудесный, неизъяснимо прекрасный конгломерат природы, одухотворенной присутствием человека, умеющего ее понять и принять как дар свыше; всего лучшего, что человек сумел на века привнести в этот мир – неповторимого, незабытого, будь то древние легенды, выдающиеся личности, незабываемые строки, уцелевшие строения или полуразрушенные могильники и сторожевые башни. Давно у нас не было такой доброй, умной и честной книги о нашей земле».

Евгения Тютюнина, архивист: «Невообразимая загруженность Виктора паразитична – и только фантастический трудовоголизм, в со-

четании с граничащей с фанатизмом поклонением Ее величеству – Книге – делает его выдающейся личностью в нашей культурной среде. Определить его профессию одним словом невозможно. Он издатель, полиграфист, писатель, журналист-блогер. А еще – путешественник, археолог, спелеолог... В широком смысле – краевед, просветитель. А еще (как и Мария) – общественный деятель. Вокруг них – небольшая группа подобных же энтузиастов-универсалов.

В личном плане покоряет их, скажу так, интеллигентскость, т. е. пренебрежение внешними атрибутами преуспевания. Разумеется, без небольшой дозы здоровой амбициозности не обойтись – и признание, востребованность, награды, призы, премии приятно вдохновляют. Но не более того – борьба за самоутверждение – не самоцель этих неутомных тружеников.

Неудивительно, что чрезмерная (по мнению некоторых) активность вызывает неравнозначную реакцию окружающих. Ну что ж, умение «держать удар», спокойно и достойно отвечать оппонентам – удел выдающихся личностей – и остается только порадоваться и пожелать двуединому интеллектуальному семейному союзу Марии и Виктора Котляровых еще многих полезных лет житейского и творческого пространства».

Владимир Вороков, кинорежиссер: «Вот живем мы рядом с людьми и не замечаем с кем живем, кто они, эти люди. Так и Котляровы Мария и Виктор. Что-то там пишут, какие-то книги печатают. А о них, о Котляровых, так ведь нельзя думать. Это неправильно. Созидатели, большие мастера своего дела, талантливые люди.

Издательство Котляровых выпустило более трех тысяч книг. Вдумайтесь в эту цифру. Более трех тысяч! Да как же такое возможно, какой же это труд. Маленькие, щупленькие, вроде бы незаметные, а ведь великие люди. Не боюсь и не стесняюсь этого слова.

У меня много книг этих талантливых людей. И они не просто стоят на книжных полках или лежат на антресолях. Я к ним часто обращаюсь, и они мне помогают в работе.

А иногда просто хочется полистать их альбомы. Для радости для удовольствия. И листаю, и радуюсь».

Юрий Тхагазитов, доктор филологических наук: «В разные времена издательское кредо М. и В. Котляровых оставалось неизменным – высокий духовный ориентир как наша общая судьба. Этнополитическая ситуация в нашем регионе только подтверждала и подтверждает такой нравственный выбор. Только культура и формирует то ядро, вокруг которого кристаллизуется интеллектуальный и духовный потенциал общества. Хотелось бы подчеркнуть, что талантливые организаторы – Мария и Виктор, сочетая в себе внутреннюю убежденность, высокую культуру, свободную от конъюнктурных со-

ображений, сумели определиться на вызовы реально необходимой, а не романтической, как тогда казалось, культурной политики. Они, оставив в стороне перспективы «своей» карьеры (а Виктор еще мастер слова в малой эпической прозе), посвящают себя искреннему, самозабвенному служению целостного постижения сути «чужого» духовно-культурного пространства.

Сегодня можно отметить бесспорную значимость «Издательства М. и В. Котляровых» для наших культур, но намного труднее представить себе проблемы, скрывающиеся за этим «научным подвижничеством». Я имею в виду, конечно же, не какие-то «мелочи», а, прежде всего, финансовый риск издателей. Можно ли поверить в то, что утверждение духовности приносит хорошую прибыль? Удивительно другое, как же могут такую необозримую по объему и содержанию работу выполнять 5-6 человек! Поистине, духовность тоже проявляется не в силе, а в правде».

Анатолий Шарданов, кандидат философских наук: «То, что уже сделано Марией и Виктором в журналистике, литературе, краеведении, издательском деле достаточно, чтобы войти в ряд выдающихся людей республики и России. Думаю, даже не будет слишком большим преувеличением поставить их в одну шеренгу с известными просветителями Кабардино-Балкарии.

Есть люди разные – содержательные, или не очень, и пустые, как барабан. Иногда и барабан производит приятное впечатление – ухожен, красив, обтянут кожей, красивыми шнурами, все гладко и красиво, да и звучит прекрасно, но ни одного звука не издаст сам по себе, потому что пуст внутри. А есть люди – камертоны, под которых надо настраивать струны души, чтобы сберечь вечные ценности человечества – веру, надежду и любовь. Таким людьми являются Виктор и Мария».

Светлана Башиева, доктор филологических наук: «Два незаурядных человека – Мария и Виктор Котляровы – идут бок о бок по жизни уже много лет и не перестают удивлять многих из нас масштабностью издательской, писательской деятельности, которая, возможно, была бы под силу не одному коллективу. Но, видимо, Бог дает им силы и энергию, чтобы изо дня в день неумолимо воплощать в жизнь один за другим уникальные проекты, имеющие огромное значение для культурной жизни не только нашей республики.

Писатели, Издатели, Историки, Публицисты, Филологи. И наконец – Труженики. Я не зря написала профессиональные роли Марии и Виктора с большой буквы: все, что они делают в жизни, делают с любовью, содержательно, эстетично, качественно.

Под пером Котляровых оживают неизвестные нам тропы в горах, старые улицы Нальчика, имена, канувшие в лету, забытые страницы истории нашего края, настоящее и прошлое нашей безгранично кра-

сивой Кабардино-Балкарии, которые становятся благодаря большому таланту и нелегкому труду, равнодушному отношению к судьбе уникальных природных памятников Марии и Виктора достоянием многочисленных благодарных читателей, заставляют их осмысливать по-новому многие события. Согласитесь: это дорогого стоит!»

Анатолій Баташев, писатель (Москва): «Вряд ли сегодня есть люди, кто знает о Кабардино-Балкарии, ее истории и красоте больше, чем Мария и Виктор Котляровы. Их книги разные, не только о красоте. Но и о боли. Кто сумел бы, к примеру, так пронзительно описать документы, связанные с трагедией балкарского народа. Или создать саги о доблести, о необыкновенной истории и традициях черкесов. Здесь выходят и серии с описанием различных частей Кабардино-Балкарии, ее равнин, гор и ущелий.

Их маленькая книжная лавка – это отражение КБР в миниатюре. Красота на фоне запустения. Мысль на фоне безмолвия. Радость на фоне уныния. Котляровы верят в республику, и вслед за ними верит и читатель. Возможно, пиши они бульварные романы, то стали бы столь же востребованными как Дэн Браун. Но они следуют великим традициям русской литературы, заставляя читателя думать, сопереживать, страдать или восхищаться, жить повествованием».

Константин Лотиев, кандидат биологических наук (Сочи): «В Кабардино-Балкарии есть «магический кристалл» в котором всякий желающий может увидеть прошлое и настоящее республики, прочесть уникальные тексты, услышать о поражающих воображение находках и открытиях. Этот «кристалл» имеет прозаическое название – издательство М. и В. Котляровых. Вошедшего сюда ждет встреча с чудом. Мария и Виктор не только «оживили», извлекли из небытия и переиздали бесчисленное множество документов минувших эпох, своими собственными открытиями, находками, книгами, фотоальбомами они творят облик родной республики, как страны чудес и добра.

Подвижничество, как известно, заразительно. Не удивительно, что вокруг Котляровых концентрируется множество энтузиастов-краеведов. Есть среди них студенты и почтенные старейшины, ученые и пастухи. Нет только корыстолюбивых начетчиков и глупцов, искренне полагающих, что постигли все тайны мироздания. Первым около издательства голодно – подавляющее большинство проектов реализуется за собственный счет, нет бюджетных и грантовых средств, подлежащих «распилки», а вторым дискомфортно – в мире Котляровых остается много непознанного. Но всякий человек беззаветно любящий свой край и стремящийся узнать о нем чуточку больше найдет здесь внимание и понимание!

Увы, насколько известно автору, феномен Котляровых присущ только Кабардино-Балкарии. Есть, безусловно, и в соседних регионах достойные издатели, исследователи, архивисты, фото-художники. Но

это разные люди, не связанные между собой центростремительными силами. Нам, гостям Кабардино-Балкарии, остается только по-доброму завидовать жителям республики. И с крайним изумлением узнавать, что среди последних встречаются «патриоты», почитающие деятельность Котляровых вредной и едва ли не подрывной. Воистину, нет пророка в своем отечестве! В качестве одной из главных претензий к издателям часто фигурирует ... дословное (не фальсифицированное, а именно дословное!!!) воспроизведение текста переиздаваемого первоисточника, которое, как кому-то представляется, искажает историческую истину и/или наносит ущерб «имиджу» того или иного этноса. Помилуйте, а как же иначе?! Ведь всякий уважающий себя редактор ОБЯЗАН, как протопоп Авакум, «за аз единый» идти в огонь и на плаху! Непреходящая ценность кавказоведческих работ 18-19 веков заключается в двух обстоятельствах: 1) они абсолютно не политкорректны, их авторы писали без всякой оглядки на мнение кавказцев об их творчестве; 2) информаторами авторов были люди не знавшие, какая именно версия прошлого их народа будет объявлена в 21 веке наиболее славной и, соответственно, правильной, а наивно и благородно полагавшие священными изустно передаваемые предания пращуров».

АВТОРСКИЕ ИЗДАНИЯ
МАРИИ И ВИКТОРА КОТЛЯРОВЫХ
(с 2000 года)

Ты создал мир. И он велик: Книга о поэте Али Шогенцукове (2000);
Я тот, кто будет...: Книга о ректоре Владимире Глостанове (2001);
Ладони протяни к огню души моей...: Книга о художнике Мухадине Кишеве (2002);

Адыги: сердца и судьбы: Портреты, заметки (2002);

Кязим: Слово посланника. Слово судьбы. Слово творца (2003);

Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003).

В 2004 г. были переизданы в едином серийном оформлении работы: «Ты создал мир. И он велик», «Я тот, кто будет...», «Ладони протяни к огню души моей...», «Адыги: сердца и судьбы»;

Кязим. Жизнь. Судьба: Документальное повествование (2005);

Фотолетопись – **Кабарда: время и лица:** Конец XIX – начало XX века; **Балкария: время и лица:** Конец XIX – начало XX века; **Балкария: время и лица:** 20-30-е годы XX века; **Балкария: время и лица:** Конец 50-х годов XX века. (2004, 4 выпуска);

Буклеты серии «Родной ландшафт» – **Приэльбрусье, Приэльбру-**

сье: Джилы-су, Чегемское ущелье, Хуламо-Безенгийское ущелье, Черекское ущелье, Баксанское ущелье, Нальчик и его окрестности, Кабардинская равнина, Исторические экскурсии, Обычаи и традиции, Одежда и быт. (2005–2007. 11 выпусков);

Фотоальбомы серии «Кабардино-Балкария: природная жемчужина»:

Приэльбрусье (2004);

Приэльбрусье: Джилы-су (2005);

Чегемское ущелье (2005);

Хуламо-Безенгийское ущелье (2006);

Черекское ущелье (2006);

Нальчик и его окрестности (2007);

Кабардинская равнина (2008);

Баксанское ущелье (2008);

Балкария: страна души (2005);

Живописная Кабардино-Балкария: Книга-путешествие (2006);

Неповторимый Нальчик: Книга-путешествие (2006);

Нальчик: Путеводитель (2006);

Elbrus region: Путеводитель по Приэльбрусью (2006, англ. яз.);

«Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа (2007);

Кабарда: верность в любви (2008);

Необъяснимое. Непознанное. Невероятное: Книга. (2008);

Необъяснимое. Непознанное. Невероятное: Книга-альбом (2008);

Занимательное. Забытое. Загадочное: Книга (2009);

Занимательное. Забытое. Загадочное: Книга-альбом (2009);

Кабардино-Балкария: Заповедная страна: Фотоальбом. (2010, 2016, 2-е изд.);

Причастные к стране чудес: Очерки, зарисовки, размышления (2011);

Живописная Кабардино-Балкария: Занимательное путешествие с авторами и героями книг по республике, которую называют жемчужиной Кавказа» (2011, 2-е изд.);

Ключи от мира тайн мертвых: Что искали гитлеровцы в горах Кабардино-Балкарии (2011);

Таинственная Кабардино-Балкария: Сто невероятных, загадочных, труднообъяснимых фактов, явлений, событий, происшедших в республике, которую называют жемчужиной Кавказа (2011);

Кабардино-Балкария в открытках. 15 комплектов по 10 открыток в каждом: Эльбрус; Приэльбрусье; Ущелья; Водопады, озера; Вершины; Памятники природы; Хранители веков; Памятники; Нальчик; Ретрофото; Кабарда-ретро; Балкария-ретро; Национальный костюм, Цветы Кавказа, Кязим (2011);

За тайнами и чудесами: Путеводитель по Кабардино-Балкарии (2012);

Страна чудес – Кабардино-Балкария: Открытия, находки, сообщения Марии и Виктора Котляровых (2013);

Неизвестная Кабардино-Балкария: Увлекательные, захватывающие, остросюжетные рассказы о загадках истории и людях республики, которую называют жемчужиной Кавказа (2013);

Загадочная Кабардино-Балкария: Невероятные сюжеты, занимательные рассказы, таинственные события, связанные с республикой, которую называют жемчужиной Кавказа. (2014);

Увлекательная Кабардино-Балкария: Невероятные факты, удивительные события, необычные биографии людей, чьи судьбы связаны с республикой, которую называют жемчужиной Кавказа (2014);

Приэльбрусье: Путеводитель (2015. русск. +англ.);

Кровавый след: войско Тимура на территории Кабардино-Балкарии (2015);

Кабардино-Балкария: 100 чудес, больших и маленьких. Занимательный путеводитель с координатами объектов и параллельным текстом на английском языке (2016, 2018);

Кавказ мистический. В роли охотников за тайнами «Аненербе», «величайшим» из метеоритов, снежным человеком (2016);

Удивительная Кабардино-Балкария: Занимательный, интригующий, красочный рассказ о прошлом и настоящем республики, которую называют жемчужиной Кавказа (2016);

Неповторимая Кабардино-Балкария: Малоизвестные страницы века прошедшего, события, покрытые тайной, судьбы, оставившие след на скрижалях республики, которую называют жемчужиной Кавказа (2017);

Таинство волшебства: Северное Приэльбрусье и Малкинское ущелье Кабардино-Балкарии. Занимательный историко-краеведческий путеводитель с навигатором и английской версией (2017);

Кабардино-Балкария: еще 50 чудес, больших и маленьких. Занимательный путеводитель с координатами объектов и параллельным текстом на английском языке. Кабардино-Балкария: чудо природы. Высокогорный заповедник, Национальный парк, природные заказники, памятники природы. (Книга-перевертыш 2018);

Кабардино-Балкария: 50 тайн, невероятных и мистических. Занимательный путеводитель с координатами объектов и параллельным текстом на английском языке. (2018);

Кабардино-Балкария: чудеса и тайны. Занимательное историко-краеведческое издание в 3 томах (4 книгах) с навигатором и английской версией. 3 тома в одном футляре (2018);

Таинственный мир дольменов. Кяфарское городище. Историко-мистическое повествование об одном из самых загадочных мест Северного Кавказа (2018);

- Запределье.** Мистические места Кабардино-Балкарии (2018);
Канжальская битва: взгляд сквозь столетия. Автор-составитель (2018);
Мистическая Кабардино-Балкария (2019);
Снежный человек (алмасты) на Кавказе (2019);
Мстислав и Редея. Автор-составитель (2019);
Кабарда: слава Кавказа, вольности щит. В 8 книгах. Источники по истории, этнографии, орографии Кабарды. Авторы проекта, составление, комментарии, персоналии (2020-2021);
Кабардино-Балкария: 100 имен в истории XX-XXI веков (2021);
Кабардино-Балкария: чудо природы. По достопримечательным местам республики, которую называют заповедником мировой истории. Фотоальбом в 2-х томах в футляре (2021);
Кабардино-Балкария: природный курорт, всероссийская здравница, туристическая Мекка. Фотоальбом в 2-х томах в футляре (2022);
«СД-10 Б» – зондеркоманда смерти (2022);
М. и В. Котляровы: составители, авторы комментариев, предисловий.

Начиная с 1994 года, выпущено более 3400 книг; более 2800 – под редакцией Марии и Виктора Котляровых.

Вышло около 200 названий книг, в которых М. и В. Котляровы выступают в роли составителей, авторов комментариев, предисловий. В том числе серийные издания:

- «Кавказский литературно-исторический Олимп»;
- «Народы Кавказа: история, этнография, орография»;
- «Народы Кавказа: страницы прошлого»;
- «Карачай и Балкария: страницы прошлого»;
- «Возвращение», «Кавказ», «Родной ландшафт».

Издано более 40 книг, авторами-составителями которых являются М. и В. Котляровы.

В том числе:

- «Константин Чхеидзе. «Страна Прометей». 2004, 2020;
- «Тамирлан. На линии огня». 2006;
- «Черный пистолет, или Слово о Мухамеде Хафицэ». 2006;
- «Энергия духа. К 70-летию Феликса Ахмедовича Хараева». 2008;
- «Слово защищающее и созидающее. Штрихи к портрету журналиста Али Казиханова». 2007;
- «Мир, построенный Абу. К 80летию Абу Хаджимуратовича Шарданова». 2008;
- «За чередою лет. Бетал Тлапшочков вспоминает пережитое и прожитое». 2009;

- «Балкария: страна гор и ущелий». Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах 2 тома формата А-4. 2009;
- «Дальновидный политик, вдумчивый идеолог. Вспоминая Мухамеда Хагуцировича Шекихачева». 2009;
- Константин Чхеидзе. «Крылья над бездной». 2010;
- «Добрые всходы. Вспоминая Бориса Хамзетовича Фиапшева». 2010;
- «Абхазия: страна души». Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах. 2 тома формата А-4. 2011;
- «От Карабаха до Эльбруса. К 90-летию со дня рождения Черкеса Бакшиевича Мовсисяна». 2011;
- «Энергия достойной жизни. К 80-летию Владимира Калиметовича Тлостанова». 2011;
- «Авансцена Казбека Дзудтагова». 2012;
- «Устремленный к познанию. Вспоминая Хасана Мухтаровича Думанова». 2013;
- «Обращенный к людям. Вспоминая Михаила Хамзетовича Мамбетова». 2013;
- «Грани поиска. К 60-летию со дня рождения Анатолия Измайловича Рахаева. 2013;
- «Востребованный временем. Вспоминая Мусарби Мухамедовича Гукешева». 2014;
- «Балкария: депортация. Свидетельствуют очевидцы». 2015;
- «Живой голос Балкарии. К 80-летию певца Сергея Беппаева». 2015;
- «Кто я? Частица сердца твоего... Вспоминая Бетала Куашева». 2015, 2020;
- «Заурбек. Книга о З. А. Даутокове-Серебрякове». 2016;
- «Воин, хлебороб, ученый. К 95-летию Николая Никитовича Евтушенко». 2016;
- «Юрий Крутов. Пристань сердца». 2016;
- «Купеческие семьи Нальчика». 2017;
- «Первостатейный ботаник, кругосветный путешественник и симпатяга...». К 130-летию со дня рождения Юрия Ивановича Коса». 2019;
- «Бетал Калмыков: глава и главарь». 2018;
- «Канжальская битва: взгляд сквозь столетия». 2018;
- «Сердце, отданное цирку. К 75-летию со дня рождения Владимира Шамсадиновича Якокутова». 2020;
- «Толстовцы на Кавказе. Сборник документов и материалов в 2-х книгах». 2020;
- Мстислав и Редедя: взгляд сквозь тысячелетие. 2022.

ИСКРЕННЕ ВАША

Пять алмазов – пять ущелий,
Горы мои старые.
Стражи многих поколений,
Имя вам – Балкария.
Здесь стояли в стойкой вере
Пращуры суровые,
Здесь бросал наветы ветер –
Но стояли горы.
Даже им – таким незыбким –
Доводилось плакать,
Времени скупые снимки –
Графика – на память.
Возносил слова молитвы
Здесь Кязим над горном,
Под шуршанье дикой сливы
Славил в песнях горы.

Червонная птица листвы застит небо и землю,
И душу снедает мою небывалого чувства недуг,
Я мир этот грешный по-новому сердцем приемлю,
И круг бытия, невозвратно закрученный круг.

Октябрь октябрём. Души же расцвечен кристаллик,
Играет он радугой, сердце моё веселя,
И катит, звеня, и ложится высоко мостами
У самого солнца, где юны ещё зеленыя.

Такой раскардаш во природе, такое смущение,
И воздух сиренев, сиренев в низинах туман,
И, кажется, всем нам обещано Богом прощенье
За наши грехи, суету, беготню и обман.

О ярко-оранжевый купол небес бесконечных,
Струящий ручьи в бесконечную реку веков!
О тихая боль оттого, что и жизнь быстротечна,
Отрадно, что за бытием не станет цепей и оков.

Не станет сует суеты и безумной погони:
Не знаю, зачем начинался безудержный бег,
Зачем меня мчали шальные, отважные кони
К пределам манящим, каких не достиг человек?

О правда дня! О магия природы!
От блеклого рассвета к темноте –
Изменчива заря на небосводе,
И тени утра к вечеру не те.
Рассвет душе – что путнику дорога,
Он указывает, чем занять часы,
И вот с собою обхожусь я строго,
А для чего так обхожусь, спроси.
Пред зеркалом – оно мне исповедник:
Меня же мне услужливо явив,
Вопросы ставит, словно привередник,
Не отвечай, коли найдется сил.
Я вижу зелень глаз в тенетах грусти
И синеву, пленившую висок,
Теперь и дале, знаю, не отпустит
Судьба меня за этот вот порог.
С пределом этим сердце несогласно,
Но нет ему управы, нет узды,
Не потому ли дум моих непраздных
Я пожиная горькие плоды?
Промчится день, рожденный, чтобы мчаться:
Его ничем нельзя остановить,
Он мне годами наречен воздаться,
Придуман, чтобы вечностью дразнить.

Тамаре Биттировой

Снедаема священным Любопытством
Иль грешной завистью к тебе, я не пойму.
Ты пишешь так размашисто и быстро,
За книгой книга – так я не могу.

Заветна даль, она манит игриво.
Казалось, вот! И край земли со мной.

По небу пролетает торопливо
Та Муза, что являлась мне сестрой.

К её стопам или крылам, не знаю,
Мне припадать иль прикоснуться вдруг.
Как много дней впустую пропускаю,
Душой храня как будто бы Испуг.

А в свете звёзд размах крыла всё ближе.
В окно впорхает Музы благодать.
А жизнь сама обманчива и книжна,
А книга что? Она – чтобы Читать.

Снедаема священным Любопытством,
В твоей реке плескаюсь и смеюсь.
Твои труды – что гения искусство,
Читаю их, и погружаюсь в грусть.

Гятову Руслану

Ты рода своего достойный сын,
Надежд его счастливых воплощенье,
Твои года в сиянии седин –
Судьбы красивой – отраженье.
Тебе природой многое дано,
Поэтому и спрос с тебя особый.
Живя достойно, понял ты давно,
Что дело для тебя синоним слова.
В трудах, заботах жизнь твоя течёт,
Твои усилия умножает время,
Трудом стяжал ты славу и почёт, –
Счастливое служить народу бремя.
И, поднимая в честь тебя бокалы,
Провозглашая тосты в честь тебя,
Прожить сто лет обяжут аксакала,
Всем сердцем почитая и любя.

Юрию Тхагазитову

Ты, чей талант самим отмечен Богом
И признан всеми нами, видит Бог,
Твои труды читаются с восторгом,
В них правды и прозрения урок.

Будь славен, Юрий, и твори, как песню!
Литература – это твой Олимп.
Ты в фокусе всех наших интересов,
Ты чужд, ты равнодушен к восхваленьям.

Тем паче, равнодушен и слову «нимб».
Твоё чело ученого свободно
К Марии Алексеевны словам,
Стяжать пиар сегодня очень модно.

Твоё местоименье только «сам».
Ты в этом весь. Как путник одинокий.
Идёшь упорно за святой водой,
С себя ты часто спрашиваешь строго,
Являя для других пример собой.

Аристократ в трудах своих учёных,
Ты на стезе науки умирал
И возрождался вновь умом глубоким,
Ты вечно молодой, наш Аксакал.

Махти Улакову

Вкусил ты мёд родного слова,
Как материнской речи мёд,
В его лексических основах
Ты ощутил души полёт.
И день за днём, и год за годом

Вверял ты Слову жизнь свою,
Чтоб вместе с ним, родным народом,
Пить родниковую струю.
Ты утолял служеньем жажду,
Той родниковой водой,
Биеньем сердца, вздохом каждым
Сливался ты с землёй родной.
За труд и самоотречение
Увенчан лаврами сполна,
Ума высокое стремление
Суть – слаще мирра и вина.
Стихией поиска отмечен,
Свою стихию создал ты,
И радостно сияют свечи
Той, покорённой высоты.

Марине Биденко

Ты можешь сделать мир красивым
И человечным во сто крат,
Живут в тебе талант и сила,
И шалость милых бесенят.
Тебе бы в эру кринолинов,
Горжеток, собелей и проч...
Носила б титул ты графини,
Как львица светская – точь-в-точь.
Иное время. Где кареты?
Боа и фижм окончен век.
Без графских титулов – заметна,
Без оных – добрый человек.
Тебе сподоблен нимб мадонны –
Небесный символ матерей,
Любовь в глазах твоих бездонна,
Любовей всех земных сильней.
Тебе дано талантов много,
Ты ими не обделена,
В тебе задорной, легконогой,
Как та, летящая волна.
Живи, Марина, – дева моря! –

К тебе приветлив океан.
Он ластится к тебе, не споря,
Обвить волною тонкий стан.

Анне Халишховой

Всё познаётся через личный опыт,
Жизнь открывает створы лишь тому,
Кто этой жизни крепко держит стропы
И верит, что жить надо по уму.

Но сердце бьётся по своим законам,
И слово «прихоть» для него резон.
Не бойся стать ты чувств своих опорой
И сердца ты услышь призывный стон.

Ах, Аня, Аня, что в тебе за сила,
Так относиться к сердцу своему?
Похоже, ты Создателя просила
Жить не по сердцу, только по уму.

А ведь природа, изваяв иначе,
Тебя так одарила красотой,
И, грезя о тебе, я верю, плачет
Тот, кто по жизни мог идти с тобой.

Ты так горда. И в этом твоя природа,
И про запас припрятан парашют,
Чтоб плыть свободно под небесным сводом,
Верша упрямо жизненный маршрут.

Ах, Аня, Аня, все в тебе прекрасно,
Кавказская в тебе отменна стать,
Позволь себе жить молодо и страстно
И сердцу разреши свободным стать.

Поверь себе, ведь поздно или рано,
Настанет поворот в твоей судьбе,
Она тебя в шелка оденет, Анна,
Что смолоду все ж грезилась тебе.

Тебе я о себе напомним вновь,
Сегодня мы с тобой мудрей и старше,
Но память снова будоражит кровь,
И прошлое рукой нам снова машет.
Узри его, услышь мои слова.
Ах, если бы твоё забилося сердце.
Что время? Ведь любовь всегда права,
Подобно влаге, что на дне колодца.
Неотвратим глас юности моей,
Его лицо, как встарь, в волне ромашек.
Казалось, беспощаден суховей,
И юность нам рукою не помашет.
О, как я тщусь напомнить о себе,
Напомнить песню, что рвалась из сердца,
Она, как встарь, всегда в моей судьбе,
Сродни земле, что постоянно вертится.
Забвенья нет, а сердце неизменно,
Минувшее его настигнет время,
Легко несу я сладкое то время,
Перебирая каждое мгновенье.

К ТЕБЕ

Ты – солнце неба моего,
Неистовый огонь,
С небес упавшая звезда
Внезапно на ладонь.
И возвышающая суть,
Зовущая в зенит,
Эмоций страстных торжество,
И розовость ланит.
Ты – солнце неба моего,
Пронзивший сердце луч
Своею быстрою стрелой,

Свободен и могуч.
Ты – солнце неба моего,
Всевышнего привет,
Его десницей озарён
Судьбы моей рассвет.

Каких бы слов тебе ни посвящали,
Ты выше всей словесной мишуры,
Ты – маленькая дивная Балкария,
Такая с незапамятной поры.
Кто не склонялся пред твоей историей,
Любя тебя, коленопреклонён,
Перед твоим упорством, своеволием,
Преодолевшим тяготы времён.

Солнце всходит –
Горы в радость! –
Засверкали льдинами.
Мир высокий,
Богом данный –
Красоты невиданной.
Солнце всходит –
Море счастья
Под лучами сильными,
Сумрак ночи на исходе,
Мир расцвечен инеем.

КАЛА
Рассказ

Ее звали Кала. Явственно, хоть и прошло много лет, вижу тонко, в нитку, сжатый рот, насупленные брови, небольшие глаза с недобрым прищуром, – чистый образец классической фурии из сказок. Соответственно, нутро было в полной гармонии с наружностью, и так же, как шашка входит в ножны, одно с другим вполне ладило. Думаю, возраст Калы колебался между шестьюдесятью и выше, впрочем, это не имело в данном случае особого значения, хотя она была моложе моего дады, которому доводилась двоюродной сестрой.

Приезда Калы ждала с трепетом вся родня, особенно семья родного брата, где была ее база, и все сочувствовали братовой жене, потому что десять дней, которые гостя дарила родственникам, превращались в суший ад, окончания которого терпеливо ждала многочисленная семья. Десять дней потому, что каждый вечер Кала наносила визит близким родственникам, то есть родным братьям и сестрам, племянникам и некоторым из двоюродных, куда попали и мы, и принимающая сторона должна была выставить угощение в лучших черкесских традициях. Хотя точной даты приезда никто не знал, многолетний календарь никогда не подводил, и Кала появлялась ровно после уборки урожая в сопровождении молчаливого сына, который привозил ее на автобусе и на этом же автобусе отбывал, как бы не желая упустить ни мига свободы и надыхаться впрок, а вот за ней приезжал на грузовике, иначе многочисленные дары невозможно было бы увезти. Говаривали, что он же под присмотром матери продает потом все на знаменитом баксанском базаре, рядом с которым они и жили.

Классический набор подарков состоял из мешка отборной картошки (пустые мешки, больше похожие на чехол от матраса, привозились с собой), сушеной баранины в размере ляжки или бараньего бока, трехлитровой банки сметаны, ведра кукурузной муки, шерстяного и только отреза на платье, мужской сорочки как бы для сына, потому что своего старика она давно уморила и свела в могилу, разного парфюма, конечно же, большого махрового полотенца, в которое была завернута вся галантерея, а все сверх этого приветствовалось и всяко поощрялось. Да, кстати, сама Кала до подарков не снисходила, и, как клялась принимающая невестка, даже карамелек ее внукам ни разу не удалось дожидаться.

И горе тому, чья картошка окажется мелковатой, мука прогорклой, сметана жидковатой. Особенно пристрастно гостья относилась к отрезу, который должен был стоять, если правильно его поставить, это помнят те, кто видел советского производства бостон и коверкот, на чье изготовление шла отборная шерсть.

К слову сказать, в эпоху тотального дефицита изделий легкой промышленности отрезы стали настоящей конвертируемой валютой, никто и не думал что-то пошить себе из подаренного куска ткани, он обязательно откладывался в надежное место и по случаю передаривался. Говорят, нередко бывали случаи, когда отрез, побывав на многих торжествах в качестве свадебного подношения, совершал победный круг и возвращался к первым хозяевам изрядно потрепанным многими пристрастными женскими руками, проверявшими его на состоятельность.

Сейчас такая история покажется странной, но пятьдесят лет назад это была норма – принимать живущую в другом селе замужнюю родственницу торжественно и с почетом, соблюдались традиции, хабзэ достаточно жестко держал свои устои. Но еще присутствовал важный резон – язык Калы, который был острее и ядовитее змеиного жала, а потому все промахи хозяев становились достоянием широкой общестственности, к тому же извечный черкесский агон, то есть состязание, кто круче – это наше все.

Тех, кто, по мнению Калы, обидел или унизил ее явно, то есть чем-то отговорился и не принял ее, или выплатил дань не в полной мере, ждали проклятья, которые, увы, якобы сбывались, так что примешивался еще и суеверный страх, поскольку в каждой семье иногда происходят не совсем хорошие события – пала корова, сын привел в дом низкородную, у дочери подвернулась нога – все она, чтобы пусто ей было, и выход один: в следующий раз так расстараться, чтобы все настоящие и мнимые грехи были прощены, и впредь не нарываться.

Я любила смотреть, как моя нана совершает ревизию своего бездонного сундука, где хранились настоящие сокровища. На дне лежало ее смертное приданое – десять метров белого полотна, в которое ее должны были завернуть в случае чего, вышитое покрывало, платок большой на голову и маленький, которым должны были подвязать ей подбородок, даже духи без спирта, которыми должны были окропить ее последнее одеяние, и мне, пятилетней, все это показывалось и поручалось, а поскольку демонстрация проходила нередко, я к этому привыкла и считала чем-то обыденным. Второй такой же набор был для дады, но он демонстрировался не так часто и не с таким старанием. Дальше – настоящий склад полотенец разного размера, цвета, плотности, и нана комментировала, кому какое нужно отдать, опять же, в случае чего. Отрезы шерстяные, шелковые, поплиновые, шифоновые составляли главный фонд, их

ей дарили всю жизнь, у каждой ткани была своя история, о каждой можно было многое сказать.

В сундуке хранилось много диковинных мелких вещей: перстень с печатью моего прадеда, сельского старшины, газыри деда и его серебряный кинжал, бабушкины серебряные украшения – пояс, нагрудник, даже шапочка, в которых она была на своей свадьбе, куски пахучего мыла духусабын, треугольные склянки с одеколоном, которым почему-то пользовались и женщины тоже. Все это я рассматривала с восторгом человека, оказавшегося впервые в пещере Али-бабы. На сей раз сундук был раскрыт к ожидаемому приезду Калы в поисках таких подарков, которые будет рада принять и княжеская дочь. Сначала тщательно осмотру подверглись полотенца, не малы ли, того ли цвета, не потрепаны ли, не дай Аллах, нет ли пятен каких.

Полотенце выбрано, но еще труднее подобрать отрез. Можно бы этот, но цвет ярковат, сочтет за иронию, этот хорош, но не шерстяной, этот тоже может не понравиться. Скрепя сердце, решается отдать тот, который мои родители привезли ей из Тифлиса, воистину шикарный подарок, но репутация важнее, ведь в своих хабарах Кала ни разу не забраковала нанины знаки внимания. Все остальное тоже соответствует, все собрано, уложено, засыпано, налито, а тут и сама гостья пожаловала. Мы в очереди стоим где-то посредине, и в наш день бабушка с мамой уж постарались. На столе и свежий несоленый сыр – ах да, мы ведь забыли указать в реестре подарков трехлитровый баллон с мелко нарезанным домашним сыром из неснятого молока, залитый рассолом, – и разные закуски, и шоколадные конфеты, которые любит гостья, и домашняя курица в сметане, и жареная и вареная баранина, и картошка, тушеная, опять же, в сметане, дымится горячая паста, горой лежат фрукты, гордо увенчанные огромной гроздью винограда, ждут очереди в холодной воде арбуз и дыня, подарки тоже давно готовы.

Когда, наконец, появилась Кала, был высший градус накала ожидания, дальше, как водится, приветствия, преувеличенные радостные возгласы, гостью сразу ведут за стол, усаживают на почетное место рядом с дедом и расспрашивают о здоровье, о детях, о событиях за год. Та неспешно и с удовольствием рассказывает о всех своих болячках, начиная с кончиков пальцев на ногах и заканчивая макушкой, бранит невестку и врачей, прохаживается по внукам, которых дура безродная так испортила, что нет у них уважения к родной бабушке, а сын, эта бесхребетная и бесхарактерная овца, потакает всем, кроме нее. Монолог, внимательно выслушиваемый моими дедом с бабушкой, потому что мама обслуживает стол и ей ни в коем случае нельзя садиться, не мешает гостье с аппетитом трапезничать, даже удивительно, как в ее худом теле умещается такой солидный желудок. Меня при входе она тоже удостоила сухим объятием, и я вынуждена была ткнуться лицом

в ее жесткое и плохо пахнущее платье на уровне чуть выше колен, и теперь я играю в куклы рядом на коврике, но бабушка периодически зовет меня к столу и чем-то угощает.

Дальше следует рассказ о том, у кого и где она побывала в этот приезд, кто и чем ее одарил, что случилось в той или иной семье, и события, о которых все и так знают, в ее варианте предстают как в кривом зеркале, и я удивляюсь, как мой дада, не выносящий агрессии и глупости, а они всегда в одном флаконе, все это слушает, не прерывая. Правда, Кала мимолетом спросила о здоровье дады и наны, но, кажется, ответ не выслушала и принялась опять предьявлять претензии миру, а в отместку моему папе, чья карьера родственниками признавалась как безусловная, заметила, что ее сыну не повезло с учителями, потому что до войны они были совсем другими, и их всех поубивало.

Наконец, ужин окончен, подарки получены и частью показаны с тем, чтобы их забрали на пресловутом грузовике, с собой также завернуты баранина, фрукты и сладости со стола, и гостя удалилась в сопровождении племянника, которого снарядили для торжественных проводов к брату. Потом бабушка с мамой стали анализировать вечер, праздничный стол, беседу, реплики Калы и пришли к выводу: лучше и нельзя вообразить. Дада слушал эти разговоры, но в них не принимал участия – не мужское это дело. Прошло еще несколько дней, и я услышала разговор мамы и бабушки, при котором присутствовал и дада. Оказывается, по дороге из школы, где работала, мама встретила невестку из семьи, где остановилась Кала, и та, заставив ее чуть ли не поклясться, что до старухи не дойдет, а то ее проклянут со всеми вытекающими обстоятельствами, рассказала о впечатлениях Калы по поводу нашего гостеприимства.

Досталось всем. Мой дед, ее брат, полностью попал под каблук своей хитрющей жены, и даже невестка, моя мама, в семье имеет больше прав, а его, бедного, так затуркали и затюкали, что его слово ничего не значит, и он за столом все время молчал в страхе, что его заткнут. Моя мама носилась, как телок в зной, и все делала невпопад, а когда наливала ей чай, чуть не обварила кипятком, и, конечно, ни слова о том, что в этот момент сама локтем сшибла вазу со стола и чайник вправду дрогнул, но мама смогла его удержать, а потом собирала осколки и все успокаивали гостью, мол, посуда бьется к счастью. В прихожей она якобы увидела несколько пар туфель моего папы и поняла, что их выставили специально, чтобы позлить ее – где это видано, чтобы у человека водилось несколько пар обуви на один сезон? Не иначе, ворует у государства. Досталось даже мне – никогда не видела такой невоспитанной девчонки, все время крутилась у стола и норовила стащить под ее носом все, что плохо лежит (1энэм тефыщ1ыхьгу).

Но больше всех досталось моей бабушке: что это она всегда кичи-

лась своим знатным происхождением, все знают, что княжеская фамилия досталась ей от бастарда, тумэ. Как была страшная, так и в старости такая же, ни умыться, ни одеться не умеет, все лицо в оспинах. На самом деле у наны на очень белом лице было всего несколько почти незаметных ямочек от перенесенной в детстве болезни, которая унесла тогда ее мать. Подаренный отрез она признала сразу, ведь она сама его и привозила сто лет назад на свадьбу моих родителей, просто с тех пор он выцвел и пообтрепался здорово. Мясо было пересушенное, гедлибже пересоленное, кьуйжъапхъэ настолько жирное, что у нее случилось страшное несварение и она всю ночь провела в известном заведении в конце огорода. В последнее охотно верилось, так как столько и в таком сочетании нормальный человек не в состоянии усвоить, возможно, ее гнев и был следствием туалетной драмы.

Так или иначе, обычно выдержанная бабушка, которая и впрямь могла похвастать дворянским воспитанием, на сей раз дала волю гневу и заявила, что в следующий раз она ни за что не примет Калу и видеть ее больше не желает, а когда та придет за причитающимися продуктами, даже не выйдет во двор попрощаться. Мама тоже выдала спич про то, что обидно не столько за то, что ее оболгали, а в принципе, за семью, и как бы расстроился папа, если бы в данный момент не был в хорошем городе Ростов на высших партийных курсах. И только дада молча выслушивал обиды и недовольства двух женщин, не прерывая, и я даже подумала: ведь родственница с его стороны, может быть, ему стыдно за нее. По сути, если честно, он должен просить прощения, как минимум, успокоить женщин: мол, не обращайтесь на убогую, что с нее взять... Выговорившись, нана и мама замолчали, и тогда дед произнес слова, которые дали всем урок и многому меня научили.

«Как вы не поймете, – сказал дед, – что эта женщина по-настоящему несчастна. По сути, ей хуже, чем умершим, потому что она никого не любит на белом свете, и никто ее тоже не ждет, не думает о ней. Вот она и ополчилась на весь мир; будто все, кого она знает, ей что-то должны. Поэтому ни в одной произнесенной ею фразе не видно чего-то душевного, чего-то позитивного, кажется, будто шайтан проткнул ей сердце. Мы плачем над ушедшими в мир иной, давайте поплачем над ней про себя и потерпим ее несколько часов в год, ведь нам гораздо легче, чем тем, кто живет с ней под одной крышей. А я помню ее молодой, симпатичной хохотушкой, такой я вижу ее и сейчас... В общем, так: пока я жив, она будет приходить в этот дом тогда, когда захочет, а когда меня не станет, поступайте так, как я, по-вашему, заслужил».

Когда через пару дней Кала зашла за своим грузом, все были с ней весьма приветливы, прощаясь, она обняла моего даду, и какое-то время они, два старика, так и стояли, в обнимку. И я совершенно отчетливо увидела, что у обоих увлажнились глаза...

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

БУСОКУ-СЕКИТАИ

Осенний блюз

Саксофона звук –
 льется нега из души –
 единение
 музыки и природы –
 и хочется жить,
 и даже чуть-чуть мечтать...

В роще нежный звон –
 приобрела березка
 осенний наряд
 и струится янтарем –
 золотые сережки
 колышутся на ветру...

В городском парке,
 в разноцветье купаешь,
 нежится душа ...
 А лишь сойдёшь с аллеи,
 то под ногами листва
 грустную песню поёт...

Сквозь серы тучи
 крадется кошкой луна –
 звучит саксофон,
 трогает струнки души,
 просит опять погрузить
 в эту осеннюю ночь...

Георгин в саду
 печально опадает,

но ещё горят
 пурпурные лепестки –
 незаконченный этюд
 медленно никнет в душу...

В траве медвяной
 нескошенной поляны
 роса сияет,
 но грусти полна душа –
 дрожит, она ведь знает,
 чем закончится пьеса...

Солнышко-осень
 прячется за клёнами –
 лучик золотой,
 божественный посланник,
 пробиваясь сквозь листву,
 нежно струится в душу...

Рододендроны
 здесь, в горном урочище,
 в альпийских лугах,
 не дождавшись людского
 чарующего взора,
 печально увядают...

Златая осень,
никак не распрощаюсь
с дыханием твоим
и струящимся в душу
листьев клена багрянцем,
как будто в последний раз...

Брожу без дела
в моем саду осеннем,
яблоки сняты,
но их пряный аромат,
чарующе витая,
ещё ласкает душу.

Разочарован
в homo sapiens вконец –
чем больше живу,
тем зримо сужается
круг, с кем выпил бы кофе –
в душе осенняя грусть...

Ложатся листья
на мшистые постели
родного леса –
желтизна и багрянность
на зелёных перинах –
в лучах нежится душа...

Листья летают –
закружилась карусель
погожего дня,
и душа моя поёт –
в синеве и багрянце
завелась, размечталась...

Осенняя косовица

Алый небосвод
струится нежно в душу,
пышет калина,
на отаву ложатся
розовые сумерки –
завтра с утра сенокос...

Распахнул окно
в осенний палисадник,
как свою душу –
золоченая листва,
томительно шелестя,
как и я, чего-то ждёт...

Уж вечереет.
Нежданно осень пришла
с холодным ветром –
за окном дрожит листва
и улица не зовет,
зябко на душе – тоска...

Чегет. Приэльбрусье

Под мощной сосной
из желтой хвои ковер
напоминает
губку из поролона –
ступаешь мягко-мягко,
и душа улетает...

Пустые гнёзда –
открытые ладони –
столь безнадежно

тянутся за птицами,
улетающими в даль –
осиротелая грусть...

Осень в дубраве,
утоляя грусть-печаль,
листвой шелестит –
истосковалась, видать...
В этот погожий денёк
грустит ли кто обо мне?

Седая осень,
никак не распрощаюсь
с твоей душою –
никак не налюбуюсь
багрянцем листьев клёна
и золотом ясени...

Осенняя грусть –
дыхание нежности,
любви и страсти,
ноющая в душе тоска –
клён и ясень играют
блюз падающих листьев...

И радужный лес,
и небесная лазурь
струятся в душу,
блаженство, да и только!..
Но отчего же, боже,
сердце так щемит в груди?

В поблэкшем небе
журавушки курлычут,
печаль роняя, –

в полете в неизвестность,
душу мою тревожа,
поют прощальную песнь...

Сошла багряность
с кудрей стилиаги клёна –
больно порыжел,
ясень золотой поблэк,
угасают осины,
лишь я обрёл серебро...

Осинники. Из детства

На косогоре
на ветру могучий кедр
зазывно свищет,
как Соловей-разбойник,
но он с добрейшей душой
и щедро дарит шишки.

Утреннее поле

Заиндевели
ночного неба слёзы –
капли белых рос –
жемчужные россыпи
рушатся под ногами,
как стеклянные бусы...

Негоже скорбеть
о цветах, опавших в срок –
с приходом весны
заблагоухают вновь,
они ведь не то, что мы...
И всё же... душа болит.

В осеннем поле
свищут ветра-абреки –
какая прелесть! –
забываешь, что шалаш
от холода не спасет
и тебе пора домой...

Поле в ноябре
увяданием веет –
холодный ветер,
пронизывая душу,
наводит тоску-печаль –
как быстро пролетел год...

ТАНКА

Осенний мотив

Эту музыку,
что в душе моей живёт,
кто бы услышал –
она то вальсом листьев,
то блюзом дождей звучит...

С грустью покорной
осени поздней цветы
медленно вянут...
Кружится в вальсе-бостон
ветер с опавшей листвой...

Осенний тайм-аут

В дубраве тихо
дубы ведут беседу –
подслушиваю –
ныне у сильных духом
редкая передышка.

Осенний саксофон

Нежные звуки
чаруют волшебством,
как нектар любви –
льет живую музыку
на всё моё существо...

Прозрачным утром
ветер тронул тополя,
как струны арфы,
и с листьев заструилась
серебряная муза...

Уж лес снимает
свой сарафан багряный,
под ноги стелет –
иду под грустный шелест
и хруст засохших веток...

Заросли луга,
где мы с отцом косили
нежную траву –
куда ни глянь – сорняки:
зверобой, чертополох...

Грустное небо
печаль наводит в душе –
не скрыться никак –
дождь холодный струится
сквозь плакучие ивы...

Грецкий орех
сбросил все свои листья –
вкусные плоды
нахожу под ворохом,
разгребая ногами...

В осеннем пруду
иссиня-зелёный блик
наводит тоску –
рыба давно не клюёт,
тяжкие думы кручу...

***Вечная
музыка***

«Осенняя грусть»
Мишеля Леграна – да! –
чарующий звук
саксофона трогает
за самое живое...

***Вспоминая женщин,
кого любил...***

Давно отцвели
все цветы полевые,
но ещё в душе
осталась теплота глаз
и нежность аромата...

Издали видать –
аж в сердце защемило –
пожелтевший круг...
Там, где стоял мой шалаш,
раньше пожухла трава.

Угомонились
кузнечики, цикады, –
бог полей закрыл концерт...
Вот и абрека-ветра
пришла пора глумиться...

Над сирым полем
стелется слёзный туман –
на жухлой траве
появились капельки
будущего хрустала...

Сезон дождей

Отмена зари –
дождик с утра моросит,
небо в тумане –
вот и застала врасплох
унылых дней череда...

Падают листья
ночи и дни напролет,
голые ветви
стужа-колдунья скует –
год завершает свой круг...

Поздняя осень в поле

Умолкли давно
насекомые в травах –
концертов не жди –
каркнет порой ворона
да чирикнет воробей...

Поздняя осень

Холодом веет –
ветер уже не унять –
с ног стремится сбить...
На скирде дыбом стоит
солома, как мой волос...

Как листья клёна,
на бархатную осень
падает закат –
в душе благоухает
ностальгия к прошлому...

Осенние грёзы

Коснусь с волнением,
волшебный храм построю
из чувств тончайших...
О, не исчезай порыв
и трепетная нежность...

На закате дня
завучал бархатный блюз –
саксофона звук –
и увел меня туда,
где чар полна нега...

Память страданий

Плачет саксофон –
раздаётся тихий стон
из души моей –
никому не услышать
и не понять мою грусть...

Как эти клёны,
отгорела наша любовь –
падают листья,
шелестя горькой памятью
нескончаемых обид...

Ложатся листья
на мшистые постели

осени леса –
желтизна и багрянность
на зелёных перинах...

Стынут кувшинки
в светло-зеленом пруду –
веет прохладой,

дрожь по спине – вот оно
дыхание осени...

Теплой осени
рыжая царица-ночь
с луной сдружилась –
красные листья клёна
светятся, как фонари...

Как тихо, нежно
клёны листву роняют –
багряный закат
сей пейзаж ещё краше,
ярче рисует очам...

Теплая осень –
люди гуляют в парке
до поздней ночи,
никто домой не спешит –
повсюду шуршит листва...

На носу зима

Ветер зол, как бес,
рвутся в клочья облака –
ёжится холод
и косо смотрят в душу
луж стеклянные глаза...

ХАЙКУ (ХОККУ)

Скоро осень –
август в саду увядает –
слабеют лучи...

Печаль бытия –
тихо в забытой роще,
лишь памяти цвет...

Глаз не оторвать –
в парке роняет листву
златая липа.

Луна печальна –
в тихом вечере тону –
воспоминанья...

Похолодало –
долго не сходит роса –
над полем туман...

Раздета роща –
златую её печаль
разносит ветер...

Листья на пруду
устроили регату –
осенний ветер...

Ветер, налетев,
лесной наряд снимает –
голая осень.

Музыка дождя –
саксофон в душе моей –
щемящая грусть...

Заныли кости –
сезон дождей за окном –
мрачная осень...

В лесу и в душе
разноцветный листопад –
погожая осень...

Тревожно гнется,
словно молится, тополь –
осенний ветер...

Лист к окну прилип –
дикая безысходность –
с дождем сползает...

Тишина вокруг –
луна танцует в пруду –
осенний ветер.

Листья трепещут,
зябко на ветке висеть –
приём ждёт земля...

Осенний холод –
моей бы нежной душе
стойкость хризантем...

Не так уж плоха
эта осенняя ночь,
раз начал мечтать...

Зеленый бархат
выкинул альпийский луг –
осенняя отава...

В осеннюю ночь
не покидают думы –
слагаю стихи...

Зелёный коврик –
ряска затянула пруд –
скоро холода.

Завяла роза –
одно дуновение
ветерка и всё...

Вертолётники –
клёна осенний десант –
порывистый ветер...

С утра моросит,
гложут унылые дни,
скроюсь-ка в прошлом...

Осень-старушка
дымом запахла с утра –
«кремации» срок...

ВСЁ ПРОЙДЕТ

Рассказ

Счастье вам подарить в молодости или всё же лучше к старости – спрашивает жизнь у троих людей.

Один отвечает: «Хочу прожить молодость в достатке, не зная проблем. Хочу насладиться всеми благами жизни. Без проблем и забот доживу до старости, а там и остаётся-то совсем ничего».

«Это верно, – отвечает другой, – но пройдет молодость, придет старость, и тебя одолеют болезни. Может быть, в молодости потрудиться, а в старости жизнью насладиться?»

«А почему нельзя подарить это счастье сразу и навсегда?» – спрашивает третий.

«Так не бывает», – не соглашается жизнь.

Всё это всплыло в памяти, когда я увидела дедушку, до сих пор горевавшего по умершей супруге.

Должность, почет и уважение, жена-красавица – всё у него было. Это была такая красивая пара, что многие считали за честь приглашать их в гости. Им рады были все.

Роза и Мажид воспитали троих детей, они подросли и каждый обрел свою семью.

Роза, у которой в жизни и голова не болела, умерла внезапно.

– Честно тебе скажу, никогда не думал, что окажусь в таком трудном положении. Жизнь была долгая и счастливая, но для меня она пролетела как миг. Одно несчастье – и ты забудешь всё хорошее, что было, – говорит дедушка.

Когда получаешь должность, нельзя терять голову. Сегодня она есть, завтра нет, лучше оставаться человеком. Наша ошибка в том, что понимаем это слишком поздно. Конечно, не все начальники такие, но, к моему стыду, я был высокомерным.

Честно признаюсь, терял над собой контроль. Бывало, цвет машины не устраивал меня. Надоедала белая «Волга», быстро менял на чёрную. На простых людей смотрел свысока. Захотел – помог, а чаще внимания даже не обращал. Не думал, что это всё так быстро пройдет.

Говорят, на перстне великого полководца Александра Македонского была надпись: «Всё пройдет». Когда нам хорошо, не думаешь, что этому когда-нибудь придет конец. Верно сказано. Когда дела идут

вверх, мы думаем – так будет всегда. Не хочется верить, что хорошее пройдет быстрее, чем плохое.

Я уже давно на пенсии и еле волочу старую одинокую жизнь. Нет любимой жены. Мучает бессонница, начал курить. У детей своя жизнь. Они часто звонят, я им благодарен за это. Я жизнь уже прожил, а молодые... У них времени мало. Иногда забегают, просят к ним переехать. Не хочу, лучше помру в своем доме.

– Вы не такой уж старый. Проживете еще долго...

– Не дай Бог, чем дольше живу, тем жизнь становится тяжелее.

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ

– Сыночек мой, открой глаза, посмотри на меня. Слышишь? Посмотри на меня, – шептала мать, вытирая пот с лица больного.

Мать страдала, она была бессильна перед болезнью сына.

– Посмотри на меня, мальчик мой, открой глаза, слышишь? Без тебя мне жизни нет на земле. Пожалуйста, взгляни на меня.

Но он не подает никаких признаков жизни.

– Про соседей я рассказала, хотя ты меня и не спрашивал. Родственники и друзья переживают за тебя. Хочу рассказать о себе. Надеюсь, осуждать не будешь. В жизни всё переплетается. Иногда бывает очень тяжело, и я поняла одно – нет в ней справедливости. Хотя человек сам вершит свою судьбу, жаловаться на жизнь – это слабость. Пожалуйста, сыночек мой, открой глаза. Взгляни на меня, дай понять, что ты живой. Мне большей радости в этой жизни и не надо.

Больной еле дышит, но мать уверена, что он всё понимает.

– В молодости я сильно полюбила твоего отца. Я просто любила, не думала ни о чем и не строила планы. Я потерялась в своих чувствах, хотя люди относятся к ним намного проще. И любовь закружила мне голову...

Долго держала мать эта слова в себе и вот, наконец, открылась сыну. Как тяжело признаваться в своих ошибках... Она, рыдая, хватается за голову. Больной старается открыть глаза, но не хватает сил. Мать прислонилась к кровати сына.

– Прости меня, мой дорогой, хотела как лучше. Думала, устраиваю твою жизнь счастливо, а в итоге стали чужими. Чувства... Если бы я тогда думала о последствиях. Нет, всё равно не устояла бы. От любви я потеряла голову, бегала за ним, хотя он меня и не замечал. Но я... Открой же глаза, взгляни на меня, пожалуйста, – умоляет бедная мать и продолжает свой рассказ. – Однажды пришел твой отец. Не знаю, как он нас нашел. Мои чувства не передать, сынок. Знаешь, я подумала,

что он вернулся к нам. Ты подбежал к нему и спросил: «Папа, что ты мне принес?» Слово «папа» так взволновало его, что он взял тебя на руки.

«У нас единственная дочь, детей больше не будет. Отдай мне сына. Я дам ему достойное образование. Что ты можешь ему дать – ни профессии, ни образования. Это, во-первых, а во-вторых, – говорит он, – если меня любишь, мешать моему счастью не будешь. Правда?»

– Не думай, сынок, что обменяла тебя на свои чувства. Нет, дело совсем в другом. Я всегда мечтала дать тебе хорошее образование, но возможностей не было.

Помнишь? Хотя вряд ли... Тогда тебе было всего три годика. Так обрадовалась, когда он посадил тебя в красивую машину. Но когда она тронулась, всё в душе перевернулось. Бедность – порок, была бы у меня хоть какая-то возможность поднять тебя на ноги, ни за что не отдала бы. Слышишь, сынок?!

Прошу тебя, открой глаза. Открой, сынок, глаза. Я хочу верить, что ты будешь жить.

В молодости я полюбила твоего отца и потеряла голову. Но чувствами надо уметь управлять. По-моему, это я уже говорила. Не помню. От горя можно все забыть, – мать встала, взяла со шкафа стакан холодной воды и выпила.

«Стоит ли всё рассказывать?» – мучили сомнения.

И всё-таки не смогла открыть всю правду. Невозможно было рассказать, как он смеялся над её чувствами, как обесчестил её и пренебрег её любовью. А потом одно раскаяние.

Отец и братья выгнали из дома, когда она была в положении. Мать умерла несколько лет назад. Совсем ещё девчонкой, не познавшей никаких трудностей, она осталась на распутье судьбы одна-одинешенька.

Приютила старшая сестра, но родственники начали упрекать, и сестра отвезла её в город. Нашла квартиру подешевле и оплатила за три месяца.

Долго искала работу, с животом никто не брал. Наконец, устроилась дворником.

«Не переживай, всё наладится. Родится ребенок, вернется к тебе счастье», – успокаивала её сестра, единственная опора и поддержка.

Теперь Лина в полном одиночестве. Работать не может, ребенок маленький. Она вернулась в родительский дом и готова была выполнять любую работу. Сноха встретила её с криками: «Бесстыжая, как осмелилась! Как ты вообще осмелилась не то что во дворе, в селе объявиться?! – повторяла одно и то же. – Посмотрите на эту бессовестную. Сына родила!»

Всё это, видимо, от зависти, у неё-то самой – три дочки.

– Можно отца увидеть? – тихо спросила Лина.

– Почему ты думаешь, что он хочет тебя видеть? Тебе мало того, что его опозорила? Радуйся, что братьев дома нет. Заставили бы отдать этого уroda тому, кому он принадлежит.

– Как хочешь меня унижай, но его не трогай, – прижала она сына к груди.

– Не я, ты его унижаешь. При чем тут ребенок, – зашла в дом, вынесла черный пакет. – Возьми, еды хватит на два-три дня.

Лина молча взяла пакет и высыпала содержимое собаке. Это единственное существо, которое по-настоящему радовалось появлению Лины.

Как от холодного душа застыла сноха. Молча ушла Лина. Она покинула родительский дом навсегда.

Возле ворот стояли две женщины, и одна из них позвала Лину к себе.

– Разве можно в такую жару выходить с ребенком? Смотри, какой мальчик! Заходи, моя девочка, видно, так до города не доедешь?

Женщина накормила Лину, дала еды, денег на дорогу, и, отдохнувшие, они вышли на остановку.

Когда человек хочет творить зло, сразу забывает, что есть Всевышний. Была бы жива мать этой девочки, никому не позволила бы обидеть дочку. А тому, кто её обесчестил и бросил, нет прощения.

Лину поддерживала и женщина, у которой она снимала комнату. Сама тоже старалась помогать в уборке. Лина убиралась и у соседей, и все платили, сколько могли.

Однажды женщина, у которой снимала комнату, заговорила с ней о замужестве: «Ты молодая, красивая, чего ждешь? Сосед интересовался тобой, живет неплохо, не упускай». – «Не могу, как жить с нелюбимым?» – ответила она.

– Какая любовь, у тебя ребенок!

– Понимаю, но...

– Ты осознаешь, какая ты несчастная?

– Почему не осознаю? Даже очень. Моя мать говорила, что когда я появилась на свет, так три дня плакала. Это плохая примета, жизнь не прекращает обрушиваться на меня свою злобу.

Конечно, хочется вспоминать о хорошем, но хорошего просто не было в моей жизни.

Когда ты появился на свет, радости была сколько! А все говорили «несчастная». Было так обидно, с таким ребенком разве можно быть несчастной?!

Но всё-таки, желая тебе добра, наоборот, сделала чужим.

«Встречаться с ребенком ты не будешь, даже если он захочет обратно к тебе», – и с этими словами я тоже согласилась. Когда они с женой гуляли с тобой, я смотрела с завистью, а потом рыдала. Подрос,

стал таким красивым. И сейчас ты красивый, пригожий, какой парень! Непонятно, почему жениться не хочешь?» – мать нежно вытирает пот со лба сына.

– Открой глаза, пожалуйста, открой глаза, – умоляет мать, но большой бессилён. Не сомневаясь, что он её слышит, опять выпила большую кружку воды.

«Сын такой же, как и ты, совсем на меня не похож. Даже не верится, что он мой», – с возмущением отец привел тебя обратно. Сколько радости было, сыночек, не передать, родной ты мой, – гладит лицо сына.

Я мечтаю об этом, и теперь заживем хорошо.

Вернули ребенка – хочет обнять, но он её не признает.

«Ничего, пройдет немного времени, привыкнет и признает», – успокаивала мать себя.

Но то, что сын к ней привыкнет, исправится в лучшую сторону, было самообманом.

У отца он жил в роскоши, но не ценил этого. Учиться не хотел, школу прогуливал. С возрастом становилось хуже.

Жизнь у матери ему тоже не нравилась. Упрекал в бедности, маленькая комнатка его не устраивала. Его раздражали наставления матери. Она уже радовалась, если сын не устраивал скандал.

На просьбы матери не увлекаться чересчур алкоголем, который приносит одни несчастья, отвечал грубо:

– Я не просил рожать меня! Или забыла, несчастная, что ты бедная, и я весь в тебя. Возразить нечего?!

– Хорошо, хорошо, мой мальчик, только не кричи, соседи услышат.

– Они меня не волнуют. И этот так называемый отец, почему меня бросил, я же не вещь? Он правда мой отец или какой-то проходимец?

– Отец, сынок, отец. Не все живут богато, что же теперь поделывать.

– Хочу быть богатым, зарабатывай, обеспечивай меня. Это долг родителей.

– Если бы и ты работал, кто знает...

– Я должен тебя содержать? Надо было достойного отца подыскать.

Так жили мать с сыном. У бедной матери отдыха не было, может, только когда сын в тюрьме сидел. Да и то, какой отдых? Она готовилась к очередному свиданию. Экономила во всем, всё откладывала сыну.

Мать потеряла сон. У бедной женщины не хватало денег даже на лекарства. Она надеялась, что сын опомнится в тюрьме, начнет жить нормально.

Освободившись, он сразу попал в ту же компанию и выпивал. Стараясь избежать скандала, мать терпеливо укладывала его каждый раз. Часто ей приходилось ночевать у хозяйки квартиры.

Но мать забыла всё это, лишь бы сын выжил. Есть женщины, которые преданно и безответно любят. Им всегда трудно живется. Другие живут проще. Они тоже любят, но не теряют голову. У них другие взаимоотношения: как ты ко мне, так и я к тебе.

– Если бы сестра была жива... Она так бы тебя любила, навещала бы каждый день. Её смерть для меня большое горе. А так, кому мы нужны?! Ничего, сынок, на все воля Всевышнего. Мне тяжело на сердце, но ты не переживай, мальчик мой, всё у нас наладится. Только об этом молю я Бога.

– Ты любил слушать, как играю на гармошке, – мать достает из-под кровати инструмент. – Взгляни на меня, мой мальчик. Дай понять, что ты слышишь. Правда, на гармошке играют, когда на душе радостно. Но нам всегда так тяжело было, что я научилась передавать это через мелодию. Когда ты возвращался домой без настроения, я играла для тебя. В такие минуты ты садился рядом, ласково меня обнимал, а чёрная гармошка была настроена на печальную мелодию. Мы оба плакали.

Может, сын иногда осознавал, что он одинокий и несчастный человек, создает проблемы для матери и для себя. Может, знал, что в бездну падает. А бросить дурные пристрастия ему не хватало силы воли.

Мать играла на гармошке тихо, передавала всю свою боль.

– Я многое в жизни повидал, но такого никогда, – удивляется врач, заходя в палату с медсестрами. – Это больница, но никак не... – увидев слезы матери, он замолчал. Слезы текли и по щеке сына. – Он ещё будет жить... – врач тихо попросил не мешать матери и все вышли из палаты. Среди грустной мелодии промелькнули самые дорогие, долгожданные слова. Бросилась к сыну: «Мальчик мой, я знала, знала, что будешь жить. Всевышний не мог меня не услышать! – Она вытирает слезы сына. – Не плачь, сыночек мой, ни за что не переживай. Всё у нас будет хорошо. Вот увидишь».

– Почему глаза не открываешь, посмотри на меня, – умоляет мать, не замечая, как в палату зашли мужчина с женщиной.

Услышала голос, произнесший её имя «Лина», земля будто ушла из-под ног, она схватилась за голову.

«Лина, красавица Лина», – встречал её парень каждый вечер. Эти слова звучали, так ласково и нежно. Сколько времени она не слышала, как долго она мечтала... «Неужели это он?!» – оглянулась она.

Он. В молодости был статным, симпатичным парнем, а теперь солидный мужчина. Он тоже смотрел на неё. Приятная и веселая девочка так изменилась, что не узнать.

Женщина смотрит то на отца, то на Лину. Придя в себя, она нежно обнимает ее: «Здравствуй, Лина».

Потом подходит к больному: «Как дела, братишка? Не переживай, выкарабкаешься. Отец поможет. У меня нет родных, кроме тебя. Слы-

шишь? Все трудности позади. Папа, почему молчишь?» Мужчина погружился в воспоминания, переводя взгляд то на женщину, то на больного.

– Жить хочешь? – спрашивает он у парня, держа за обе руки. – Жить хочешь, сын мой? – тихо спрашивает отец, на что сын кивает головой. – Тогда не переживай, всё будет хорошо.

– Мать перед смертью мне рассказала всё. Я замужем, двое детей. Отец остался совсем один, и кроме вас я никого не хочу, – говорит женщина.

При этих словах у Лины по щекам потекли слезы.

– Почему плачешь?

– Ничего, доченька, я всё время плачу.

– Мой отец живет очень богато. Он строгий, но хороший человек. Правда, он не любит лентяев и пьющих. Вы с моим братом забудете про все трудности. Не сомневаюсь, что вновь обретете счастье с моим отцом.

– В моем-то возрасте? Зачем мне богатство, счастье, молодость? Зачем пришло теперь всё это? Одного хочу – счастья моего сына.

– Зачем вы так говорите, вы любили моего отца и не такая старая.

– Это была безответная любовь.

– Вы же ещё любите его? Я это вижу.

Задумавшись, Лина отвечает:

– Мне не хочется об этом говорить.

– Отец сам всё скажет.

Вошли врач с медсестрами.

– Больше недели без сна и пищи сидит возле сына. Правда, что материнская любовь сильнее всякого лекарства. Честно скажу, не верил, что он выживет. Теперь и не сомневайтесь, ваш сын поправится. Мы дали снотворное, не беспокойте его.

Может, он и говорил искренне, но до этого врачи особо не старались спасти больного.

Дочка оставила отца наедине с Линой.

– Я заслужил твою ненависть, виноват перед тобой и мне нет никаких оправданий, – оправдывается он перед измученной тяжелой жизнью женщиной. – Прости, если сможешь, прости. Я сломал тебе жизнь.

Ей так хотелось нежно дотронуться до него, обнять и сказать ласковые слова.

Кто я ему? Столько лет была для него никем. Хочешь проявить слабость? Останавливала себя.

– Ты мне сына спас – и прощаю всё.

– Он и мой сын.

– Сомневаться в этом большой грех.

– Знаю.

Жизнь Лины ещё раз заставляет верить, что когда-нибудь всё будет хорошо. Она по-прежнему живет в той комнатухе, что когда-то нашла сестра. Работает дворником в двух-трех местах и получает неплохую пенсию. Всё у нее хорошо. Сын женился, есть внуки.

Если он выберет прежнюю жизнь, лишится наследства. Перед ним выбор – тюрьма или богатство отца.

«Но я даю тебе срок, у тебя есть лет десять. Если ты справишься, перепишу всё на твое имя. Время покажет. Не переживай, жить я собираюсь долго, отец мой и дедушка прожили девяносто лет. Надеюсь, ты понял, сколько неприятностей приносят вредные привычки. Выбери правильный путь, испытаешь, что такое счастье. Я в этом не сомневаюсь», – сказал отец.

«Если у таких, как он, нет богатого отца, что делать другим?» – думала я, уходя от Лины.

Не это главное – главное не идти по плохой дороге.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

«Бессонница мучает, кажется, утро никогда не наступит. Это не только сегодня, в последнее время это моё обычное состояние. Воспоминания о моих недостойных поступках сковывают всё тело. И без них проблем хватает. Старость настигла неожиданно, болезнь не отпускает, еле хожу, – шепчет старик в дорогом халате и, выпив дрожащими руками лекарство, продолжает говорить сам с собой. – И это уже не помогает. За что деньги платим?

Уснуть бы, тогда исчезнут кошмары и будет на душе тихо и спокойно. За это отдал бы всё. Что я могу, я дряхлый старик, но отдал бы треть, нет, половину своего богатства! – с этими словами он ложится в кровать. Но сразу же садится с мыслями: «Нашел, за что отдать богатства, пропади всё пропадом! Всю жизнь копил, теперь просто отдать?! – шепчет он. – Жена не признает, единственный сын живет далеко, звонит редко. Правду говорят, что от детей толку нет. Жена спит в другой комнате. Их интересует только мое богатство. Ждите, пока умру, в завещании напишу, чтобы всё богатство похоронили со мной. Завещание – это святое. Может, украли мое богатство? – старик достает ключ, подходит к столу и еле-еле выдвигает ящик. Видит деньги и золотые изделия, его морщинистое лицо молодеет от радости. Начинает пересчитывать купюры. Он простоял бы так долго, но опять кошмары... – Увидели мои деньги, прибежали. Уйдите, сказал, уйдите! Думаете, отдам, ошибаетесь. С каким отвращением на меня смотрите! Ты, ты, парень, откуда родом? Вспомнил, жив, что ли? Хочешь отнять деньги?

Не надейся, никто не получит, даже умру – не получите, слышите, никто!» – быстро закрыл ящик и спрятал ключ в кармане.

«А ты, парень, почему таким суровым взглядом уставился на меня? Вечно молодым остался. Это же лучше? Стал бы таким дряхлым стариком, как я. Почему повесился? Так говорят, не знаю. Кажется, лет шесть-семь дали тебе. Разве это много? Люди сидят пожизненно – и ничего, сидят. Знаешь сколько за твоего напарника дали, чтобы его вытащить? Не знаешь.

А тебе, старик, что надо? Тоже меня ненавидишь? Нашел, чем пугать. С такими, как ты, я вообще не разговаривал. Я был в расцвете сил. Тебе и не снилось, какая у меня была спокойная и безмятежная жизнь. А как меня уважали! Уму непостижимо. За мной бегом со взятками бегали. Радовались, если брал у них. Конечно, в таких случаях страдал кто-то другой. Ну, ничего, это жизнь, такое тоже бывает.

А ты, женщина, почему так далеко стоишь? Подойди поближе. Помнишь, как проклинала меня? Никогда не забуду, но всё же тебя любил. Я не успел насладиться твоим бархатным телом. Наркотики продавал не твой сын, и я мог бы его защитить и оправдать легко. Но видишь, как всё обернулось, не смог устоять перед огромной суммой. Его отец был богатым. До сих пор мне не дают покоя твои слова: «Будь ты проклят!».

Сколько лет мы были тайными любовниками. Если бы не сынишка твой, всё было бы хорошо. Ты не смогла пережить, что сын вышел оттуда инвалидом. Жалею, что не помог, очень жалею. Прошу тебя, сними проклятие. Сможешь снять? – ползёт старик к двери. – Не уходи, дай дотронуться. Хорошо, не трогаю, только не исчезай. Ты как Снежная Королева, от тебя исходит холод. Нет, это ты, я узнал по твоей красоте, избавь от проклятия, прошу. Раньше ты на коленях просила, видишь, а теперь я на коленях прошу».

– Что опять случилось? Опять шайтаны не дают спать? – ругается жена.

– Нет, не шайтаны, а хуже. Не видеть бы их никогда.

– Злые люди не дают покоя?

– Я их прошу, они не хотят.

– Похоже, ты свихнулся. Людей тут нет, – сказала жена и, зевая, ушла в свою комнату.

В молодости человек думает, наивно верит, что всю жизнь будет в расцвете сил. Но незаметно подкрадывается старость, и болезни начинают мучить. И так всю оставшуюся жизнь. Разговаривая сам с собой, старик надел тапок и не может найти второй. Ползает на коленях, ищет под кроватью, под стулом, нигде нет. «Пропавши пропадом!» – еле поднялся.

Не переставая что-то шептать, старик перешел в соседнюю ком-

нату и сел возле камина. Размешивает и так уже раскаленный уголь. «Согреюсь, может, душа успокоится?» – сжимает плечи.

«Я слышал, что мы все временно живем на этой земле, но почему-то казалось, меня это не касается, что это придумано для других. Жена кого хочешь перепрыгнет, а я стал дряхлым стариком. Пропади всё пропадом! Я вырос в бедности и старался уберечь от этого сына. А теперь ему всё это не надо. «Как дела, старик?» – передразнивает сына. С такой матерью стал бы он хорошим человеком? Единственное, за что я благодарен своей толстушке, – она никогда не подозревала меня в измене. А может, ей всё равно было? Не знаю. Если думаешь, что в моих делах виноват только я, ошибаешься. Я всю жизнь продавал правду, оправдывал виновных и безвинных сажал. Не думай, что я один буду расплачиваться. Почему не остановила, не отказывалась от богатства и роскоши? Нет же! Тебе все было мало! Не знала, что платят мало. Знала, знала и про маленькую зарплату, просто делала вид, что не знаешь. Думала, просто ошибка. Уйдет, иссякнет всё, что имел когда-то. Тогда и Всевышнего признаешь, поймешь: ничто не вечно. И только придется ответить совестью. Хочешь не хочешь, это закон жизни».

Вдруг старик замолкает и смотрит в сторону двери.

– Опять ты? Как хорошо, что вернулась! Скажи, чтобы эти не заходили... Ты одна, одна, подойди... Хорошо, хорошо, тогда я подойду. Только жди. Я уже не такой, как раньше. – Старик еле встает и тут же падает на стул. – Хорошо, хорошо, не уходи, не подхожу, не трогаю. Признавайся, ведь ты тоже меня любила? Почему молчишь? Скажи что-нибудь. Я противен тебе, да? Знаю. Всевышний любит тех, кто признает вину. Признал, и что теперь? Что с меня взять? Из всех женщин только тебя любил. Слёзы застыли на щеке... Не плачь, слышишь, прошу тебя, не плачь. Ты плакала, когда сына судили, плакала, умоляя меня. Эти слезы растрогали меня, и я готов был оправдать сына. Но твои слёзы... всю жизнь они перед глазами. Твои слёзы... отойди, отойди, любимая. Пропусти, это за мной пришли...»

Ближе к обеду жена зашла в комнату. Старик лежит на полу.

«Я за большие деньги оправдал виновного, а твой сын сел за него, – шептал старик с закрытыми глазами. – Я сожалею об этом...»

Его никто не слышал, это шептала покидающая мир душа.

НИНА
Рассказ*Памяти моей матери
Шхагумовой Нины*

На эту землю нога Нуриям ступала впервые. Но ей казалось, что она здесь жила в прошлом. Она пыталась сделать шаг, но её словно кто-то тянул назад. И тут же неведомая сила толкала её в спину, и тогда она с трудом отрывала ногу от тяжелой почвы, превратившейся сейчас в расплавленный свинец. Ветер дует прямо в лицо, но при этом ей не хватает воздуха, она хватается его раскрытым ртом, но не может отделаться от одышки. Достав непрсыхающий платок, она отирает пылающее, залитое нескончаемыми потоками слез лицо. Переведа дух, женщина собирает все свои силы и продолжает идти вперед.

Этот день был самым тяжелым в жизни Нуриям. Он разделил её жизнь надвое. Оставшаяся позади часть была раем, которого она даже не замечала. А то, что ожидало впереди, было беспросветным, долгим и бессмысленным карабканьем.

Она приблизилась к свежему холмику с каменным надгробьем, являвшим собой рубеж между жизнью и смертью. Здесь последнее пристанище матери, прожившей на земле всего лишь короткий миг – именно так Нуриям ощущала этот отпущенный срок счастья. Она гладила рукой холодный камень, и на память приходили все моменты жизни, связанные с присутствием матери, с её голосом, рассказами о безрадостной судьбе. Нуриям будто явственно услышала голос матери, сказавшей как-то: «По моей жизни впору написать книгу...»

Отец Нины умер, когда она была совсем ребенком. Думала, что он спит, и всё время подбегала к нему, а женщины вокруг от жалости начинали плакать ещё громче, и каждая хотела погладить её по головке, посадить её к себе на колени... Они оплакивали не только умершего, но и четверых малолетних девочек, оставшихся сиротами.

После похорон и поминок вдову с девочками, оставшуюся без мужского плеча, родные забрали к себе в дальнее село Жанхотеко. Нина рассказывала, что семья у них была зажиточная. У отца, помнится, было много скота, земли, так что он даже батраков нанимал. Имелось у него и много серебра. Но после его смерти жене и детям не досталось

ничего – родственники всё растащили понемногу. Нина была бы рада хоть серебряному колечку с отцовского пальца, это была бы память.

Когда у человека жизнь разлаживается, он становится уязвим, открыт всем ветрам, как прохудившееся сито. Даже родные порой не щадят его, напротив, норовят сделать большее, растоптать, урвать от него свой кусок. И никто уже с беззащитным человеком не церемонится, чаще всего ему самому приходится заискивать и просить о помощи тех, кто ещё вчера считался близким и зависимым. Такова сиротская доля, и так было испокон веков.

Родня матери выделила ей с четырьмя детьми одну комнатенку. Но постепенно она опустела. Умерла от кори маленькая Чазибан. Тогда ведь не было прививок, лекарств, врачей. Малышку Муслимат отдали на воспитание в дальнюю родню одной бездетной семье. Мать девочек вышла замуж за вдовца и взяла с собой младшенькую – Канитат. И как ещё вышла замуж – скорее, ушла тайком. А Нину оставила одну, подмогой для бабушки с дедушкой. Три сестры жили в разных семьях, они не могли видеться, почти ничего не знали друг о друге, и воспитывали их по-разному. Живущие по разным углам девочки были лишены родительского тепла, доброго слова, только и слышали, что «нет», «нельзя».

Каждый день Нина ходила за водой к крутому спуску к реке, чтобы пройти мимо дома, где жила Муслимат. Сестры боялись открыто видеться, разговаривали шепотом через плетень, здоровались, прижимаясь щекой к щеке через щель в заборе. Пошепчутся – и Нина спешит прочь с ведрами на коромысле, и сестры с нетерпением ждут завтрашнего дня, чтобы снова встретиться.

Они завидовали младшей сестренке Канитат – ведь она с матерью, а они по чужим углам. Хоть и с родней, но все же не с матерью. Бабушка одна обхаживала всю семью, одни мужики в доме, так что Нина была её правой рукой. У неё и в мыслях не было перечить старшим хоть словом. И не знала она, что имеет право уставать и отдыхать. Не было случая, чтобы это дитя спало до утра. Встанет затемно, когда все ещё спят, разведет огонь в печи, чтобы к пробуждению семьи в доме тепло было. Потом пойдет с керосиновым фонарем в хлев и подоит корову. Процедит молоко, соберет сепаратор, а меж тем вода на печи закипает, чтобы киржины замесить, и мука уже просеяна. И тогда уже бабушка вставала. Пропустят молоко через сепаратор – Нина должна разобрать его, вымыть и высушить. Подметет во дворе, за воротами, потом идет за водой к роднику у берега Баксана. Идет впотьмах, боится каждого шороха, у самой поджилки от страха трясутся – как бы собак не разбудить. Проходя мимо дома Муслимат, смотрела на её окошко и радовалась, если ещё лампа не горела – значит, спит сестренка.

Она очень боялась износить свои холщовые чуваки – её бы за это по головке не погладили. И потому она шла к роднику не обходным

путем, а по крутой тропе, ею же и проложенной по крутому склону. Спустилась осторожно, под ногами осыпалась щебёнка, острые камушки больно кололись сквозь тонкие подошвы. Зато дорога здесь была короче.

Родник у бурливой реки студёный в любое время года. В рассветные часы у реки особенно холодно. Пронизывающий ветер обжигает детское личико, тонкие ножки подкашиваются. Лай проснувшихся собак заставляет её сердечко трепетать от испуга, и она дает волю бесильным слезам, пока никто не видит. В зеркале родника отражаются ясные, печальные глаза ребенка. Но ей кажется, что это совсем другой человек смотрит и разговаривает с ней. Она может поведать обо всех недетских страданиях, а ещё о своей мечте – быть рядом с сестрами. Наплакавшись вволю, девочка набирает полные ведра воды, кончики её длинных кос окунаются в ручей, и она спешно подбирает их. Теперь быстрее домой, чтобы в школу не опоздать. И вот она снова перебирает ножками по крутой тропинке. Выбравшись наверх, останавливается, чтобы перевести дух и ещё раз бросить взгляд в сторону тесного урочища – это напоминает ей о родном Куркужине, о доме. Если бы они остались в отцовском доме... Что стоило матери сохранить для детей отцовский кров, а не раскидывать их по чужим углам! Кто её гнал? Если бы ещё её теперешний муж пускал их на порог!

Каждое утро Нина должна была принести шесть ведер воды, а потом поухаживать за маленьким Кильшуку. Малыш был, как и она, сиротой, его мать умерла, и отца у него не было. Привести в порядок его колыбельку, помыть и накормить ребенка и снова уложить в постель – это была её обязанность. И только потом она уходила в школу. Училась она очень хорошо, и два раза её даже посреди года переводили в следующий класс. Иногда они сталкивались в школе с Муслимат – видеться им, когда они захотят, было запрещено. Обе девочки жили в больших семьях, где работа по дому не заканчивалась никогда. Если удавалось припрятать тайком кусок киржина или сахара, сестры угощали друг друга. Улучив минутку, короткой дорогой бежали к матери, чтобы повидать её.

Но это было самое трудное. Недаром говорят: второй муж – что стежок на живую нитку, того и гляди развяжется. Так и жили супруги, и никакого тепла между ними не было. Не родили они общего ребенка, чтобы хоть как-то связать двух чужих людей. Да ему и не нужен был ещё один ребенок, лишь бы жена растила его четверых детей. Он запрещал её дочкам приходить к ним, они могли видеться только через дыру в плетне. А более всех раздражала его Канитат, которую приходилось постоянно терпеть в доме. И мать всё глотала и цеплялась за свое призрачное счастье, зная, что её родные дети остались без материнской ласки и тепла у людей, которым они нужны были разве что в качестве прислуги.

После четвертого класса Нину отправили в Хажихабле к сестре

матери Куне. У той было четверо детей, и она нуждалась в помощнице. Сестра матери – как вторая мать, так всегда говорят. Куна была добрая и к Нине относилась не хуже, чем к родным детям. Она сдружилась с двоюродной сестрой, и они вдвоем помогали Куне управляться с тремя мальчишками. Все бы хорошо, но теперь Нина тосковала по сестренке Муслимат и по малышу Кишуку – как он там без нее, маленький сиротинка... Ей, которой было всего десять лет, кусок в горло не лез, когда думала о сестренке – вдруг она голодна. Тяжелый труд не истощил её, даже закалил, и девочка справлялась с любой работой. У тети ей жилось гораздо легче, но этой передышке не суждено было долго длиться. Началась война. И до самого её конца Нина ни разу не виделась с сестрами и матерью.

Война была в разгаре, наши войска отступали. Особенно во время оккупации всем приходилось туго. Девочка ходила за водой на Малку. Она навсегда запомнила дни, когда спешила домой с двумя полными ведрами на коромысле, а над головой летали наши самолеты. Они бомбили мосты через реку, чтобы перекрыть немцам путь к отступлению. Рёв моторов и грохот бомбежки – ничего страшнее Нина не слышала ни до того, ни после. Девочка пригибалась к земле от страха, она страшно боялась, что никогда уже не увидит свою сестренку. А потом смотрела в небо и представляла, что на этих самолетах летают её дяди, братья отца, и уже смелее шла по тропе. Может, они тоже смотрят сейчас на неё?

Дом тети стоял у самой дороги, и им приходилось наблюдать, как передвигались войска, как гибли солдаты и мирные люди. Закончилась война. Теперь они видели, как мимо гнали бесконечные ряды пленных. Это были истощенные, оборванные люди, уже не те сытые и наглые немцы, которые пришли на их землю. Тетя жалела их – люди всё же, и из скудной еды для семьи выделяла одну сковороду чуреков для пленных. Давала чуреки Нине и своей дочери, и девочки с готовностью раздавали их голодным солдатам. Смотреть на них без жалости было невозможно. Они хоть и враги, но всякий, кто лишен своего крова, несчастен. Так думала Нина и даже отдавала часть своей доли этим людям.

После войны вновь оживился базар в Ашабово, и по выходным сюда стягивался народ из близлежащих сел, большей частью из Хажихабле и Куркужина. Куна всегда брала с собой Нину, зная, как мечтает она увидеть кого-нибудь из родного села. Они специально держались ближе к той тропе, что вела от Куркужинского перевала. Иногда действительно им встречались родственники Нины по отцу. И пару раз они даже брали ее с собой погостить в родном селе. И в такие дни она была счастлива, она чувствовала себя дома, в своей семье!

Настал день, когда Нина должна была вернуться на прежнее место жительства, к бабушке. Закончилась легкая жизнь, когда её не поднима-

ли ни свет ни заря, не посылали на реку за водой затемно, не сваливали на неё всю тяжелую работу по дому. Но сердце её радовалось, потому что она знала, что её мать и сестренки живы, и скоро она их увидит.

Война не пощадила это село, как и Хажихабле. Редкий дом уцелел от бомб и снарядов. Люди пытались привести своё жилище в порядок. Кто-то латал пробойны обломками кирпичей, другие сооружали временки из жердей, крыли камышом и замазывали глиной. Люди обнищали, у них не хватало еды, одежды, домашней утвари. Своих родных Нина застала в ужасающем состоянии. Домом им теперь служила землянка – пригодились окопы. Жили впроголодь, есть доводилось только раз в день. Увидев их, Нина разрыдалась от жалости, и они вместе с ней. Наплакавшись, успокоились понемногу. Человек ко всему привыкает, а если не привыкнет, то может смириться – и с тяготами жизни, и с лишениями, и с сиротством. Зато теперь сестры были вместе после долгой разлуки и не могли наглядеться друг на друга. Не меньше радовалась и младшенькая Канитат, которая всегда была при матери.

Нина вернулась в дом бабушки, и снова всё пошло как прежде. Постепенно люди приходили в себя, село восстанавливалось из руин. Подрастала Нина, превращаясь в статную, длинноногую девушку с белой кожей и яркими голубыми глазами. Пышные косы, осанка – всё в ней притягивало взгляды. Парни не могли отвести от нее глаз, девушки тихо завидовали, женщины мечтали увидеть её своей снохой. Если случалась свадьба в селе, первой на кафу или удж приглашали Нину. А молва о её добром нраве и хороших манерах шла по всей округе. Правда, кто-то считал её гордячкой, потому что она никогда не смеялась громко, даже если все кругом смеялись, не повышала голоса, не поднимала глаз и не смотрела на людей в упор – одним словом, сама сдержанность. Но этому её научила жизнь. Девушка никогда не обижалась на косые взгляды сельских девушек, просто молча улыбалась.

Подросла и Муслимат вслед за старшей сестрой, стала такой же статной красавицей. Они были очень похожи, как внешне, так и характерами. И малышка Канитат была уже подростком – хорошенькая, белокурая и синеглазая девчушка. Теперь сестры целыми днями были вместе – на прополке в колхозном поле. Им не в тягость была тяжелая работа, они весело шли по рядам бок о бок, опережая всех, и вечером прощались, радуясь тому, что завтра опять будут вместе.

А потом им и вовсе привалило счастье – бабушка с дедушкой решили, что повзрослевших внучек надо держать при себе, чтобы вместе были, под присмотром. А если замуж выдавать, так из своего дома.

У девушек словно крылья выросли. Глядя на них, можно было почувствовать, до чего может быть глубока любовь между сестрами, возможно, даже глубже, чем любовь детей к родителям. Нина могла бы осчастливить любую семью – красивая, воспитанная, работающая.

Конечно же, от женихов отбоя не было. И всё бы закончилось самым завидным образом, если бы не случай. Таков суровый закон жизни: кто-то рождается для счастья, а кому-то счастье только снится...

Была весна в разгаре. Наступило время прополки, и все девушки радостно выпорхнули на поле. Молодые женщины шли в поле с детьми, некоторых везли на подводах, а вместе с ними – люльки с грудными младенцами. Никто не жаловался на трудности, потому что после жестокой войны люди мечтали об одном – поскорее восстановить, вернуть прежнюю жизнь. И верили в светлое будущее.

Работающих в поле не кормили, и им приходилось в обед идти пешком домой, чтобы перекусить той небогатой пищей, что была у каждого в доме. Все обеденное время уходило на дорогу. Если иногда прямо на поле им привозили немного похлебки или чуреков, это был настоящий праздник, тогда и работа спорилась, и день проходил веселее.

День и ночь охраняли поля объездчики, до тех самых пор, пока последнее зернышко не будет свезено на ток. Они отслеживали все потайные тропки, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не прошмыгнул с горсткой колосьев или кочаном кукурузы. При них всегда было оружие. Иногда кто-то из объездчиков демонстративно разбирал и протирал ружье, скорее чтобы припугнуть людей, чем по надобности. В тот роковой день пуля в чьем-то стволе ждала своего часа, чтобы ужалить Нину в самое сердце, лишить ее самого дорогого в жизни.

В тот день один из охранников никак не мог сладить с ружьем. Видно, какую-то часть его съела ржавчина, и оно никак не поддавалось. Вот уже люди подтягивались из дому после обеда, а они все возились и никак не могли разобрать и собрать старое ружье. Кучками возвращались щебечущие девушки. Впереди шла Муслимат с подружками, за ними – Канитат с другими девчонками, чуть поодаль следовали Нина и её подруги постарше – эти перешептывались о своих девичьих тайнах.

И вдруг страшный грохот взорвал округу. Выстрелило ружье, с которым до сих пор возились полевые объездчики. Никто ничего не понял поначалу, только все остолбенели от неожиданности. Не поняли, отчего рухнула на землю Муслимат, как подкошенная. Шедшая за ней следом Канитат только и успела выкрикнуть: «Муслимат!» А когда из раны на груди хлынула кровь, над полем поднялись истошные крики. Канитат лишилась чувств и упала рядом с сестрой, её тонкое платье окрасилось алой кровью. Тот, кто нечаянно выстрелил, понял, что случилась беда. Мужчины сорвались с места и побежали в ту сторону, где над Муслимат металась насмерть перепуганные подруги. Пытаясь остановить хлеставшую кровь, они рвали свои платки и прикладывали к ране, но тряпки тут же намокали, и их приходилось менять.

Нина бежала, предчувствуя страшное. Что это было? Что случи-

лось? С кем? О Всевышний, сделай так, чтобы этот выстрел только напугал всех, и ничего непоправимого не случилось. Она всматривалась в лица вокруг, надеясь вычитать в них, что тревожиться не о чем. Она бежала и не могла добежать, чтобы найти в этой круговерти своих сестер. До нее доносились голоса: «Не пускайте Нину! Держите ее!». Она чувствовала, что ноги налились свинцом, и всё же шла вперед, отталкивая руки подруг. И увидела самое страшное, что она могла увидеть. При виде лежащей в крови сестры она рухнула рядом. Можно было подумать, что на земле рядом лежат три трупа. Казалось, что их нежные души витают сейчас в небесах и тихо перешептываются. Горький ветер кружил в поле, донося горькую весть к дому родни. Нежная душа Муслимат воспарила ввысь, оставив по себе гыбзу на всю округу...

Весть о трагедии быстро добежала до села, всеобщее горе накрыло его. Пытались дозвониться в Баксан, в райбольницу, но где было найти хорошую связь в те годы. Да и врачей было мало. Кто знает, если бы доставили раненую в больницу вовремя, сделали бы операцию, извлекли бы проклятую пулю, остановили бы кровотечение – Муслимат стала бы чьей-то матерью, чьей-то бабушкой...

Люди вокруг метались в бессилии, они могли только прикладывать все новые и новые лоскуты, пытаясь остановить кровь. И спрашивали друг друга: «Они живы? Хоть одна жива?»

Нина пришла в себя понемногу, за ней открыла глаза Канитат. Вспомнили, что стряслось, и взвыли сестры от боли и горя. Кровь Муслимат уходила по капле в черную землю, и лицо её постепенно становилось белым. Но сердце её продолжало биться, и Нина звала сестру, умоляя открыть глаза.

Больничная машина приехала только под вечер. Муслимат увезли в Баксан, прооперировали, всю ночь боролись за её жизнь. Но было слишком поздно. На рассвете, в четыре утра, сердце бедной девушки остановилось.

С того дня жизнь изменилась. Горе ещё сильнее состарило бабушку с дедушкой, у них не было сил пережить это. Они ведь так ждали, что в свой час увидят счастье девочек, которых наконец-то собрали под своей крышей. Нина выплакала все глаза и чахла на глазах. Не хватало сил жить прежней жизнью и у младшенькой Канитат. Нина ждала вечера, чтобы никто не мешал ей проливать слезы и смотреть на звезды. Среди них она искала новую звездочку и шептала: «Муслимат, душа моя, как же я буду жить без тебя? Сколько же мы пережили с того дня, как остались без отца, – и сиротство, и разлуку, и голод, и холод... И теперь, когда мы были вместе, я тебя потеряла навеки».

Так и шли годы Нины без радости. На всю жизнь у неё осталась привычка смотреть на звезды и искать своих родных: вот Муслимат, мать с отцом, бабушка с дедушкой... Наплакавшись вволю, она говори-

ла: «Человек не умрет, пока не пришел его срок. Иначе как я пережила все это?»

Нуриям прислоняется к холодному камню над свежим холмиком. Вспоминая сейчас рассказы матери о её горестной судьбе, шепчет: «Бесценная моя мама, молю Всевышнего, чтобы ты встретила в раю со своей любимой сестрой». На сумеречном небе появилась первая звезда, за ней вторая, и Нуриям смотрит на них, слезы заливают ее лицо. Она вновь гладит камень, мягкую землю на могиле, и поет свою гыбзу:

*Ярче цвела весна рядом с тобой,
И не было меня счастливее,
Опустел без тебя двор родной,
Лишь тень твоей души витает.
Как ты нужна мне, бесценная мать,
Я сердцем говорю с тобою.
Эта весна сожжена слезами,
Весна – но осенние слезы в глазах.
Нет больше мамы, ушла в темноту,
Оставив мне воспоминания.
Негаснущим огнем в моей душе
Отныне догорает голос твой...
Пришел твой срок, и Бог забрал тебя.
И сердце стонет, стиснутое горем.
Погас очаг, и сожжена весна...*

ХАТТЫ

Глава из романа-трилогии

Будто завалившись к себе домой, в городе уютно расположилось вражеское войско. На главной площади крепости к четырём сооруженным большим столбам в лютый мороз привязали четверых пленённых, коих посчитали удачным трофеем. В конюшню, что тянулась вглубь крепости с правой стороны, загнали женщин и детей, плач которых так и раздирает душу. Довольные успехом, ассирийские воины вольготно отдыхали, загнав плененных мужчин в пристроенные к конюшне сеновал и амбар и приставив к ним вооруженных до зубов охранников. Подвальные хранилища и темницы также были забиты пленными.

Нинурт задумал сжечь Цапк до единого колышка. Только требовалось ему немного восстановить силы после тяжелой битвы. Арнаут говорил правду – ассирийский царь желал Хаттскую территорию без самих хаттов, и если как-то не воспротивиться, то это огромное государство он снесёт до основания, будто его никогда и не было. Да и кто ему воспротивится теперь?! Когда хаттов позорно разгромили...

Привязанные к столбам и подвешенные за руки мужчины не чувствовали холода лютой зимней ночи, настолько яростно бурлила в них злость. Это чувство выворачивало их наизнанку. Безысходность и жизненная несправедливость вечным огнём охватили всё их существо. Они попали впросак, и мысли о грядущем доводили их до умопомрачения. Хоть и знали, что уже ничего не вернуть, снова и снова прокручивали в своей голове всё то, что произошло с ними. Если бы мы сделали так, а не эдак... Если бы тогда-то говорили по-другому... Как бы там ни было, прошлое никак не поменять. А если поймёшь, что по своей вине, по своей ошибке упустил хорошую возможность, то это вовсе не даст тебе ни житья, ни покоя. Чувство вины разъедает, не даёт дышать.

Ночью мороз, сковывая ледяным покрывалом овраги и равнины, начал лютовать ещё пуще. Что это всё человеку, у которого грудь распирает от злости?! К рассвету у четверых привязанных на площади мужчин одежда прилипла к телу и примёрзла, а на бровях и ресницах висел иней. Опухшие и потрескавшиеся губы имели черно-синий оттенок. До полуночи из конюшни доносился плач проголодавшихся детей и сетования отчаявшихся женщин. Думая о них, мужчины сначала

даже не почувствовали ни боли, ни холода. И только когда спешившиеся захватчики крепости сладко уснули и все плененные уgomонились, они, скрывая друг от друга стекавшие в их бороды слёзы, поняли, что мороз кусается, будто бешеный пёс.

Под утро, словно и не ложились спать, под кукареканье петухов на площадь высыпали ассирийские воины и их предводители.

Как только забрезжил рассвет, четверо мужчин с отяжелевшими веками очнулись под гомон собравшихся на площади врагов. Теплые лучи поднимающегося на востоке солнца с легкостью растопили иней на их лицах. По всем приметам медленно, но уверенно приближалась весна. А выкатившийся на небосклон золотой диск, словно в последний раз лаская хаттов, светил ярко.

До того как запереть людей в помещения, оттуда вынесли сено и солому, и теперь же этим сухим, горючим материалом начали обкладывать входные двери. Поняв замысел врага, подвешенные за руки мужчины истощенно начали протестовать:

– Эй вы! Ублюдки проклятые! В чём же они виноваты?! Прекратите! Прекратите! – во весь голос кричал Мита.

Но среди ассирийцев уже не находилось ни одного, знающего хаттский язык, и хатты тоже слышали ассирийскую речь впервые, а потому это был разговор немого и слепого.

– Я же говорил тебе, Мита, если не присоединишься ко мне, то умрёте жуткой смертью! – злорадствовал Нинурт, медленно подбираясь к соломе с лучиной в руках.

– Хоть на том свете, но я найду тебя и заставлю испытать то же самое, что ты нам соизволяешь! – сквозь зубы процедил Тутхали, которого трясло от злости.

– Да чтоб тебя собаки разодрали! Отойди оттуда! Я сказал, отойди от греха! – от бессилия скулил Лулимес.

Ничего не понимающему в хаттской речи ассирийскому царю было смешно смотреть, как неистово злятся пленники. Нинурт с ухмылкой уронил лучину, и огонь вспыхнул мгновенно.

– Подожгите и их! – приказал ассирийский царь стоящим вдоль конюшни и сеновала воинам.

Ассирийские воины притащили чёрные бочки, облили нефтью пенья, лежащие под возвышенностью, где были привязаны пленники, и подожгли огонь.

– В Хатти мертвецов не хоронят. Сжигают. Ведь так же?! – подойдя к воротам крепости, где он построил ассирийских воинов, довольный содеянным поступком, злорадствовал Нинурт.

Безжалостные ассирийские воины без всяких эмоций смиренно стояли позади него, следя за совершающимся действием. Хоть уже кусали за ноги языки пламени, выхватываясь меж досок, и густой

черный дым начал душить, хатский царь высоко поднял голову и сжал зубы. Он не предоставит захватчикам такого удовольствия – слышать его голос скорби. И вдруг он увидел вдали лавину: с юга поднималось меотское войско. Он здесь! Он рядом. Аладама! Как и обещал, не оставил его в беде... И когда у Тутхали, воспрянувшего духом, появилась на лице ухмылка, Нинурт, не понимая, что происходит, вспылал.

– Вон, посмотри, чудовище, твоя смерть идёт! – не обращая внимания на густо поднимающийся огонь, громко засмеялся Арнаут.

Вся правая сторона крепости пылала синим пламенем. Издали был виден поднимающийся чёрный дым над крепостью Цапк, и Аладаме стало ясно, что там случилось что-то ужасное. Было очевидно, что над людьми совершено насилие, и нетрудно было догадаться, под кем подожгли огонь, привязав людей к столбам на площади. Меоты же, наскочив неожиданно на ассирийцев, нанося большой урон войску, начали косить и разгонять их.

– Куда разбежались? Держите оборону! Колесницы, встаньте в ряд! Лучники, натянули стрелы! – во всё горло начал орать Нинурт на воинов.

Ещё мгновение и началась ожесточенная битва: засверкали мечи, копыя, стрелы, обоюдно унося души. Смерть торжествовала...

Ассирийский царь, которому и в голову не приходила мысль, что ситуация так круто обернется не в его пользу, не понимал, что за войско их штурмует.

– Кто-нибудь из воинов, проберитесь! Освободите людей из конюшни и сеновала! – пройдя такое расстояние и принося в жертву столько воинов, опасаясь, что всё может оказаться напрасным, не переставая кричал меотский царь.

Пробравшийся близко к воротам крепости с меотским авангардом Дагомыс, услышав глас отца, не щадя сил, без усталости направо и налево размахивая мечом, пришпоривая коня, двигался к цели. Дагомыс, врываясь во двор крепости, искоса заметил залетающих через выбитые западные ворота крепости амазонок. Но у Дагомыса не было уже времени ни удивляться, ни рассматривать их: пылали ворота конюшни и сеновала, откуда доносился дикий вой людей.

– Откройте ворота и выпустите пленных! – крикнул следующим за ним воинам, на ходу спрыгнув с коня у первых же ворот конюшни.

Подходить и трогать засов, прибитый к воротам по диагонали, было невозможно, не подпускали горячие языки пламени и падающие с тростниковой крыши огненные комки.

Как бы там ни было, у молодого воина на уме было одно – оказавшихся в душегубке людей необходимо спасать. Дагомыс сбил копьём засов, распахнул ворота и забежал в конюшню.

Удина, ворвавшаяся в крепость во главе амазонок, видела, как её мальчик вытаскивал на себе обессиленных, возможно, даже уже мертвых женщин, детей, и укладывал их подальше от огня.

– Быстро освободите привязанных людей на площади! Пока они ещё совсем не сгорели! Эта группа, помогите им, остальные – бейте ассирийцев! – обойдя вражеское войско с другой стороны, громко призывала Ассей.

Ассирийцам уже некуда было деваться. Проведя вольготную прошлую ночь и думая, что Хатти у него в руках, Нинурт стоял на площади, не зная, что делать и в какую сторону бежать. Только рыскал глазами по сторонам, как умалишенный. «Живым не упущу. Во что бы мне это ни обошлось, живым не упущу. Они убили моего отца...» – шептал он, едва стоя на ногах.

Нинурт заметил, как несколько амазонок, поднявшись на возвышенность, освобождали главных его пленников. Для ассирийского царя это было большим ударом, и он, брызгая по сторонам слюной и с глазами навывкате, ревел как бык:

– Лучники! Цельтесь в ту группу! Не оставляйте ни единого пленника в живых! Не дайте им спуститься! Бейте!

В это момент амазонка, отвязав потерявшего сознание от невыносимой боли в обожженных ногах Лулимеса, уже спускала его на спине по лестнице. Атиса своим маленьким кинжалом второпях пыталась разрезать неподдающуюся конопляную плетёнку. Огонь разгорался всё сильнее, и была опасность провалиться сквозь деревянный помост и угодить в жаровню.

– Опасайтесь стрел! – близко раздался чей-то голос.

– Прикройте царя! – крикнув, Атиса прикрыла собой царевича, спасая от летящих на него стрел.

– Атиса! Атиса! – не обращая внимания на то, что прогорели его ноговицы и горят стопы, изо всех сил начал кричать Арнаут. И хотя у единственной дочери царя уже прикрылись её чёрные очи, не останавливаясь, резала она конопляную крепкую веревку в надежде освободить наследника хаттского царя.

Когда Атиса поднималась на сооруженный для казни пленников помост, щит, который ей мешал, закинула за спину, потому, кроме спины, не было на её теле места, куда не вонзились бы стрелы. Но как бы там ни было, она выполнила приказ старшей амазонки.

Амазонка, которая заслонила Тутхали и у которой спина оказалась голой, изрешеченная, медленно сползла на эшафот. Мгновением раньше освобождённого ею от пут и падающего без сознания хаттского царя подхватила другая амазонка, которая быстро стащила его вниз. Спасшую же царя амазонку успел подхватить Арнаут, и, прежде чем деревянный настил эшафота провалился, взвалив её на спину, спрыгнул вниз.

Благодаря щиту, который остановил несколько стрел, Атиса ещё дышала, но видно было, что спасти царевну было уже невозможно.

Только Псатха знал, что творилось в душе Удины. Она лихорадоч-

но думала о супруге, сыне и дочери одновременно. За кем уследишь, к кому побежишь?! Её глаза быстро потеряли Аладаму, который уже сражался в ожесточенной битве, Дагомыс исчез в конюшне, куда он в очередной раз забежал, а крыша сгорела и осыпалась пеплом.

– Дагомыс! Дагомыс! – пытаюсь перекричать этот шум, гам и дикий вой раненых, до хрипоты вопила рыжеволосая царица.

Те, кто остался в конюшне и на сеновале, без сомнения, погибли от огня и дыма. Кто мог спастись в таком аду? Но для меотского царевича, решившего противостоять самой смерти и вырвать из её лап невинные души, время ещё не подошло. Во всяком случае, не сегодня. И никто не знает, для чего он рождён. Да и Удина тоже не собиралась просто так отдавать в руки смерти своего первенца.

Меотская царица хорошо пропитала ледяной водой свою черную бурку, накинула на себя и без оглядки забежала в конюшню. То, что она там увидела, было чересчур даже для самого кошмарного сна! С наступлением огня прижимаясь к стене, многие женщины, удушенные дымом, с прижатыми к груди детьми, так и стояли у стены с едва подкошенными ногами. Многие, прикрыв своим телом детей, лежали на полу. Некоторые тела были обугленными, сгоревшими, а некоторые с треснутой кожей, из складок которых виднелось красное мясо. Дагомыс, удушенный дымом, лежал прямо в центре конюшни. Удина прыжком пантеры подскочила к лежащему в обмороке сыну и, напрягая последние силы, выволокла его наружу.

Казалось, ничего вокруг она не видит и не слышит. Вытащив из такого ада сына живым, чувствуя скорбь и радость одновременно, она испугалась, что сердце вот-вот выскочит из груди. Удина на своем веку много чего навиделась, много натерпелась, пережила, выходила целой из многих смертельных передраг, но сейчас, забыв обо всем на свете, сидела над сыном и выла:

– Дагомыс! Открой глаза!

Одежда у парня настолько была горяча, что, казалось, его жарили на углях. Над ним вился густой дым. Царица быстро стащила с сына всю одежду до нижнего белья.

«Он весь горит, его надо срочно остудить», – шептала она и, пригоршнями хватая снег с ледяной водой, растирала тело сына.

Она уже не обращала внимания на то, что захватившее крепость ассирийское войско почти всё истреблено меотами и амазонками, а сложенные их тела образовали целую гору. Ей не было никакого дела до того, что группа ассирийцев вырвалась из котла и направилась на восток. В этот момент для неё на свете были только трое: дети и супруг.

Дагомыс, придя в себя, отчаянно кричал:

– Там ещё много людей осталось! Очень много людей. Отпусти меня! – и хотя всё его тело горело, он ещё пытался встать.

– Всё закончилось, Дагомыс! Закончилось. Успокойся! О, мальчик мой, успокойся! – прижимала мать сына к земле.

Лишь тогда Удина пришла в себя, когда поняла, что сыну уже ничего не угрожает. Подняв голову, она посмотрела по сторонам. Вдалеке, почему-то с опущенной головой, стоял царь меотов. Она не видела супруга уже три месяца, и у неё немного отлегло от сердца. Ей казалось, что из этого опасного последнего похода он не вернется, из-за чего, волнуясь, не находила себе места всю зиму, а он вот, стоит живой и невредимый. Более того, разбив вражеское войско, которое захватило крепость, и освободив пленных, торжественно стоят амазонки и меоты.

– А где Атиса?! – вдруг что-то недоброе мелькнуло в голове, и она вскочила. – Где Атиса? Вы её не видели?

Все вокруг молчат. Тишина. Кто-то опускает голову, кто-то веки, кто-то, сжимая губы, смотрит на царицу.

– Я спрашиваю, где Атиса?

– Атиса ранена, – тихо говорит рядом стоящая старшая амазонка.

Удина, словно не поняв услышанного, строго взглянула на амазонку.

– И где она? – пытаюсь проглотить подступивший к горлу ком, спрашивает Удина.

– Она лежит там. Иди. А за царевича не беспокойся, я сделаю всё необходимое, – положив руку на плечо царице, сказала старшая амазонка.

Представив раненую дочь, царица на мгновение ужаснулась. У неё едва заметно подкосились ноги, но, после того, как неуверенно сделала шагок-два, собрав все силы, рванула с места. Царевна с многочисленными стрелами в теле без сознания лежала ничком. Царица, взглянув на дочь, разом побледнела, а губы посинели. Этого она и боялась! Потому она и не была довольна, когда её единственная дочь связалась с амазонками. Потому-то и не зря волновалось бедное сердце матери. Как же она упустила из виду дочь? Не насладились ею, не уделила ей должного внимания, не успела похвалить, сказать доброе слово, которое она так ждала? А теперь вот, отдав свою душу для спасения Хатти, лежит на земле, едва дыша. Удина то смотрит на супруга, то на дочь, лежащую на бурке. Аладама, с трясущимся подбородком, стоит угрюмо, коротко дыша, и, словно ему не хватает воздуха, то и дело хватается за грудь. Мать опустилась на колени и погладила дочь по голове. Она ещё дышала.

– Почему не вытащите из неё стрелы? Ей же больно, – поднимая глаза на подошедших лекарей-амазонок, в ужас простонала Удина, хотя понимала, что если вытащить стрелы, то хлынет кровь и всё будет кончено.

– Терпи, Удина. Лучше поговори с ней напоследок... – сказала старшая знахарка и отвела в сторону окруживших царскую семью.

– О, моя бедненькая! О, моя бедная малышка! Чем я могу тебе помочь?! Зачем я взяла тебя с собой, моя красавица?! – Удину затрясло.

У неё было чувство, будто вырвали ей сердце и в груди зияла огромная дыра. В теле появилась какая-то доселе неизвестная боль, что проникла до мозга костей и выедала всё нутро. Если бы это было в её силах, она бы сейчас дважды отдала свою жизнь ради того, чтобы единственная дочь вышла живой из этой войны. Да и любая мать, без всяких сомнений и лишних размышлений, отдаст жизнь ради своего ребенка. Она сейчас хотела кричать так, чтобы у всех в округе в ушах навсегда остался бы этот крик. Но сдерживалась – меотской царице не пристало так себя вести. Да и к чему пугать бедняжку, которая лежит при смерти?

– Держись! – заметив крайнее состояние супруги, Аладама рукой коснулся её плеча. – Терпи.

– Мать моя... – тихо раздался голос девушки, лежащей ничком.

– Что, мой золотой ребенок? Слушаю тебя, моя душа! – глядя голову дочери, нагнулась Удина.

– Пожалуйста, никого не обвиняй в случившемся и себя не кори... Если бы царя и царевича Хатти убили, на этом закончилась бы их династия, засохли бы их корни. Я сделала то, что должна была.

Услышав слова дочери, Удина, не выдержав, беззвучно начала плакать.

– Я жила на этом свете, гордясь самой красивой и храброй из женщин – моей матерью, и самым доблестным из мужчин – моим отцом. Я довольна вами. А если я вас чем-нибудь обидела, то простите меня! – не в силах поднять век, тяжело шептала Атиса.

– Так не говори, моя душа! Я тебя не отпускаю. Не хочу... Пожалуйста, Атиса, не говори так, – разрывалось сердце матери.

– Не беспокойся, мама. Нежно погладь меня по лицу, и лучшей доли я не требую от небес, – еле слышно прошептала Атиса.

– О, моя черноглазая, смелая девочка! О, моя чистая душа, как же ты возвысила нашу честь. Ты достойная дочь, о, солнечное дитя! – Удина погладила лицо дочери и поцеловала её в щеку.

Медленно уходила жизнь из молодой амазонки. Согревая коченевшее тело, Удина роняла крупные горячие слёзы на лицо дочери.

– Отец мой! Мне холодно... – прошептала Атиса.

Аладама, не сдерживая себя, присел и, пряча раскалённые глаза, положил руки промеж стрел на плечи дочери. Это всё, что он мог сделать в данный момент.

– Сейчас я согрею тебя, моя красавица. Сейчас, сейчас...

И когда мать легла рядом с дочерью, Атиса, в последний раз тяжело вздохнув, преставилась.

Удина, хоть и знала, что у дочери смертельные раны, от которых нет спасенья, всё же надеялась, что свершится чудо, что Псатха проявит милосердие к Атисе, найдёт оживляющий эликсир и спасёт её дочь. Всё было очевидно, но Удина не хотела этому верить. Когда Удина по-

няла, что душа её дочери улетела и она уже не дышит, словно потерявшая рассудок, выдернула из тела дочери все стрелы и прижала Атису к своей груди. Мать, убаюкивающая своё дитя, покачиваясь, вдаль устремила свой взор.

– Спи, души моей отросток. Не дозрел осыпавшийся листочек. Все-го мира стоящая девочка, чистое сердечко. Самая смелая из смелых. Самое дорогое богатство, подаренное Псатхой. Как же я поздно это поняла. Пожалуйста, прости меня, мое золотце! Пожалуйста, прости! – не давая дышать и разрывая горло, подступил из груди большой ком.

Спасенные от смерти, но обгоревшие, хаттский царь и его старший сын лежали в постели. То, что по вине Арнаута погибла меотская принцесса, стало для царя большим потрясением. Чувство вины усугубляло его боль. Находясь в горячке, в отчаянии, не переставая, шептал лишь одно имя: «Атиса». Во сне и наяву он видел перед глазами, как девушка, прикрыв своим телом хаттского царевича, медленно сползала вниз...

Все были в печали. Да, победа была за ними, и вроде надо было торжествовать. Но война всегда заканчивается оплакиванием покойных. И хатты и меоты, следуя обычаям, похоронили или сожгли своих мертвых. Удина же свою единственную дочь отказалась хоронить на чужой земле. Хотя Аладама настаивал: «Не одну Атису из нашего рода, ещё многих меотов, достойных воспевания, мы потеряли... Все покойники должны быть для нас одинаковыми». Однако царица приказала сколотить деревянный гроб и, насыпав земли, положила туда тело дочери, чтобы увезти и похоронить на родине. На земле предков. Она то сидела над сыном, то стояла у гроба дочери, который поставлен был в холодном месте. Так между ними и ходила царица. Никого не хотела видеть, ни с кем разговаривать, и даже есть не было желания. Её мир кем-то был безжалостно разрушен, потому ей было всё не сладко и ничего она больше не хотела.

На отодвинутой подальше от очага кровати Дагомыс лежал неприкрытым, дабы ничто не касалось волдырей, высыпавших по всему телу; руки, шея и лицо были в страшных ожогах. Его напоили снотворным – маковым воском, потому он крепко спал. Мать, в укрытии сидя на стуле, наблюдала за Хацацей, которая в ступе что-то толкла.

– Это красная свекла. Лекарство против ожогов. Снимает боль, не дает развиться гною, заживляет, не оставляя шрамов. Не волнуйся, всё срастется хорошо, – хотя Удина и не спрашивала, желая как-то успокоить царицу, шептала девушка.

Как и обещали, Хацацу взяли с собой, и вот она пригодилась.

– Я видела, как моя бабушка делала это лекарство, – улыбается девушка.

Удина кивает головой:

– Будь здорова, красавица!

Открывается дверь и в комнату заходит Мачана.

– Как парень себя чувствует?

– Хорошо, Мачана. Живи долго... – коротко отвечает Удина с потухшими глазами.

– Что у тебя за вид, женщина? Разве нас так воспитали?! Крепись же! – опустившись на стульчик напротив, старшая амазонка рассматривает царицу.

Удина, покрутив головой, ничего не ответила.

– Послушай сюда... Царевича, надежду всего рода, ценою своей жизни спасла твоя дочь! На это пошла она, считая своим долгом. Ты тоже была такой, и каждая амазонка на этом стоит, и так будем жить. Именно этому нас и учили, для этого мы и рождены, Удина.

– Ты этого не поймешь, Мачана, – смахнув со щеки набежавшую слезу, тихо сказала царица.

– Ты права, не пойму. Из тех, кого я родила, ни одного в глаза не видела и не знаю, что такое дети. Это правда, – старшая амазонка знала, о чем говорит Удина. – Но ты испытала это, почувствовала сладость детей. Ты жила, видя и зная их в лицо. Как твой ребенок поднимается, взрослеет. Понимаю, не насладилась. Но и я знаю, как болит сердце, когда теряешь человека. И когда прячешь слёзы, как они твою душу жгут. Хотя эту рану своим нутром пытаешься зажать и, тем не менее, не в силах сдержать, она тебя мучает. Каждый из нас кого-то терял: кто друга, а кто и любовника. Из этого и состоит жизнь. Все мы исчезнем, дорогая. Но Атиса свое имя вознесла, проявила храбрость и этим оставила след на земле. Выше голову подними, царица! Твоя дочь возвысила твою честь, ещё выше подняла твое имя. Пойдет молва о благородном деле, за которое она отдала жизнь.

Удина, посмотрев в глаза подруги, сказала:

– Знаешь, Мачана, есть мудрость в нашем воспитании. В том, что амазонка не знает своих детей. Представь, после каждой войны хоронить своё дитя... И эта боль, выворачивая тебя наизнанку, должна жить с тобой дальше. Хоть я и отказалась, унесла свою голову от вас, всё же легко быть амазонкой. Намного легче, чем быть матерью...

– Удина, посмотри на сына, что лежит в постели, и повтори свои слова. Тебя ещё ждут не дождутся два сына. Они снимут печаль. Вон, у тебя есть Дагомыс, как я поняла, Хацаца тоже останется в твоём доме, – Мачана улыбнулась, глядя на девушку, нежно растирающую тело парня толченой свеклой. – Подумай об Аладаме... Я мало разбираюсь в делах мужчины и женщины, но если ваша семья крепко держится, то со всем справитесь вместе.

В это время в комнату зашли Аладама и Тутхали. Женщины встали

и поклонились. У хаттского царя все тело было сплошной раной, с каждым шагом его гноящиеся стопы ещё сильнее разрывались и ногловицы наполнялись кровью, но не встать перед царицей не мог. Тутхали держал себя как-то неловко. Из-за того, что с единственной дочерью его друга случилось несчастье, он чувствовал некоторое стеснение. Ему казалось, лучше бы провалиться, чем видеть горе на лице Удины. Не зная, что говорить и как говорить, он как-то нерешительно встал перед меотской царицей.

– Не могу найти ни одного слова, царица... Чтобы твое горе унять, у меня нет ни единого способа. Но хочу выразить благодарность за такое воспитание дочери. Вы мой народ вырвали из лап смерти, вывели из гибельного места. С этим долгом мне никогда не расплатиться, – царь Хатти поклонился меотской царице.

– Да будет счастлив твой род, Тутхали! – смотрящему на неё убитыми горем глазами хаттскому царю от души ответила меотская царица.

«Пожалуйста, никого не обвиняй в случившемся и себя не кори... Если бы царя и царевича Хатти убили, на этом закончилась бы их династия, засохли бы их корни. Я сделала то, что должна была», – вспомнила царица слова Атисы.

Удина была бледна, с посиневшими губами, и было очевидно, что она выбилась из сил. Аладама, беспокоясь за состояние царицы, то и дело оглядывался на неё. И причина молчания и холодности супруги была понятна. Царица в душе обвиняла своего супруга, что он в эту войну втянул меотов, отчего и погибла их единственная дочь. Сердцу матери казалось так. В другой раз Удина вспоминала и сознавала, что сама из воинствующего рода и что они отвели от смертельной пропасти целый народ, и то, что пришедшего к тебе с просьбой о помощи оставлять в одиночестве непозволительно воину, имеющему честь и совесть. Вот так женщина сама с собой конфликтовала: одна половина – амазонки, другая – матери.

Аладама всё это понимал. Знал, что пока Удина не приведет в порядок свои мысли и не пропустит через себя всё, что произошло, её трогать нельзя. Вместе с тем, за трепещущую, убивающую себя женщину болела его душа, и потому он хотел вывести её из такого тяжкого положения, отвлечь словами, поддержать. Но меотский царь твердо знал, что Удину лучше не торопить, и ждал, пока она успокоится.

– Аладама, мой брат... Царица... Мачана... В этой войне вы нас спасли от смерти. Вы подарили нам глоток воздуха, за что я очень вам благодарен. Но я твердо знаю, ассирийский царь на этом не остановится, он вернется. Восстановит свои силы, соберет новое войско и опять нападет на нас. На моей родине людей не осталось, а союзники повернулись спиной. И вам стало очевидно, и я хорошо понимаю, что мы не восстановимся. Мне принесли хорошую весть о том, что вы вернули

столицу, освободили крепость от греческих захватчиков. Это превыше всего! Вы тоже много потеряли людей. Исходя из этого, у меня есть единственная просьба. Чтобы меня не мучила совесть, чтобы со спокойным сердцем я мог жить, исполните эту мою последнюю просьбу... Когда будете возвращаться, проходя города и поселения, детей-сирот и тех, кто пожелает перебраться к вам в Меотию, не пренебрегая, примите. Пусть они заменят нартских молодых парней и амазонок, которых вы похоронили в Хатти! Пусть они живут на земле предков, от которых произошли сами хатты и меоты. Раздайте тем семьям, которые ради хаттов не пожалели своих детей. Пусть они будут достойными новой семьи. Если они здесь останутся, рано или поздно греки или ассирийцы их истребят. Пусть здесь не исчезнет род хаттов. Пусть цветет ветвь наша за морем. Если бы жил мой отец, он сказал бы то же самое, Аладама, – Тутхали затуманившимися от слез глазами посмотрел на меотского царя.

Аладама в знак согласия качнул головой и взглянул на царицу. Удина улыбнулась и сказала:

– Не волнуйся, Тутхали, мы заберем столько, сколько поместится в корабли, на которых мы приплыли...

Медленно поднималось весеннее солнце, заливая румянами небосклон. Своими нежными лучами оно ласкало меотов, возвращавшихся с войны. словно от радости, то поднимаясь, то опускаясь, играли морские волны, качая нартские корабли. На сине-зеленой поверхности воды лежала белая пушистая пена, тяжелые черные облака разогнало утреннее солнце, и вдали на возвышенности показалась Аскала.

– Теперь я обрела покой... – мягкие лучи солнца нежно касались красивого лица голубоглазой царицы, она обернулась к супругу и улыбнулась.

Единственная дочь погибла на чужбине, но Удина привезла её тело на родину и этим была довольна. Она пожелала похоронить свою дочь там, где родилась, и перевезла её через море. И если на месте захоронения храброй девушки возвысится курган, рассудила она, то её подвиг станет известным, люди добром будут о ней вспоминать, да и самой приходить на могилу дочери будет ближе. Удина настолько была умиротворена своим решением, что вместе с черными тучами, растворяющимися на поверхности моря, исчезало и её горе.

– Тебе подарили целый народ, царица... Нас стало больше, какое может быть спокойствие?! – нежно пододвинувшись вплотную к супругу, Аладама оглянулся на множество кораблей, идущих сзади. – Да будет крепок наш род!

*Перевод с кабардинского
Петра Хатуева*

*Исхак МАШБАШ,
народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии,
Карачаево-Черкесии, Герой Труда России*

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ: РИДАДА И МСТИСЛАВ

История человечества в целом неповторима и многослойна, как, впрочем, и судьба каждого народа, живущего на этой Земле.

Вопросы истории происхождения народов, заявивших о себе тех или иных прославленных родов, фамилий являются одними из самых сложных, и в то же время – самых занимательных. И одна из главных задач писателя, на мой взгляд, – рассматривать жизнь и человека в единстве с прошлым и будущим. У человека всегда есть прошлое. Будущее трудно строить, не примирившись с прошлым. Прошлое и будущее являются частью настоящего. История нужна нам не только для того, чтобы разобратся, что и как происходило в прошлом, но и для того, чтобы ожившее прошлое объяснило нам, кто мы есть, и открыло путь в будущее.

Вот об этом я впервые всерьез задумался, когда много лет назад оказался в числе участников Дней советской литературы, проходивших в Казахстане. Остались позади многочисленные творческие встречи, и вот мы, писатели, возвратились в Алма-Ату для участия в заключительных торжествах. В один из вечеров почетных гостей из пятнадцати республик страны собрали за праздничным столом, разместив каждого из нас по значимости в союзном государстве и в литературе. Место мне досталось в конце стола, но я не испытывал чувства обиды от своего месторасположения, осознавая, что представляю лишь горстку сохранившихся на исторической родине адыгэ-черкесов – некогда многочисленного народа.

Руководитель Казахстана Динмухамед Кунаев, предоставляя слово каждому из гостей, не забывал отмечать, какое место тот занимает в духовной культуре народов всей страны. Я внимательно слушал тосты моих коллег. Встреча уже подходила к завершению, уже произнесли тосты почти все присутствующие за столом... Обо мне будто бы забыли, и я с грустью подумал: «Беден тот народ, кто не велик числом...» И вдруг Кунаев окинул нас взглядом. «Наверное, он, как и положено, произнесет сейчас заключительное слово», – подумал я. Но то, что он произнес, для меня стало приятной неожиданностью и придало мне уверенности.

– Я хочу дать слово одному из наших гостей, – при этих словах он взял записку со стола и, улыбаясь, обвел взглядом всех присутствующих. Об этом меня попросили его товарищи по творческому цеху. Хочу

дать слово представителю одного из малых народов великой страны писателю Исхаку Машбашу. Если я не ошибаюсь, он из Адыгейской автономной области, что в Краснодарском крае.

И тут же раздался громкий голос писателя из Армении Серо Ханзадяна: «Всех кавказцев прошу встать!». Тут же со своих мест поднялись известные писатели Грузии, Армении, Азербайджана.

– Я поясню, почему поднял с мест земляков, – сказал Серо Ханзадян. – Вы сейчас услышите голос героической истории Кавказа. Представитель так называемого малого народа Исхак Машбаш – адыгэ-черкес, сын отнюдь не малого, а некогда великого, одного из самых древних народов мира, потомки которого благодаря их свободолюбию, мужеству, стойкости, являются лицом Кавказа, они – вечные его рыцари. Поэтому я и попросил своих земляков подняться с мест, тем самым отдать дань уважения народу, о котором идет речь.

Не скрою, было приятно, что мне, а значит, и всем моим соотечественникам, моей родине Адыгее была оказана такая честь. За давностью лет уже не вспомню, что именно я говорил, произнося тост. Волновался, конечно же. Но отчетливо помню, что все мои мысли и там, за праздничным столом, и уже в дороге, по возвращении домой, были обращены к давно минувшим временам, к трагической судьбе моего народа. Вспомнились и слова одного черкеса: «Адыги – это вечное дерево, простирающее свои ветви к небу, корни которого берут начало где-то в глубине земли. И как неизмерима та глубина и высота раскинувшегося над нами неба, так и неизмеримы и глубины нашей истории».

«А ведь это действительно так», – думал я, возвращаясь из поездки в Казахстан. В связи с этим мне пришло на ум высказывание известного французского путешественника Оммера де Гелля: «Черкес благородно представляет на Кавказе последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы Средних веков. Храбрость, ум, замечательная красота – природа им дала все, и чем я в особенности восхищался в их характере – это холодное благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувством наиболее рыцарским и с горячей любовью национальной свободы».

История взаимоотношений черкесов и русских, берите шире – адыгэ-черкесов и славян уходит корнями в глубь веков. Их союз с Россией, при всех сложных, а порой и трагичных перипетиях истории их взаимоотношений был предопределен много веков назад. К этому выводу я пришел, работая над историческим романом «Ридадэ», повествующем о временах великих князей Редеди и Мстислава. При написании романа мне пришлось изучить множество исторической литературы на эту тему.

Уже с X века западные адыгэ-черкесы (в русских летописях они известны под названием «касоги») входили в соприкосновение с Русью через Тмутаракань. Более того, они состояли в дружине Чернигово-тмутараканского князя Мстислава и принимали участие в его походах в XI веке. Оживленно развивались и культурные связи адыгов и русичей. Этому способствовало и распространение христианства на Северо-Западном Кавказе через Тмутараканское княжество. Разумеется, не все в тех давних русско-черкесских отношениях шло гладко, как хотелось бы.

В «Повести временных лет» сообщается о походе в 1022 году тмутараканского князя Мстислава Владимировича на касогов. Дается и подробное описание поединка Мстислава с касожским князем Ридадой (Редедя). Этому событию посвящен мой исторический роман «Из тьмы веков». Меня как писателя не могли не заинтересовать последствия этого поединка, тысячелетие которого отмечается в нынешнем 2022 году.

В исторических документах сказано, что предводители дружин, храня память о Ридаде, исполнили его последнюю волю: отдали Мстиславу все княжеские земли, супругу и двоих его сыновей. Красавица княгиня в великой тоске по своему мужу и своей Касогии прожила на чужбине лишь несколько месяцев.

Мстислав же, храня верность обету, в 1022 году воздвиг в Тмутаракани церковь Святой Богородицы. В этом храме и крестили сыновей Ридады, обратив их в христианскую веру. В крещении они стали Юрием и Романом. Роман Ридадович стал зятем Мстислава, женившись на его дочери. По тогдашним обычаям, именно он считается родоначальником многих старинных русских родов. Шли годы, десятилетия, и кровь Ридады растеклась по православным княжеским, боярским и дворянским родам России.

Молчали летописцы четырех столетий о потомках Ридады, как будто все они ушли в небытие. Потом Н. М. Карамзин в своей знаменитой книге «История Государства Российского» отметил: «Четыре московских древнейших рода считали себя потомками князя Редеди. Это Добрыньские, Белеутовы, Сорокоумовы-Глебовы и Лопухины. Их так и прозвали: «Род Редеди». Все они владели обширными земельными угодьями, были богаты и знамениты, а когда удельные княжества слились в единое государство – Россию, потомки Редеди стали занимать высокие государственные посты, были влиятельными людьми, приближенными царей, видными военачальниками. Достоверно известно, что Андрей Одинец – потомок Романа Редедича – верой и правдой служил у Дмитрия Донского, а сын Андрея Александр Белеут был приближенным царя Василия Первого. Потомок Романа Редедича Константин Добрыньский стал воеводой, губернским предводителем.

Немаловажную роль сыграли потомки Ридады и в восхождении на царский престол России Михаила Федоровича Романова, основоположника царской династии, правившей на протяжении трех веков.

Шло время, множились семьи потомков Ридады, княжеской кровью и честью вживались они в русский народ, становясь его силой и сутью. Были среди них и высокопоставленные православные священники, в частности – хорошо всем известный патриарх Филарет, отец первого царя России Михаила Романова.

Когда сходятся воедино две силы, рождается могучая третья, как удар камня о камень высекает огонь. Таким огнем был потомок Ридады адмирал Федор Ушаков. Любопытно, что первый линейный корабль Российского флота, построенный в конце XIX века, назвали «Редедя – князь касожский». Федор Ушаков прошел путь от мичмана до адмирала флота. Под его командованием русский флот одерживал многочисленные победы в морских сражениях. Походы, победы, награды, звания прославили его имя не только в России, но и далеко за ее пределами. Уже в солидных летах адмирал подал прошение на Высочайшее имя – императору Павлу Первому, в котором сообщал, что он, Федор Ушаков, является прямым потомком князя Редеди, а потому просит удостоверить это государственной грамотой.

В книге Владимира Овчинникова «Федор Федорович Ушаков» написано, что в Высочайшем ответе адмиралу говорилось: «Великий князь Мстислав Владимирович князя Редедю убил, сынов Редединых крестил и во крещении дал первому имя Юрий, а другому – Роман. За Романа великий князь выдал свою дочь. А у Романа – сын Василий, Редедин внук. А у Василия – сын Юрий... У Григория – дети: Ушак, да Лапоть, да Крапотка, да Илья, да Алексей, да Иван Большой, да Лев, да Иван меньшей».

Эти сведения были взяты из архивов и подтверждали, что адмирал Ушаков ведет свой род от великого князя Редеди.

Весной 1804 года адмирал Ушаков обратился к Александру I с челобитной о включении герба Ушаковых в Гербовую книгу родовитых фамилий России: «Принять герб рода моего Ушаковых с изъяснением происхождения от Касожского князя Редеди и внести в Гербовник...».

И это – при всех регалиях адмирала, при всей его известности... У каждого из нас наступает момент в жизни, когда нужно найти ответ на вопрос: «Кто ты, откуда ты, чья кровь течет в твоих жилах, кто были твои предки? И это – не из простого любопытства, а чтобы лучше понять себя, свое предназначение, проследить свое прошлое, увидеть завтрашнее, понять его и сказать слово тому, кто идет за тобою – следующему поколению». И еще один потомок Редеди – Федор Кокошкин, известный юрист, профессор, депутат Государственной Думы, разработчик Закона о выборах в Учредительное собрание России.

Первым потомком Романа Редедича родословцы называют Михаила Юрьевича Сорокоума, который был боярином при московском великом князе Иване Калите. От Сорокоума через пять поколений и пошел род Лопухиных.

В 1689 году дочь Федора Лопухина Евдокия – представительница рода, ведущего свое происхождение от касожских князей, стала женой Петра Первого – российской царицей, матерью наследника престола – царевича Алексея Петровича.

Родство с царским домом во многом изменило положение Лопухиных в России, хотя и задолго до этого события они были хорошо известны. В то время на государственной службе находилось около тридцати представителей этого рода. Стоит ли удивляться, что потомки черкесского князя Редеди в России – дворяне, князья, начинали свою карьеру с военной службы и заканчивали ею же, причем – часто в высоких чинах. Адыгская кровь, видимо, давала о себе знать. Военные подвиги и боевые отличия превыше всего ценились среди представителей рода Лопухиных. Стоит отметить, что полковник Авраам Степанович Лопухин был среди первых русских офицеров, которому был пожалован орден Святого Георгия, учрежденный Екатериной Великой в 1769 году. Это был редкий и почетный орден, который вручался только за личный подвиг на поле боя.

Лопухины были бесстрашными воинами. Спустя столетия, бывший офицер царской армии Александр Иванович Лопухин, штурман полярного флота, в 1941 году надел сержантские погоны и прошел в них всю Великую Отечественную войну, став кавалером двух орденов Славы...

Вернувшись к прошлым временам, стоит отметить, что Лопухины входили в узкий круг немногочисленных друзей Михаила Лермонтова. «У Пушкина было много друзей, у Лермонтова их почти не было вовсе, – писал когда-то Петр Вяземский, – его друзья – это два-три родственника и знакомые с детства Лопухины». Малоизвестный факт: Лопухины и Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка Михаила Лермонтова, состояли в дальнем родстве. Сам же он из всех сестер Лопухиных выделял как близкого и душевного друга – старшую из сестер Марию, а вот младшая Лопухина, Варвара, была мила сердцу поэта. Разделенная, но несчастливая любовь поэта к юной и прекрасной Вареньке так и осталась в его стихах. Исследователи творчества поэта уверены, что именно Варваре Лопухиной он посвятил множество своих стихов, ставших классикой русской поэзии. Незабвенный образ Вареньки послужил прототипом для многих героинь его поэм. Он писал ее портреты. Три акварельных портрета юной красавицы, как и многие письма Лермонтова, адресованные Варваре и Марии Лопухиным, дошли до наших дней.

Все высказанное о потомках князя Редеди – это лишь краткие, почти пунктирные сведения истории, начавшей свой путь на поляне у Большой горы Пепау – на месте поединки Мстислава и Рэдэда тысячу лет назад. И потомки касожского князя Редеди – эта одна могучая ветвь, раскинувшаяся, разросшаяся от Черного до Белого моря.

И вот уже в 2000 годах, как эхо из прошлого, живой голос многовековой давности заставил меня вздрогнуть. В одной из телевизионных передач, совершенно случайно для меня, прозвучало: «Слово представляется княгине Наталье Владимировне Лопухиной... И она начала свое выступление со слов: «Я из рода касожско-черкесского князя Редеди». Время словно остановилось, потомки через многие столетия помнят о своих корнях, чтут, гордятся своим родством с Редедей.

Эта история имела свое продолжение. Я сразу же позвонил в редакцию, нашел номер телефона Натальи Владимировны Лопухиной. Мы с ней созвонились. Оказалось, что недавно вышла в свет книга «Лопухины в истории Отечества». Автор её Борис Краевский при работе над монографией использовал обширный материал, предоставленный потомком знатного рода Вадимом Олеговичем Лопухиным.

В апреле 2001 года эту книгу мне прислали из Москвы с дарственной надписью Вадима Лопухина, заместителя предводителя дворянского общества Москвы.

Работая над романом «Ридада», мог ли я предположить, что вочию встречу с представителями потомков касожско-адыгского князя...

Прошли годы, десятилетия, века. В этом году отмечается тысячелетие поединка Мстислава и Редеди. Живы потомки прославленного черкесского князя, жива и память о нем на Кавказе и в России. Потомки касожского предводителя Редеди, отдавая свой талант, свои силы и честь, со временем стали опорой Государства Российского, неотъемлемой частью истории страны и растворились в ней, став единым целым и оставив глубокий след.

Мы можем гордиться тем, что у истоков Русского государства стояли адыгэ-черкесы. Кстати, Иван Грозный не раз с гордостью заявлял врагам своим: «Знайте, меня поддерживают черкесы». И неслучайно, после смерти первой жены Анастасии, его выбор пал на кабардинку Гуащэнэ. А сколько важных и добрых дел совершили для России черкесские князья. И больше всех – Алексей Михайлович. Сам Петр Первый назначил его главой канцелярии строящегося Санкт-Петербурга. Петропавловская крепость, училище гардемарин, морские причалы, заводы – все это дело рук Алексея Черкасского. Кем только он не был: и губернатором Сибири, и великим канцлером, и советником императрицы Екатерины Первой, и членом Сената при Анне Иоанновне.

Жизнь богата неожиданностями. На одном из приемов в Кремле

по случаю празднования дня Народного единства я оказался за одним столом с праправнуком Алексея Михайловича – Михаилом Черкасским, музыкантом из Франции. На мой вопрос: «Знает ли вы о своем знаменитом предке?», он с гордостью ответил: «Да, конечно же! Знаю и горжусь».

У всех нас на слуху Останкино, но далеко не всем известно, что это бывшая знаменитая усадьба Шереметьевых. Дочь Алексея Михайловича Черкесского Варвара вышла замуж за генерала Петра Шереметьева, и все богатства Черкасских были вложены в устройство усадьбы Шереметьевых – с тенистыми парками, особняками, оперным театром, дворцом. Останкино – это гордость России, памятник родственным отношениям русского и адыгских народов. И таких примеров участия черкесов в устройстве и укреплении государственности России, ее защите от врагов и прославления ее мощи – множество.

В своих произведениях я рассказываю историю своего народа, и смысл моего творчества – в сохранении исторической памяти. Мои произведения – не о крови на острие кинжала, не о кровной мести. Они о моем, пусть и малочисленном, но великом народе, о его богатой делами и победами истории, неразрывно связанной с Россией. Мы – Адыги и Россия – навеки вместе. И даже не 465 лет, а гораздо раньше, начиная с того самого знакового поединка Мстислава и Редеди в 1022 году.

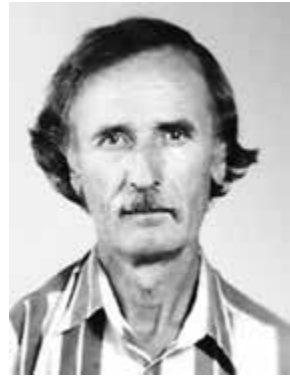
Сама жизнь доказала, что решение связать свою судьбу в 1557 году с Россией оказалось верным. И не только с позиции геополитической, но и с позиции вечных ценностей: дружба, верность, взаимопроникновение культур и традиций. Горжусь тем, что живу жизнью великой России, в ее многонациональной Российской Федерации.

г. Майкоп

СОТВОРИЛ СОБСТВЕННЫЙ МИР

Талант художника у Владимира Баккуева был замечен еще в годы учебы в школе. Хотя он и не получил системного художественного образования, тем не менее, у него был, так сказать, персональный учитель – замечательный скульптор, заслуженный художник КБАССР Алексей Моисеевич Денисенко. С азами изобразительного искусства начинающий художник познакомился у него, но всю жизнь учился самостоятельно, не упуская ни одной возможности пополнить свой багаж знаний новыми художественными приемами и средствами выразительности, которыми пользовались его старшие коллеги, или серьезно изучая особенности техники художников мирового уровня, принадлежащих разным направлениям и стилям, специально для этого посещая московские и ленинградские музеи.

В. К. Баккуев

Свой творческий путь В. Баккуев начал с «уроков» французских импрессионистов, затем прошел через ряд увлечений авангардистскими течениями (правда, этот период был краткосрочным), и вскоре обратился к поискам художественного языка, который помог бы ему передать в своих произведениях балкарскую ментальность. Все его творчество служит свидетельством усиленных стилевых поисков, сначала – характерных для культурной ситуации периода оттепели, затем – 70-80-х годов прошлого века, когда в стране возобладал национальный дискурс, появились необходимые условия для развития этнической специфики изобразительного искусства, а позже – эпохи перестройки, когда радикально сменился культурный код от соцреализма к плюрализму. Этнический фактор начинает играть важную роль в творчестве и В. Баккуева, формируя национальную идентичность его живописи. Он стремится перенести на национально-региональную почву некоторые стилевые особенности, пластические приемы мирового искусства. И надо отметить, что ему удается их успешно адаптировать к менталитету балкарцев.

Соединяя особенности разных стилей и направлений, преломляя их в балкарском духе, живописец упорно занимался поиском художественного языка, который бы пластически точно выражал национальное мироощущение балкарцев, был способен адекватно изобразить жизнь родного

народа. Полотна, созданные в годы перестройки и постперестроечное время свидетельствуют о том, что он не только чувствует глубинные токи этнической идентичности, но и умеет отразить их в своих полотнах. Таким образом, можно говорить о том, что ему удалось создать собственный уникальный стиль, способный передать балкарское мировидение и миропонимание.

Если для многих художников эпоха перестройки оказалась тяжким испытанием, поскольку часть из них вынуждена была уйти с артсцены, другие оказались в творческом кризисе, то для Владимира Баккуева этот период стал весьма плодотворным. В эти годы, несмотря на трудности времени, он был полон витальных сил, не испытывал дефицита идей. Обладая богатым творческим воображением, желая непременно реализовать обуревающие его идеи, он работал без устали. Его жизнь была непрерывным художественным поиском, причем для него был важен не только конечный результат, но и сам творческий процесс, который приносил ему глубокое удовлетворение.

Биохроника Баккуева этих лет богата интересными фактами, оказавшими прямое или косвенное влияние на его творчество. Задумав

снять фильм о самой страшной трагедии, произошедшей в жизни балкарского народа, – его депортации в Среднюю Азию в марте 1944 года, кинорежиссер Рубен Мурадян решил пригласить в качестве художника-постановщика одного из балкарских художников. Группа киношников обошла мастерские нальчикских художников в поисках подходящей кандидатуры и остановила свой выбор на В. Баккуеве. Выбор был не случайным. В его мастерской они увидели картины, которые оказались чрезвычайно близки по духу задуманному режиссером сценарию. Среди заинтересовавших их работ была и отличающаяся глубиной драматизма картина В. Баккуева «Дорога смерти» – произведение, созданное человеком, ставшим жертвой чудовищного преступления сталинщины, видевшим эту трагедию лично. Общенациональная боль балкарцев, переживших геноцид, не утихает до сих пор, потому он подчинился нравственным и этническим императивам, заставившим его взяться за кисть. Художник понимал, что это его долг перед родным народом.

Когда Р. Мурадян предложил художнику сотрудничество, тот страшно волновался, сможет ли справиться с этой масштабной и чрезвычайно сложной работой. Волнения оказались напрасными: все про-

шло наилучшим образом. Фильм, по мнению критиков, оказался удачным, глубоко и точно отразившим пережитые балкарцами ужасы двухнедельного «путешествия на край жизни», поскольку они были уверены в том, что депортация – это лишь прикрытие истинных намерений властей – уничтожить их в пути.

Работа Баккуева в кино была замечена в других регионах Северного Кавказа. Вскоре его пригласили в Ингушетию в качестве сценографа Ингушского госдрамтеатра, в котором совместно с балкарским режиссером Борисом Кулиевым они поставили девятнадцать спектаклей. Все спектакли шли с аншлагом. По приказу министерства культуры Ингушетии на время работы над театральными постановками их поселили в трехкомнатной квартире и, по воспоминаниям художника, очень опекали. «Назрань – театральный город, ингуши большие любители театра. И вообще к культуре там было другое отношение, чем, к примеру, у нас», – вспоминал Баккуев.

Уместно вспомнить еще один интересный факт из биографии Владимира Каншаевича. Однажды, когда он отправился в туристическое путешествие по Испании, таможенники при обычном досмотре заметили в его сумке нож и хотели изъять его как холодное оружие. Объяснения Баккуева, что нож предназначен для заточки карандашей, не возымели воздействия. Его задержали. Пока таможенник на минуту отвлекся на другого пассажира, он успел набросать его портрет, который так восхитил последнего, что, получив в дар свой портрет и уже не сомневаясь в том, что перед ним настоящий художник, он тут же вернул ему нож и без всяких препятствий пропустил через границу.

Поездка подарила Владимиру множество незабываемых впечатлений от увиденных в испанских музеях шедевров живописи. Он вообще был страстным любителем музеев. Как только представлялась возможность, мчался в Москву или другой культурный центр, чтобы насладиться в музеях любимыми произведениями искусства.

Как бы ни привлекали внимание Баккуева мировые шедевры, на первом месте всегда оставалась работа над собственными картинами. Он обращался ко всем жанрам живописи, но более всего тяготел к портрету и пейзажу. Как правило, в портретах он стремился запечатлеть, в первую очередь, представителей балкарской интеллигенции и своих коллег-художников. Его портретная концепция предполагала особое

соотношение социальных, национальных и индивидуальных черт человека. Он стремился создать правдивый, документально значимый и в то же время эстетически весомый образ человека с неповторимо-личными чертами. Хотя портретов у художника немало, он избежал опасности тиражирования, самоповторов, поскольку, начиная работу, каждый раз искал новый модус, новые выразительные средства и приемы, чтобы увидеть своего героя с «нового ракурса».

Портрет выдающегося советского и российского ученого Тимура Энеева лишен парадности и официальности. Автор акцентировал внимание на внутренней энергии и высоком интеллекте своего героя. Как и другие его портретные образы, он психологически убедителен. Напротив, портрет столь значимой для балкарцев персоны, как академик Михаил Залиханов, носит парадный характер. Величественный, торжественный визуальный образ отличается большой выразительностью. Умело переданы выражение лица, поза и, главное, взгляд. Автор сохраняет все самое важное в образе академика, отказываясь от всего лишнего. Фон осмысливается им как эстетическая категория.

Своих персонажей автор изображает не только в самые благополучные для них моменты жизни, или, так сказать, в звездный час. В образах героев В. Баккуева порой отражены противоречивые чувства или даже жизненные драмы. В графическом портрете Бориса Кулиева мы видим человека, оставшегося наедине с собой и своими переживаниями. Режиссер изображен в состоянии предельного эмоционального напряжения, охваченным внутренней борьбой. Его фигура и весь облик свидетельствуют о затаенном страдании, в нем сквозят внутренняя усталость и надломленность. Заострение форм, острый синкопический линейно-силуэтный ритм, взволнованная аффектация позы и жеста передают высокий накал чувств.

Иной смысл несет портрет балетмейстера Мухтара Кудаяева, которого автор запечатлел в момент, когда его посетило творческое озарение. Автор изобразил его в характерной для него позе и все внимание сосредоточил на внутреннем мире героя. Этому, в частности, способствует и выбранный им нейтральный фон полотна.

Многие балкарские художники обращаются к мотиву кийиза. Именно в этом бытовом предмете наиболее отчетливо отразилась ментальность этноса, и потому он стал подлинным маркером культуры балкарцев. Умело использует декоративные возможности цвета, ритмику орнаментов кийизов и Владимир Баккуев.

Отдельные узоры в различных ритмических и цветовых сочетаниях разбросаны по поверхности его картин, дополняя их смысл и оказывая на зрителя особое эмоциональное воздействие. Орнаменты постоянно варьируются, становясь духовным стержнем его работ, превращаясь в

знаковую систему. Весьма успешно этот прием живописец использует, в частности, работая над портретами своих современников: поэта Кайсына Кулиева, поэтессы Танзили Зумакуловой, музыканта Солтанбека Абаева, художника Ибрагима Джанкишиева, телеведущей Лейлы Токумаевой и других.

Из-под кисти Владимира Баккуева вышла целая галерея портретов актеров Балкарского госдрамтеатра имени Кайсына Кулиева. Это реалистические образы таких замечательных актеров, как Зоя Махиева, Магомет Кучуков, Мажид Жангоразов, Хамид Юсупов, Алексей Шахмурзаев, в которых подчеркнуты их индивидуальность, особенности темперамента. Портреты, несомненно, представляют ценность не только как документальные источники, но и высокохудожественные произведения.

Особенно часто Баккуев обращается к жанру автопортрета, который позволяет ему передать оттенки собственного душевного состояния в разные моменты жизни. Чаще всего – это выплеск личных глубоких и далеко не всегда счастливых переживаний. Эти произведения заставляют зрителя размышлять о жизни и судьбе человека, о перипетиях его судьбы, наконец, о морально-нравственных проблемах, этическом смысле жизни.

Фирменным знаком Баккуева наряду с орнаментами кийизов можно назвать и камень. Концепт «камень», который занимает центральное место во всех без исключения фольклорных и литературных произведениях карачаевцев и балкарцев, стал у Баккуева героем, средством и приемом решения проблем живописи, что вполне объяснимо, ведь камень для балкарца – «наше все». То, что центральное место в национальной картине мира карачаевцев и балкарцев отведено камню, вполне естественно и связано со спецификой их среды обитания. Используя технику пуантилизма, живописец изобрел оригинальный способ создания полотен – как бы выложенных из цветных камешков. Если французские пуантилисты, работая над картиной, пользовались точечным приемом, то Баккуев как бы выкладывал изображения из гальки, наподобие мозаики. Можно назвать множество картин Баккуева, созданных в подобной технике. Среди них портрет артиста Алексея Шахмурзаева, «Натюрморт с цветами», пейзаж «Осень», жанровая картина «Нальчикский дворик». В этих произведениях он особенно удачно использует фактурные возможности, цветовые нюансы красочного слоя.

В некоторых других картинах Владимир использует приемы и

средства выразительности, характерные для живописи Запада, однако удачно ассимилирует их, адаптируя к менталитету балкарцев. В частности, речь идет об использовании специфики такого художественного течения, как дадаизм, черты которого ярко проявились в ряде картин живописца.

Автор нередко воссоздает в своем творчестве хорошо знакомый и бесконечно любимый мир родины. В нескольких вариантах картины «Балкария», которая представляет собой собирательный образ Балкарии, мы видим принцип панорамного решения композиции. Это – горный ландшафт, увиденный с птичьего полета, что вполне естественно для жителя гор. Ритмическая организация планов объединяет в единый узор далекое и близкое. Автор как бы «населил» родные горы самыми выдающимися людьми Балкарии и дополнил пейзаж балкарскими башнями, другими сакральными архитектурными сооружениями, которые углубляют философский смысл картины. Не только в этом полотне, но и во многих других картинах живописец уделяет большое внимание знаковой стороне символа.

В своих пейзажах В. Баккуев далек от натуралистической трактовки природного мотива. Работая над ними, он использует самые разные стилистические приемы и средства выразительности, начиная от пленэристических до самых что ни на есть абстрактных. Вся выразительность пейзажей строится на цвете, его градациях и переходах в другие цвета. В одних случаях он использует оптику мягко очерченного рисунка, имитирующего фактуру кийиза, в других – строит пространство через геометрию балкарских орнаментов, третьи рождаются благодаря удачному синтезу различных приемов.

Живописец Владимир Баккуев был и остается одной из важных фигур балкарского изобразительного искусства. Он оставил богатое творческое наследие. Часть работ отправилась в коллекции друзей и меценатов, какие-то разошлись по миру в качестве подарков. Наиболее интересные работы оказались в собраниях Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств имени Ткаченко и других культурных институций не только нашей республики, но и других регионов. Без сомнения, лучшие работы художника дополнили золотой фонд культуры Кабардино-Балкарии.

90 ЛЕТ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Кабардино-Балкарский государственный университет выступает в роли не только центра образования и воспитания подрастающего поколения, но и большого научного и культурного центра нашей республики.

Продолжая добрые традиции, заложенные ранее, университет эту ношу, эту роль несет с достоинством».

*Валерий Мухамедович Коков,
первый президент Кабардино-Балкарской Республики,
выпускник экономического факультета КБГУ*

Слово ректора

2022 год знаменателен для жителей нашего региона двумя важными юбилейными датами: состоялись торжества, посвященные 100-летию государственности Кабардино-Балкарской Республики и 90-летию Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

В соответствии с поручением Главы КБР Казбека Валерьевича Кокова был создан оргкомитет по проведению юбилейных мероприятий КБГУ.

Крупнейший вуз Кабардино-Балкарии прошел славный путь от педагогического института до многопрофильного современного классического университета, в котором сложились сильные, известные в России и за рубежом научные школы. Его деятельность всегда являлась неотъемлемой частью социально-экономического развития страны и республики, была направлена на достижение актуальных целей образовательной политики.

Все изменения, происходящие в университете, продиктованы необходимостью отвечать на вызовы времени в контексте технологического прогресса. Это необходимо для того, чтобы выпускники вуза были конкурентоспособны, а высшая школа была не только кузницей кадров, но и драйвером экономического, технологического, социального и культурного развития региона.

КБГУ входит в Топ-100 национальных рейтингов вузов России, по отдельным показателям удерживает лидирующие позиции среди вузов Северо-Кавказского федерального округа. На протяжении трех лет удерживает 55 место в национальном рейтинге университетов по версии Интерфакс, занимает 95 место в рейтинге лучших вузов России – 2022 по версии RAEX.

В 2022 году по целому ряду показателей вуз укрепил свои позиции в рейтингах лучших университетов мира и впервые вошел в два международных рейтинга: – Московский международный рейтинг «Три миссии университета», формирование которого было инициировано Российским союзом ректоров в соответствии с поручением Президента России В. В. Путина, оценивает результаты в контуре трех ключевых миссий университета: образование, наука, взаимодействие с обществом. КБГУ вошел в интервальную группу 1651–1800 в мировом рейтинге, в группу 113–146 среди российских вузов. – Times Higher Education University Impact Rankings посвящен оценке влияния вузов на процесс реализации целей устойчивого развития, сформулированных Организацией Объединенных Наций на период до 2030 года. КБГУ вошел в группу 1001+ в мировом рейтинге, среди вузов РФ расположился на 60 месте.

Университет является участником федеральной программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Высокопрофессиональный педагогический коллектив, в составе которого более 800 научно-педагогических работников, осуществляет процесс обучения, основанный на синтезе традиционных и современных образовательных моделей, методик и технологий. Проводится комплекс мероприятий по модернизации образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности, информатизации; осуществляется подготовка квалифицированных кадров в областях, обеспечивающих развитие экономики и социальной сферы КБР и СКФО.

Осенью 2022 года в КБГУ 15 учебных подразделений, в том числе 4 колледжа. В них обучаются 18 000 человек – жители 50 регионов РФ и граждане 45 государств мира – стран Европы, Азии, Африки, Америки. Количество иностранных обучающихся с 2015 г. увеличилось в 3,2 раза и составляет 10% от общего контингента. 15% студентов составляют жители других регионов Российской Федерации.

По результатам проведенной независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности показатель КБГУ составляет 98,81% при среднем балле российских вузов 95,7%. Удовлетворенность условиями ведения образовательной деятельности составляет 97,6% при среднем показателе по стране 96,6%.

Важное преимущество КБГУ – наличие опыта и устоявшихся научных коллективов, способных решать фундаментальные и прикладные задачи, в том числе прорывные по приоритетным направлениям науки и техники. В 2019 году в КБГУ состоялся Первый всероссийский форум «Устойчивое развитие», посвященный национальным проектам страны.

В его работе приняли участие руководители республики, представители федеральных органов власти и Полпредства Северо-Кавказского федерального округа. Университет продемонстрировал высокое качество дискуссий, эксперты обсудили наиболее насущные для региона проблемы. С этого времени базой форума стали ведущие вузы регионов как центры экспертных компетенций и площадки, объединяющие активную молодежь – будущее интеллектуальной элиты страны.

Ученые КБГУ выполняют проекты, финансируемые в рамках постановлений Правительства РФ, федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса», Фонда перспективных исследований. За последние 10 лет вдвое возросло количество статей, ежегодно публикуемых в научных журналах, и число научных конференций, проводимых университетом. Почти втрое увеличены результаты интеллектуальной деятельности.

Вклад университета в решение задач, стоящих перед регионом, в достижение национальных целей РФ обеспечивается за счет участия в мероприятиях нацпроектов «Образование», «Наука и университеты», «Демография», «Цифровая экономика», «Культура». К 2025 году вуз планирует войти в нацпроекты «Здравоохранение», «Экология», «Жилье и городская среда», «Малое и среднее предпринимательство».

В числе приоритетных целей КБГУ создание инновационной экосистемы межрегионального значения для активного участия в «перезапуске» цифровой экономики КБР (формирование межрегионального IT-кластера), развитие предпринимательского потенциала молодежи и удовлетворение спроса со стороны талантов на самореализацию и качественную профессиональную траекторию в своем регионе.

Программа развития КБГУ на ближайшее десятилетие направлена на обеспечение доступности качественного высшего и среднего образования, увеличение вклада вуза в развитие региона и страны в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», Национальной технологической инициативы, Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики.

Юрий Альтудов

Из истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (1932-2022)

История высшего образования в нашем регионе началась 15 сентября 1932 года, когда был открыт Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт. В 1957 году это учреждение было преобразовано в Кабардино-Балкарский государственный университет.

Важную роль в развитии образования в регионе сыграл Ленинский учебный городок (1924–1936), действовавший в Нальчике на базе бывшего реального училища. В ЛУГе велась подготовка национальных кадров, специалистов для партийных и советских органов, учреждений и предприятий. В его составе работали первые в регионе средние специальные учебные заведения: педагогический, сельскохозяйственный, кооперативный, медицинский техникумы. В ЛУГе получили образование около 6 тыс. специалистов; свыше 2 тыс. чел. прошли курсовую подготовку.

В 1931 году на базе ЛУГа начал работу педагогический рабочий факультет (педрабфак) для подготовки молодежи к поступлению в высшие учебные заведения. Это послужило основой для формирования первого вуза Кабардино-Балкарии.

Основание и становление Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (1932-1937)

Открытие Кабардино-Балкарского государственного педагогического института диктовалось возрастающей потребностью в подготовке учительских кадров в связи с введением в СССР в 1930-31 учебном году всеобщего обязательного начального образования и развитием семилетнего образования. Для решения стоящих перед страной задач индустриализации отраслей экономики, коллективизации сельского хозяйства требовались профильные специалисты, а следовательно – педагогические, преподавательские кадры.

До начала 1930-х годов подготовка педагогических кадров для Кабардино-Балкарии осуществлялась в Горском педагогическом институте (г. Орджоникидзе, ныне г. Владикавказ).

15 сентября 1932 г. в Пятигорске (до строительства необходимого здания в Нальчике) состоялось открытие КБГПИ, в составе которого было три факультета: биологический, физико-математический и литературный. 120 студентов обучали 13 преподавателей, в том числе два профессора и два доцента. Первым директором Кабардино-Балкарского педагогического института был назначен И. Н. Покорский, одновременно осуществлявший заведование педрабфаком в нальчикском ЛУГе.

В 1934 г. состоялся первый выпуск группы естественников из 20 че-

ловек, переведенной сюда в 1933 г. из Северо-Кавказского пединститута. Образован исторический факультет, началась подготовка физиков. Число студентов превышало 500 человек.

В 1934 г. руководством страны была поставлена задача о всеобщем образовании в объёме семилетки, в первую очередь в деревне, поскольку в городе эта задача была в основном уже решена. При КБГПИ

Здание, в котором был открыт Кабардино-Балкарский педагогический институт в г. Пятигорске. 1935 г.

был открыт учительский институт с двухлетним сроком обучения для последующего преподавания в 5-7-х классах (математическое и историческое отделения, позже еще два – естественно-географическое, языка и литературы). Открылось заочное отделение пединститута.

1936 – первый выпуск педагогического института, школы Кабардино-Балкарии получили около 80 учителей биологии, русского, кабардинского и балкарского языков и литератур.

Из Пятигорска в Нальчик (1937-1941)

Весной 1937 года в живописном уголке Нальчика, Затишье, закончилось строительство учебного корпуса Кабардино-Балкарского педагогического и учительского институтов, студенческого общежития на 840 мест и жилого дома для научно-педагогических работников. Осенью учебный год институт начал в новом корпусе со светлыми, просторными аудиториями, кабинетами, лабораториями, мастерскими и другими подсобными помещениями.

Преподаватели принимали активное участие в общественно-политической жизни региона, оказывали большую помощь органам народного образования, осуществляя подготовку учебников, учебных пособий и хрестоматий для школ республики по кабардинскому и балкарскому языкам, по методике преподавания русского языка в национальных школах. Но особенно велика была роль института в подготовке учителей русского, кабардинского и балкарского языков и литератур, математики, физики, истории, ботаники, зоологии, химии, географии.

В 30-е годы XX в. особое значение приобретала подготовка специалистов без отрыва от производства. В 1939 году в педагогический и учи-

тельский институты были приняты 300 студентов. В том числе в пединститут поступили 60 человек, из них кабардинцев 36 %, балкарцев 3,3 %.

Педагогический институт в период с 1932 по 1942 год выпустил 1133 учителя русского, кабардинского и балкарского языков и литературы, математики, физики, истории, ботаники, зоологии, химии, географии.

Закономерностью социального развития региона к 1939 году стал численный рост служащих и специалистов, выходцев из рабочих, крестьян

Студенты Кабардино-Балкарского пединститута. 1939 г.

и колхозников, а также увеличение их доли в составе населения, что подтверждают данные переписей населения. Таким образом, культурно-образовательная политика, проводимая в Кабардино-Балкарии, способствовала формированию

кадров национальной интеллигенции. Создание и развитие сети учебных заведений стало социальным фундаментом

В годы Великой Отечественной войны

С первых дней Великой Отечественной войны (22.06.1941 – 09.05.1945) сотрудники, выпускники, студенты КБГПИ героически проявили себя на трудовом фронте, работали в госпиталях, участвовали в боях с войсками фашистской Германии и ее союзников. Более 100 человек отдали жизнь за Родину, в память о них созданы мемориалы у главного корпуса университета по ул. Чернышевского, 173 и у здания медколледжа по ул. Горького, 17.

С 26 октября по 31 декабря 1942 года длилась оккупация Нальчика вражескими войсками. Пединститут заблаговременно был эвакуирован в Грузинскую ССР (в результате был утрачен архив вуза). 11 января 1943 г. советские войска освободили всю территорию Кабардино-Балкарии, 5 марта 1943 г. бюро обкома ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по восстановлению работы Кабардино-Балкарского педагогического института».

В связи с депортацией балкарского народа в Среднюю Азию и

Казахстан (8 марта 1944 г.) все студенты балкарской национальности были отчислены из КБГПИ. К тому моменту в педагогическом и учительском институтах обучались 32 балкарца. Вуз был переименован в Кабардинский государственный педагогический институт.

В 1957 г. с восстановлением государственности балкарского народа высшее учебное заведение республики обрело прежнее название – Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт, было возобновлено преподавание балкарского языка.

Послевоенная эпоха характеризуется резким скачком научно-технического прогресса, возникновением новых отраслей, вызванных к жизни, прежде всего, новыми оборонными доктринами сверхдержав. В КГПИ были открыты кафедры по физике и математике, реализованы научные проекты в этих областях, организована профильная аспирантура. Стало обязательным изучение иностранных языков.

Определенные изменения произошли и в сфере подготовки научных кадров. В 1954/55 уч. г. была открыта аспирантура по физике, математике, педагогике, психологии, истории партии и зоологии. Тем самым сложился тип учебного заведения, отвечавший всем канонам академического педагогического вуза.

За 25 лет (с 1932 по 1957 г.) вуз подготовил около 4200 учителей, часть которых работала в различных республиках, краях и областях страны.

Создание и развитие Кабардино-Балкарского государственного университета

В 1956 г. министерства и ведомства представили в Госплан СССР данные о потребности каждого экономического района и союзной республики в специалистах высшей квалификации. В нашем регионе в промышленности и сельском хозяйстве наблюдался острый недостаток строителей, инженеров, агрономов, зоотехников. Для подготовки кадров высшей квалификации широкого спектра для различных отраслей экономики институт был преобразован в университет, открытие которого состоялось в 1957 г. Первым ректором КБГУ стал Хатута Мутович Бербеков, занимавший до этого должность секретаря обкома КПСС.

В университете обучалось около 3100 человек. Вся последующая деятельность вуза по-прежнему была связана с потребностями страны и республики. Открывались новые специальности, направления подготовки, кафедры, факультеты, институты...

С конца 50-х гг. XX в. в СССР число поступающих в вузы впервые превысило планы приема. Начинается конкурсный прием в высшие учебные заведения.

На рубеже 50-60-х гг. XX в. в Нальчике начал интенсивно форми-

роваться кластер приборостроительных предприятий, что обусловило создание в КБГУ профильных кафедр, преподавание на которых вели, в том числе, специалисты-производственники.

Значительную долю исследований университета составляли работы для сельскохозяйственных предприятий Кабардино-Балкарии. Экономический эффект от внедрения новых технологий в КБАССР составлял миллионы рублей.

В 1961 в качестве первых иностранных студентов в университет приехала группа молодежи из Вьетнама.

*Первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС
Т. К. Мальбахов в КБГУ. 1963 г.*

В 1966 г. был открыт медицинский факультет.

Большие успехи были достигнуты в области науки.

В 1982 г. за заслуги в подготовке квалифицированных специалистов и развитии научных исследований Кабардино-Балкарский государственный университет в связи с 50-летием со дня основания вуза был награжден орденом Дружбы народов.

За три с половиной десятилетия (с 1957 года до начала 1990-х) удельный вес специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве республики увеличился почти в 5 раз – с 21 до 101 на тысячу человек населения. Основную долю подготовленных специалистов составляли представители «технических» профессий: инженеры, инженеры-строители, агрономы, физики, химики и т. д.

КБГУ в новейшей истории России (1992-2022)

В 1990-е годы КБГУ функционировал в новых социально-экономических условиях конкуренции и рыночных отношений, используя

свой потенциал для организации многоканального финансирования, многоуровневой подготовки специалистов.

В учебный процесс введена рейтинговая система оценки успеваемости студентов. Новые информационные технологии были внедрены в процессы вступительных экзаменов, обучения, текущих и итоговых аттестаций. Введена уровневая система подготовки кадров с высшим образованием. Первые выпуски бакалавров и магистров состоялись соответственно в 1997 г. и 1999 г. Большое внимание уделяется международному сотрудничеству.

1996 г. – Указом Президента КБР 30 декабря университету присвоено имя ректора Х. М. Бербекова.

2001 г. – Президент Российской Федерации В. В. Путин во время визита в Кабардино-Балкарию посетил КБГУ.

2013 г. – университет приступил к реализации масштабного проекта «Открытый университет», предусматривающего создание системы электронного и дистанционного обучения. В 2016 г. введена цифровая образовательная платформа КБГУ orep/kbsu.ru. Это дало возможность войти в группу вузов, которые первыми перешли на дистанционное обучение в период пандемии коронавируса COVID-19.

С 2015 года существенно изменилась структура вуза – несколько институтов были созданы в результате объединения факультетов, сходных по направлениям подготовки и специфике научной работы, которую ведут преподаватели.

2015 г. – выпуск специалистов, подготовленных в творческой мастерской кинорежиссера А. Н. Сокурова.

2016 г. – создан попечительский совет КБГУ. Введена система поощрения сотрудников, активно занимающихся научной деятельностью. Заключено соглашение об участии КБГУ в работе северокавказских археологических экспедиций Государственного Эрмитажа, а также Государственного исторического музея.

2020 г. – в КБГУ создан культурно-образовательный центр «Эрмитаж- Кавказ» в рамках консорциума с участием ФГБУК «Государственный Эрмитаж».

2021 г. – университет им. Х. М. Бербекова в числе 106 россий-

*Визит Президента Российской Федерации В. В. Путина в КБГУ.
2001 г.*

ских вузов решением учредителя, Минобрнауки России, включен в государственную программу стратегического академического лидерства «Приоритет 2030». Создан институт искусственного интеллекта и цифровых технологий КБГУ.

Заседание ученого совета КБГУ. 2021 г.

Сотрудники университета участвуют в проведении исследований по всем приоритетным направлениям модернизации и технологического развития отечественной экономики, развития науки, технологии и техники, а также по 23-м критическим технологиям. По реализации программ обучения в течение жизни вуз занимает лидирующие позиции среди классических университетов в Северо-Кавказском федеральном округе.

В КБГУ действуют 6 диссертационных советов, издается 5 научных журналов, из них 2 входят в перечень ВАК: «Известия КБГУ» и «Кавказология».

Имущественный комплекс университета располагается на площади свыше 45 гектаров, включает более 80 зданий и сооружений. КБГУ входит в пятерку крупнейших налогоплательщиков региона.

Программа развития КБГУ на ближайшее десятилетие направлена на обеспечение доступности качественного высшего образования, увеличение вклада вуза в развитие региона и страны в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», Национальной технологической инициативы, Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики.

Ректоры КБГУ:

Бербеков Хатута Мutowич (ректор КБГУ с 1957 по 1965 гг.);

Керэфов Камбулат Наурузович (ректор КБГУ с 1965 по 1973 гг.);

Тлостанов Владимир Калиметович (ректор КБГУ с 1973 по 1994 гг.);

Карамурзов Барасби Сулейманович (ректор КБГУ с 1994 по 2015 гг.);

Альтудов Юрий Камбулатович (ректор КБГУ с 2015 года).

*Виталий ЕРШОВ,
доктор исторических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета,
академик АМАН*

АДЫГСКАЯ (ЧЕРКЕССКАЯ) МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК: ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ, УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ

Интеллектуальное пространство современной Кабардино-Балкарии имеет развитую институциональную структуру, включающую академические научные организации, университеты, учреждения культуры, издательства и др. Научный мир КБР интегрирован в общероссийское и международное академическое сообщество, участвуя в разработке и реализации инновационных направлений мировой науки и технологий, вносит важный вклад в формирование интеллектуального пространства Российской Федерации.

Президент России В. В. Путин 31 октября 2018 г., обращаясь к участникам VI Всемирного Конгресса соотечественников, проживающих за рубежом, подчеркнул необходимость укрепления гуманитарных связей российских диаспор с Родиной. «Наш общий долг, – сказал российский лидер, – прежде всего перед людьми – сделать всё для сохранения духовного и исторического единства».¹ При этом особое значение приобретает интеллектуальная составляющая гуманитарного диалога российских соотечественников, привнесение ими культурных и духовных ценностей общероссийской цивилизации в глобальное информационное пространство.

Адыгская (Черкесская) Международная академия наук (АМАН), объединяет деятелей науки Кабардино-Балкарии, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесии, представителей научной общественности Москвы и ряда других академических центров России, а также черкесской интеллектуальной элиты Турции, Израиля, США и др. Научно-организационная и просветительская деятельность АМАН способствует, с одной стороны, развитию интеллектуальной среды международного Черкесского мира, с другой – расширению вклада ученых КБР в отечественную академическую и университетскую науку.

Деятельность АМАН в качестве организатора международных научных конференций и симпозиумов, которые могут проходить в раз-

¹ Выступление Президента России В. В. Путина на VI Всемирном Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. Москва, 31 октября 2018 г. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59003> (Дата обращения: 25.07.2022).

личных странах, где имеются представительства Академии и работают ученые – члены АМАН, способствует расширению международных связей КБР в сфере инноваций и научно-культурного сотрудничества. Кроме того, данное направление работы оказывает влияние на формирование образа Черкесского мира как одного из модераторов передовых, конструктивных процессов глобального развития.

Глава Кабардино-Балкарии Казбек Коков 8 февраля 2022 г. провел заседание Совета при Главе КБР по вопросам высшего образования и науки, в ходе которого отметил принципиальную важность наращивания интеллектуального потенциала республики. «Без науки, без инноваций решить задачи динамичного развития, перехода на качественно иной уровень будет невозможно», – подчеркнул руководитель КБР². В качестве корпоративной организации ученых АМАН имеет широкие перспективы развития как площадка информационного и организационного взаимодействия Кабардино-Балкарского научного центра (КБНЦ) РАН, научных коллективов кафедр Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова и других республиканских вузов, а также научно-исследовательских и общественных организаций ученых на межрегиональном, федеральном и международном уровне.

В сентябре 2018 г. избранный президентом АМАН Арсен Каноков – представитель КБР в российском парламенте, заместитель председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, сформулировал стратегическую цель дальнейшего развития Академии, исходя из ее уникального потенциала как международной корпоративной организации интеллектуалов, авторитетных деятелей науки и высшей школы: «АМАН – это мощный инструмент в руках нашего народа, статус которого нужно поднять, обозначить и реализовать стратегические задачи. Это касается интеграции научных исследований, возрождения и развития адыгских традиций, культуры нашего народа, гармонизации межнациональных отношений, подготовки кадров в науке, создания фонда, выделения грантов ученым».³

Избрание руководителем АМАН опытного государственного дея-

² Казбек Коков провел заседание Совета при Главе КБР по вопросам высшего образования и науки [Электронный ресурс] // РИА «Кабардино-Балкария. 8 февраля 2022. URL: <https://Glava.kbr.ru/news/soveshchaniya/glava-kbr-kazbek-kokov-vstretilsya-nauchnym-soobshchestvom-respubliki.html> (дата обращения: 25.07.2022).

³ Арсен Каноков возглавил АМАН [Электронный ресурс] // Информационный портал «Адыгэ Хэку. Актуальные материалы черкесского мира». 16 сентября 2018 г. URL: <https://aheku.net/news/society/arsen-kanokov-vozglavil-aman> (дата обращения: 25.07.2022).

теля и ученого-экономиста А. Б. Канокова обусловило утверждение в работе Академии новых актуальных, инновационных тенденций. Большинство членов АМАН составляют специалисты в области точных, естественных и медицинских наук. Однако в настоящее время заметно возрастает роль гуманитарного направления деятельности Академии, играющего важную роль в продвижении объективных научных данных по истории, культуре и современной жизни Черкесского мира в российском и глобальном информационном пространстве. Главным проектом, в рамках которого в настоящее время реализуется данная задача, стало издание многотомной энциклопедии «Черкесика», в рамках которой вышла в свет книга, посвященная видному государственному и общественному деятелю Кабардино-Балкарии Юрию Калмыкову, были изданы произведения адыгских авторов – Баграта Шинкуба, Мамдуха Кумыка, Хачима Кауфова.

За три десятилетия АМАН утвердила свой авторитет как площадка международного диалога ученых, представителей России и глобального Черкесского мира. Большой вклад в становление и развитие АМАН внес первый председатель Академии А. М. Нахушев (1938-2018) – известный российский ученый, доктор физико-математических наук, руководитель НИИ прикладной математики и автоматизации Кабардино-Балкарского научного центра РАН. К 2011 г. в Академии сотрудничало более 300 человек, в том числе 2 академика и 3 члена-корреспондента РАН, 2 члена Российской академии художеств, академик Академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, сотрудники двадцати отраслевых государственных и общественных академий. В структуру АМАН вошли 9 отделений и 5 научных центров, были созданы представительства в Абхазии, Израиле, Иордании. В работе общих собраний и расширенных заседаний Президиума АМАН, изданиях научных трудов Академии принимают участие представители зарубежного черкесского сообщества.

Многие историко-культурные и литературно-публицистические проекты осуществляются Институтом адыгской энциклопедии АМАН под руководством М. М. Хафицэ, известного писателя и ученого, исследователя адыгского зарубежья. Книги М. М. Хафицэ «Моя надежда – моя ладья» (1982), «Звезды на небе и на земле» (1984), «Адыгские мамлюки» (1994), «Разбросаны адыги по белому свету» (2000), «Черкесы в Израиле» (2000), «Звезды бледнеют на чужбине» (2006) и др. посвящены истории и культуре адыгского народа, прежде всего – зарубежным соотечественникам. Большую популярность в Черкесском мире приобрел «Адыгский перекидной настольный календарь», который выходит на русском и кабардинском языках и включает тысячи статей, посвященных персоналиям и событиям истории адыгов. Деятельность АМАН получила освещение в книгах В. Ф. Ершова «Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века» (2016) и «Современная Ка-

бардино-Балкария: интеллектуальный мир, общество, культура» (2022).

В Кабардино-Балкарии реализуются актуальные проекты, направленные на поддержку молодежных инициатив в сфере инновационного бизнеса: так в 2020–2021 гг. в КБР прошел благотворительный конкурс предпринимательских проектов «Start-Up 5642», участниками которого стали тысячи молодых людей. Победители конкурса получили возможность реализовать на практике свои передовые идеи в области развития перспективных отраслей экономики КБР – экологического и познавательного туризма, индустрии моды, цифровых технологий и др. Гранты по итогам конкурса получили также молодые предприниматели – разработчики образовательных инноваций в сфере изучения родного языка, истории и культуры адыгов ⁴.

Развитие интеллектуальной культуры, содействие творческому росту черкесской молодежи, сбережение и приумножение историко-культурного наследия, поддержка молодежных научно-исследовательских проектов, содействие подготовке кадров высшей квалификации в области точных, естественных и гуманитарных наук, культуры и искусства, являются основными задачами Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. Являясь общественной организацией ведущих отечественных и зарубежных ученых, АМАН принимает активное участие в глобальном интеллектуальном диалоге, с честью представляя КБР и Россию в международном научном пространстве. Важным инструментом достижения данных целей является Благотворительная программа АМАН «Программа по подготовке молодых специалистов» под патронажем президента Академии, сенатора Российской Федерации А. Б. Каноква. Данная Программа направлена на содействие талантливой молодежи в повышении своих профессиональных квалификаций в ведущих международных школах бизнеса и информационных технологий, создание условий для личностного и карьерного роста молодых специалистов. Ее стратегическая задача – обеспечение отечественной экономики и системы государственного управления кадрами, обладающими современными знаниями, способными «мыслить широко, креативно, нацеленных на многозадачность, гибкость мышления и действий». ⁵

Об актуальности более широкого участия международного научного

⁴ Подведен итог конкурса «Start-Up 5642». [Электронный ресурс] // Сайт АМАН. 9 декабря 2020 г. URL: <https://aman-circassian.ru/index.php?newsid=27> (дата обращения: 25.07.2022).

⁵ Благотворительный образовательный проект АМАН под патронажем А. Б. Каноква. 27 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // Арсен Канокв, заместитель руководителя Комитета по международным делам Совета Федерации РФ, представитель от исполнительного органа государственной власти Кабардино-Балкарской Республики. Персональный сайт. URL: <https://arsenkanokov.ru/event/59/> (дата обращения: 25.07.2022).

сообщества АМАН в развитии экономики и общества Кабардино-Балкарии говорит возросшее в настоящее время внимание руководства республики к развитию взаимодействия с научными учреждениями. Президент АМАН Арсен Каноков наметил перспективы работы организации на ближайшие годы: «За почти три десятилетия АМАН стала уникальной организацией, в составе которой около 300 выдающихся деятелей науки, образования и культуры, представителей адыго-абхазов. И каждый из них вносит весомый вклад в интеллектуальное и культурное наследие нашего народа. Академией сделано немало, одним из значительных достижений является издание под эгидой АМАН Адыгской (черкесской) энциклопедии. В этом году подготовлена хрестоматия по истории адыгского народа, завершается работа над большим издательским проектом – перевод «Адыгэ Хабзэ» на иностранные языки. Но это только начало. Если каждый из наших академиков внесет свой посильный вклад в работу организации, то результаты ее деятельности будут впечатляющими. И, конечно, Академия нуждается в обновлении, в притоке новых сил и талантов. У нас немало известных молодых ученых, которые могли бы принести большую пользу нашему объединению, поднять его авторитет на новую высоту. И мы будем двигаться в этом направлении.

Новое время требует сегодня новых подходов, поэтому в дальнейшем, уверен, нам нужно усилить практическую, прикладную часть работы – оказывать научную, организационную, а при необходимости и финансовую поддержку самым востребованным и важным направлениям и проектам, необходимым адыгам и другим народам, проживающим в наших республиках. К реализации некоторых мы уже приступили. Например, конкурс по отбору лучших, талантливых молодых людей для обучения в престижных зарубежных вузах, проведенный нами в прошлом году. Конкурс по поддержке стартапов нынешнего года для представителей всех национальностей Кабардино-Балкарии, который также будет проходить под патронажем академии»⁶.

В марте 2021 г. был издан 11-й том «Черкесики» – иллюстрированная энциклопедия-хрестоматия «Адыги: один из древнейших народов мира». ⁷ Автор предисловия к изданию – президент АМАН А. Б. Каноков. В книге опубликованы отрывки из произведений отечественных и зарубежных авторов, побывавших на Кавказе в течение нескольких

⁶ Каноков А. Б. Нужно усилить практическую часть работы АМАН [Электронный ресурс] // Сайт АМАН 19 августа 2020 г. URL: <https://aman-circassian.ru/index.php?newsid=5> (дата обращения: 25.07.2022).

⁷ Адыги: один из древнейших народов мира. Черкесская иллюстрированная энциклопедия-хрестоматия с литературным обзорением / Предисл. д.э.н. А. Б. Каноков. Сост. М. А. Керимова. Под ред. М. М. Хафицэ. Адыгская (Черкесская) академия наук (АМАН), Институт адыгской энциклопедии, – Нальчик, 2021. 652 с.

последних столетий, а также современные исследования по истории, археологии, этнографии, современной жизни адыгских народов. В 11-й выпуск Адыгской энциклопедии вошли работы Б. М. Керефова, К. Х. Унежева, М. М. Хафицэ, С. Х. Хотко и др. Книга включает уникальные изобразительные материалы из личного архива автора и главного редактора проекта М. М. Хафицэ, предоставившего для данного издания свыше 1500 иллюстраций. Новый том «Черкесики» получил высокую оценку академика РАН и АМАН Асхада Шеуджена и других рецензентов.

Ценным вкладом в воссоздание и популяризацию многих забытых страниц истории и культуры, имен выдающихся деятелей Черкесского мира является проект музея, который создается на основе личных коллекций М. М. Хафицэ, собранных им во время многочисленных поездок по черкесскому зарубежью Турции, Иордании, США и других стран.

Память об историческом прошлом рождает будущее. Руководитель АМАН А. Б. Канок на состоявшемся в августе 2020 г. расширенном заседании Президиума Академии сказал: «Кроме того, на мой взгляд, следует открыть новое научное направление. Нам, адыгам, необходимо не только хорошо знать свое прошлое, но работать над научным прогнозированием будущего адыгского общества, скажем, через двадцать лет. Какие изменения могут произойти с языком, обычаями, традициями, демографией, культурой и другими составляющими жизни? В связи с этим планируем объявить конкурс на лучший научный прогноз динамики развития адыгского мира, с серьезным анализом проблем и инструментов по их решению. Его итогом могла бы стать представительная научная конференция «Адыги в 2040 году. Вектор развития». ⁸

Важную институциональную роль в сохранении историко-культурного наследия Черкесского мира играют регулярно проводящиеся Съезды АМАН, которые выступают значимыми площадками глобального интеллектуального диалога и фактором повышения статуса КБР как международного научного и общественно-культурного центра.

20 августа 2021 года в онлайн-формате прошло Общее собрание членов Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, в работе которого приняли участие ученые из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Абхазии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев, Чеченской Республики, Казахстана, Турции, Узбекистана.

Перед началом работы участники Общего собрания минутой молчания почтили память выдающихся ученых, ушедших из жизни за последний год, людей, внесших неопределимый вклад в российскую науку, в дело развития духовности, образования, культуры адыгского народа. Это: Бекизова Лейла Абубекировна, Темиров Умар Ереджибович, Бгажников Барасби Хачимович, Шогенов Асланбек Хажумарович, Дзыбов

⁸ Там же.

Джантемир Сосренович, Хуштов Юрий Билялович, Каде Татьяна Халидовна, Шенкао Мухамед Алиевич. Светлая и вечная им память...

С приветственным словом перед участниками собрания выступил Президент АМАН Арсен Баширович Каноков. Отметив важность стоящих в повестке дня вопросов, он пожелал всем плодотворной работы. С Отчетным докладом о деятельности АМАН с 2018 года выступил главный ученый секретарь АМАН Сафарбий Хасанбиевич Шхагапсов. Председатель рабочей группы по подготовке Устава АМАН Замир Хасанович Мисроков представил членам Общего собрания на утверждение Устав в новой редакции, который также приняли единогласно.

На Общем собрании рассмотрели ряд вопросов организационного характера. Был доизбран состав Президиума академии. В состав Президиума избраны: Станислав Григорьевич Блиев, Зауаль Хаджи-Муратович Ионов, Руслан Хатаович Кешоков, Арсен Владимирович Псху, Муаед Лялюевич Хабачиров, Сафарбий Хасанбиевич Шхагапсов, Мухадин Абдурахманович Эскиндаров.

Председателем Московского научного центра АМАН избран М. А. Эскиндаров. Председателем Карачаево-Черкесского научного центра АМАН – З. Х. Ионов. Действительным членом-секретарем отделения медико-биологических наук избран Р. Х. Кешоков. Действительным членом-секретарем отделения сельскохозяйственных наук – С. Г. Блиев.

Участники Общего собрания приняли в ряды членов Академии 24 ученых из КБР, Москвы, Адыгеи, КЧР, Абхазии и Турции.

По Отделению математических наук и нано-информационных технологий АМАН: в действительные члены АМАН были приняты:

Пачулиа Ниазбей Лукич – декан физико-математического факультета, заведующий кафедрой математического анализа Абхазского государственного университета, академик академии наук Республики Абхазия, доктор физико-математических наук (Республика Абхазия, г. Сухум); в члены-корреспонденты АМАН:

Мамчуев Мурат Османович – заведующий отделом Института прикладной математики и автоматизации КБНЦ РАН, кандидат физико-математических наук (КБР, г. Нальчик); по Отделению физических наук АМАН: в действительные члены АМАН:

Экба Январби Алиевич – вице-президент Академии наук Абхазии, заведующий кафедрой прикладной физики Абхазского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор, академик АНА (Республика Абхазия, г. Сухум);

по Отделению энергетики, машиностроения, механики и процессов управления АМАН: в действительные члены АМАН:

Апажев Аслан Каральбиевич – ректор Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В. М. Кокова, доктор технических наук (КБР, г. Нальчик);

Кокоев Мухамед Нургалиевич – генеральный директор АО «Каб-балагропромстрой», заслуженный строитель РФ, профессор кафедры «строительное производство» инженерно-технического факультета КБГУ им. Х. М. Бербекова, вице-президент Союза сельских строителей России по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, доктор технических наук, профессор (КБР, г. Нальчик);

Шогенов Юрий Хасанович – заведующий сектором механизации, электрификации и автоматизации Отделения сельскохозяйственных наук (ОСХН) РАН, член-корреспондент РАН, доктор технических наук (КБР, г. Нальчик);

Закураев Аслан Фуадович – вице-президент Ассоциации ученых и изобретателей ЮФО, руководитель Всемирной ассоциации инженеров по альтернативным видам транспортных систем, доктор технических наук (КБР, г. Нальчик);

в члены-корреспонденты АМАН:

Чемазиков Муса Мухамедович – зам. генерального директора АУ «Объединение парка культуры и отдыха», кандидат технических наук (КБР, г. Нальчик);

по Отделению историко-филологических наук АМАН: в действительные члены АМАН:

Хотко Самир Хамидович – член-корреспондент АМАН (с 2007 г.), главный научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства АРИГИ, доктор исторических наук (РА, г. Майкоп);

Озова Фатима Анатольевна – член-корреспондент АМАН, заведующий отделом истории Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, доктор исторических наук (КЧР, г. Черкесск);

Ершов Виталий Федорович – профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доктор исторических наук, член Российской Ассоциации политической науки (РАПН), член Союза журналистов России (г. Москва);

Хагба Лили Ризовна – член-корреспондент Академии наук Абхазии, доктор филологических наук, профессор Абхазского государственного университета, заслуженный деятель науки Республики Абхазия (Республика Абхазия, г. Сухум);

Алейба Джульетта Янковна – проректор Абхазского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (Республика Абхазия, г. Сухум); в члены-корреспонденты АМАН;

Бейтуганов Сафарби Нагманович – писатель, журналист, историк, член Союза писателей и Союза журналистов России (КБР, г. Нальчик);

Дидем Йылмаз – преподаватель Эрджиевского университета в г. Кайсери, член Совета Адыгэ Хасэ г. Кайсери, доктор филологических наук (Турецкая Республика, г. Кайсери);

Паштова Мадина Михайловна – доцент кафедры черкесского языка и культуры Эрджиевского университета в г. Кайсери, кандидат филологических наук (Турецкая Республика, г. Кайсери);

по Отделению общественных наук АМАН:

в действительные члены АМАН:

Трахов Аслан Исмаилович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Адыгейского государственного университета, доктор юридических наук (РА, г. Майкоп);

Касландзия Алексей Махазович – заслуженный деятель науки Республики Абхазия, заслуженный учитель Республики Абхазия, доктор педагогических наук, профессор (Республика Абхазия, г. Сухум);

в члены-корреспонденты АМАН:

Дугужева (Шебзухова) Муминат Хатизовна – доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук (г. Москва);

Дышеков Мурат Владимирович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права КБГУ им. Х. М. Бербекова, кандидат исторических наук (КБР, г. Нальчик);

Калмыков Жилиаби Адальбиевич – председатель Координационного совета адыгских общественных объединений КБР, член Общественной палаты КБР, доцент КБГУ им. Х. М. Бербекова, кандидат исторических наук (КБР, г. Нальчик),

по Отделению медико-биологических наук АМАН:

в действительные члены АМАН:

Шаов Мухамед Талибович – профессор кафедры биологии, геоэкологии и молекулярно-генетических основ живых систем, заведующий научно-исследовательской лабораторией КБГУ им. Х. М. Бербекова, доктор биологических наук, профессор (КБР, г. Нальчик);

в члены-корреспонденты АМАН:

Хатухов Аубекир Михайлович – доцент кафедры биологии, геоэкологии и молекулярно-генетических основ живых систем КБГУ им. Х. М. Бербекова, кандидат биологических наук (КБР, г. Нальчик);

по Отделению химических наук АМАН:

в действительные члены АМАН:

Хамизов Руслан Хажсетович – главный научный сотрудник, заведующий лабораторией сорбционных методов Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского Российской академии наук (ГЕОХИ РАН), доктор химических наук (г. Москва),

Участники Общего собрания поздравили своих коллег, избранных в состав АМАН.

Вице-президент АМАН, ректор Абхазского государственного университета Алеко Алексеевич Гварамия поблагодарил участников собрания за избрание в члены АМАН кандидатов из Абхазии.

Первый вице-президент АМАН Тлеуж Адам Хусейнович в своем выступлении отметил, что в начале ноября этого года состоится заседание президиума АМАН, где будет обозначена программа работы академии на следующий год. Также он сообщил, что под эгидой АМАН планируется проведение еще одного Круглого стола с участием адыгской молодежи, касающегося феномена Адыгэ Хабзэ.

В завершение мероприятия Арсен Каноков поблагодарил всех его участников за плодотворную работу и подчеркнул, что, независимо от эпидемиологической ситуации в стране, работа Академии будет активизирована, и в тесном взаимодействии со всеми своими структурными подразделениями АМАН будет последовательно решать стоящие перед ней вопросы.⁹

Существенный вклад в формирование интеллектуального мира Кабардино-Балкарии и в сохранение историко-культурного наследия вносит выходящий с 1994 года журнал «Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук». Редакция журнала ставит следующие цели: координация и интеграция творческой деятельности ученых и деятелей искусств, направленной на развитие науки, образования и культуры; содействие развитию науки и образования; содействие в подготовке кадров высшей квалификации в области науки, культуры и искусства; поддержка перспективных исследований, в том числе выполняемых молодыми учеными, деятелями науки и культуры.

Журнал «Доклады АМАН», являющийся рецензируемым научным изданием, публикует оригинальные и нигде не печатавшиеся ранее исследования в области математических, естественных, технических, общественных и гуманитарных наук, включая материалы по актуальным проблемам истории, археологии и филологии адыгских народов, истории российско-кавказских культурных связей и др.¹⁰ Главный редактор журнала – Сафарби Хасанбиевич Шагапсов.

Журнал отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к современному научному периодическому изданию. В редколлегии журнала «Доклады АМАН» сотрудничают ведущие ученые России, Абхазии, Казахстана, Узбекистана, Турции. Строгое рецензирование сочетается с коротким сроком рассмотрения статей в редколлегии журнала. «Доклады АМАН» распространяются по подписке на территории

⁹ 20 августа 2021 года состоялось Общее собрание Адыгской (Черкесской) Международной академии наук [Электронный ресурс] // Сайт АМАН. URL: <https://aman-circassian.ru/index.php?newsid=77> (дата обращения: 25.07.2022).

¹⁰ *Дзамихов К. Ф.* Северный Кавказ и Россия: опыт истории и современности // Доклады АМАН. 1997. Т. 2. № 2. С. 149-155; *Котляров В. Н., Котлярова М. А.* Заюковский комплекс разновременных памятников // Доклады АМАН. 2012. Т. 14. № 1. С. 157-160; *Шаззо Ш. Е.* Художественная структура адыгских исторических и историко-героических песен // Доклады АМАН. 2019. Т. 19. № 2. С. 45-52; и др.

Российской Федерации, стран СНГ и Балтии. Журнал индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), рассылается в библиотеки ведущих научных и образовательных центров России, стран Ближнего и Дальнего зарубежья. С 2014 г. выходит 4 раза в год в печатной версии (ISSN: 1726-9946).

Адыгская (черкесская) Международная академия наук (АМАН) неоднократно выступала участником и соорганизатором мероприятий, утверждающих ценность литературного творчества. Так, например, в марте 2016 г. состоялась встреча с общественностью Терского муниципального района КБР народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, академика АМАН Исхака Машбаша, исторические романы которого, посвященные судьбам адыгов, стали достоянием всего Черкесского мира. Встреча проходила при участии представительной делегации деятелей литературы и искусства трех адыгских республик, а также зарубежных соотечественников из Турции, Сирии и Иордании. Это событие собрало широкую аудиторию: руководителей муниципалитетов Терского района, преподавателей родного языка и литературы, сотрудников учреждений культуры, представителей общественных организаций, многочисленных почитателей творчества писателя. Выступая перед собравшимися, И. Ш. Машбаш, в частности, сказал: «Смысл моего творчества – сохранение исторической памяти... Я написал о том, что жило в моем сердце, что его беспокоило. Кроме того, я хотел показать и всегда подчеркиваю, что адыгский народ тоже принимал участие в формировании российской государственности».¹¹

Таким образом, Адыгская (Черкесская) Международная академия наук (АМАН) играет важную роль в процессе интеграции республик Северного Кавказа в глобальное интеллектуальное пространство, а также в реализации программ модернизационного развития экономики, науки и культуры Кабардино-Балкарии XXI века.

Руководство Кабардино-Балкарской Республики оказывает поддержку работе АМАН как площадке креативного международного диалога ученых и центру интеллектуальной жизни КБР, деятельность которой способствует сохранению традиционных историко-культурных ценностей адыгских народов и, в то же время, содействует развитию современной науки и технологий, актуальных гуманитарных исследований, вовлечению молодежи в мир интеллектуального творчества и инноваций.

¹¹ *И. Машбаш*: «Я рассказал историю своего народа...» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Терского муниципального района КБР. 29 марта 2016 г. URL: <https://te.adm-kbr.ru/index.php/novosti/1289-ya-rasskazal-istoriyu-svoego-naroda> (дата обращения: 25.07.2022).

*Ауес ПИЛОВ,
доктор биологических наук,
профессор КБГАУ им В. М. Кокова*

РАЗВИТИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В КБР (на базе КБГУ И КБГАУ)

Термин «морфология» был предложен в 1817 г. великим немецким поэтом и естествоиспытателем Иоганном Вольфгангом Гёте. Он определил морфологию как «учение о форме, образовании и преобразовании органических существ».

Предметом изучения морфологии человека и животных, как науки, является внешняя форма организмов, их органов, топография, внешнее и внутреннее строение органов и систем органов, их тканевая организация и, наконец, строение клеток и неклеточных структур, входящих в состав органов и организма в целом. Задача морфологии – познание статичности и динамики формы на всех ее уровнях.

Вопросы морфологии впервые в КБР стали изучаться в медтехникуме, они преподавались врачами-хирургами, акушерами-гинекологами и другими специалистами. Кроме того, анатомия, гистология и эмбриология входили в программу подготовки учителей в Кабардино-Балкарском пединституте (с 1932 г.) и затем на химико-биологическом и сельскохозяйственном факультетах университета, образованного в 1957 году. Преподавателями морфологических дисциплин были проф. М. Д. Ковалевич, Ю. М. Дукельский (медтехникум), Л. К. Шауцукова (пединститут), М. Г. Уначев и проф. О. Е. Пахоменко (КБГУ).

В Кабардино-Балкарском государственном университете 1 июля 1966 г. был открыт медицинский факультет, на кафедре нормальной и патологической анатомии которого стали преподавать полный курс морфологических дисциплин по вузовской программе. Эту кафедру возглавляли проф. В. К. Цвирко (1.09.1966 – 15.06.1967 г.), доц. В. И. Кушхабиев (15.06.1967 – 30.01.1969 г.), проф. В. В. Федяй (из г. Орджоникидзе, с 31.01.1969 г. по 1.08.1969 г.), профессор Е. А. Домбровская (01.09.1969 – 01.09.1990), доцент М. А. Шеожев (01.09.1990 – 01.10.1993). С 01.10.1993 года по настоящее время кафедрой заведует доцент В. А. Каранашева.

Курс нормальной анатомии вели О. Ю. Роменский (из г. Ростова-

на-Дону, с 1.09.1969 г. по 25.08.1977 г.), он в 1969 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Сравнительная оценка кровоснабжения сердца»; доцент М. Б. Кунашев (1.09.1977 – 1.09.1978); доц. А. Х. Урусбамбетов (после защиты кандидатской диссертации в Махачкале по вопросу «Пути отведения лимфы от сумок суставов и сухожильных влагалищ пальцев кисти», с 1.10.1978 г.). На кафедре нормальной и патологической анатомии курс анатомии преподавали: доц. В. И. Кушхабиев, ст. преподаватель; канд. мед. наук М. Л. Батырбеков, защитивший кандидатскую диссертацию 6.06.1966 г. в Москве; канд. мед. наук М. А. Хлечас, защитившая кандидатскую диссертацию в 1964 году по лор-болезням; аспирант М. Б. Кунашев (с 31.07.1966 г. по 31.12.1969 г.), старший лаборант Х. Х. Тхазапlicheв. Позже преподавателями нормальной анатомии были канд. мед. наук Ч. Х. Карданов, асс. Х. К. Тарчоков, окончивший аспирантуру в Краснодаре у проф. Н. Н. Лаврова, ст. преподаватель А. Т. Емкужев, выпускница мед. факультета, в настоящее время заведующий кафедрой нормальной и патологической анатомии, доц. В. А. Каранашева, доценты, канд. мед. наук Пшукова А. А., канд. мед. наук Тлакадугова М. Х.

Периодически избранные лекции по нормальной анатомии читали профессор Н. Н. Лавров (Краснодар), В. Ю. Первушин (Ставрополь).

Студентам спортивного факультета КБГУ курс лекций по анатомии и физиологии человека читали проф. А. М. Ремиз, защитивший докторскую диссертацию в 1974 г. в Москве по вопросам патологии щитовидной железы в КБР, много лет работавший главным хирургом республики; А. Т. Емкужев, защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Сосуды поджелудочной железы в норме и при диабете» в 1972 году; доц. Х. Х. Тхазапlicheв, канд. биол. наук с 1972 года (защитил кандидатскую диссертацию в Махачкале по теме «Профилактика гипоксии с помощью фармакологических препаратов в эксперименте»); канд. биол. наук Л. А. Агнокова – с 1985 по 1988г., (кандидатская диссертация по теме «Влияние энергии ЭМК на интероцептивные рефлексы» 1968 г.). В настоящее время этот курс читает доцент канд. мед. наук А. С. Вологиров. На биологическом факультете университета курс морфологии преподает проф. Дзуев Р. И. с 1987 г.

Курс гистологии преподавали ст. преподаватель З. Б. Шихамиров (1967-1974 гг.); проф. С. А. Предтеченский (1971-1976 гг.), М. Ж. Тлянчева-Хапажева, защитившая кандидатскую диссертацию в 1973 г по теме: «Влияние некоторых экологических условий на функциональную активность щитовидной железы птиц в условиях КБАССР»; доценты Д. Д. Отарова, Ф. М. Гутова, Ф. А. Мусукаева. Пшукова Е. М. канд. мед. наук читает курс гистологии на 1-2 курсах мед. факультета для студентов специальностей «Лечебное дело» и «Стоматоло-

гия» с 2010 г. Курс патологической анатомии читает к. м. н, доцент Будник А. Ф. с 2009 г.

С 01.02.1969 года при кафедре нормальной и патологической анатомии стал функционировать курс оперативной хирургии и топографической анатомии, который возглавил декан медицинского факультета доцент В. И. Кушхабиев, защитивший кандидатскую диссертацию в 1964 г. в Ленинградском ГИДУВе по теме: «Хирургическое лечение свищевых форм туберкулезного коксита» (Клинико-рентгенологическое и топографо-анатомическое исследование) и докторскую диссертацию во 2-ом МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова по теме «Анатомо-хирургическая оценка оперативных доступов к позвоночнику»; доцентом курса стал Х. Р. Ахриев, защитивший кандидатскую диссертацию в 1968 г. по теме: «Крово-лимфообращение тонкой кишки в эксперименте». Избранные лекции по оперативной хирургии и топоанатомии в 1973 году читал заслуженный деятель науки, член-корр. АМН СССР, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топоанатомии 2-го МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова, профессор Г. Е. Островерхов.

Под научным руководством проф. В. В. Федяя и доц. В. И. Кушхабиева выполнена кандидатская диссертация М. Б. Кунашевым («Динамика микроциркуляторного русла седалищного нерва при травме»), научным руководителем кандидатских диссертационных работ А. Т. Емкужева и М. А. Шеожева была проф. Е. А. Домбровская; под руководством проф. О. Ю. Роменского была выполнена кандидатская диссертация Б. Исрапиловым по теме «Тебезиевы вены сердца в сравнительном аспекте»; под руководством проф. Н. Н. Лаврова и В. И. Кушхабиева выполнена Х. К. Тарчоковым диссертационная работа по теме «Иннервация и кровоснабжение поясничного отдела позвоночника человека в сравнительном, аспекте». Доцент Пшукова А. А. защитила диссертацию на соискание степени канд. мнд. наук под руководством проф. О. Е. Богатыревой (Москва) и проф. А. Х. Урусбамбетова на тему «Онтогенез надпочечников» в 2008 г.

В 2019 г. изданы учебные пособия по анатомии органов мочеполовой системы для специальностей 35.05.01 Лечебное дело, 31.05.03 Стоматология для студентов 1-2 курса мед. факультета КБГУ доцентами Пшуковой А. А., Бейтугановой А. А., Тлакадуговой М. Х.; по анатомии органов чувств для студентов 1-2 курсов мед. факультета КБГУ доцентами В. А. Каранашевой, М. Х. Тлакадуговой, А. А. Пшуковой.

С 2010 по 2022 гг. на кафедре нормальной и патологической анатомии сотрудниками опубликовано более 15 научных и учебных пособий, разработаны рабочие программы по морфологическим дисциплинам, а также учебно-методические комплексы.

В 1963 г. на базе КБГУ было открыто ветеринарное отделение и

создана кафедра ветеринарии. Заведующим кафедрой был док. вет. наук О. Е. Пахоменко. Курсы анатомии и гистологии читали Алиев А. М. и Пудаков К. И.

В 1968 г. был первый выпуск ветврачей. Из этого выпуска два человека стали докторами наук по морфологии: Кушхов Х. Т. д.в.н., профессор (курс анатомии), Пилов А. Х. д.б.н, профессор (курс гистологии).

В 1974 г. кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени канд. вет. наук защитил Кушхов Х. Т. (научный руководитель проф. Пахоменко О. Е.) на тему «Возрастные изменения скелета и мускулатуры головы крупного рогатого скота швицкой породы».

В том же году защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени канд. вет. наук Пилов А. Х. (научный руководитель д.б.н. профессор Предтеченский С. А.) на тему «Морфофункциональная характеристика щитовидной железы сельскохозяйственных животных в условиях КБР».

С 1968 г. на сельскохозяйственном факультете КБГУ курсы анатомии и гистологии вели профессор О. Е. Пахоменко, ст. преподаватели Кушхов Х. Т. и Соттаев М. Х.

С 1972 г. курс цитологии, гистологии и эмбриологии читал д.б.н. профессор Пилов А. Х. – до 1981 г. в КБГУ, а с 1981 г. по настоящее время в КБГАУ им. В. М. Кокова на факультете «Ветеринарная медицина и биотехнология», кафедра «Ветеринарная медицина». На кафедре разработаны учебно-методические комплексы по анатомии, по цитологии, гистологии и эмбриологии, по морфологии и физиологии сельскохозяйственных животных для студентов отделений ветеринарии, зоотехнии, ветсанэкспертизы и агрономии (технологов). Изданы 6 учебных пособий и три научных монографии по морфологии сельскохозяйственных животных (профессор Пилов А. Х.). На кафедре с 2015 года курс морфологии читают доценты Хуранов А. М. и Туганов М. Н.

Научные интересы морфологов разнообразны, результаты исследований ученых КБГУ и КБГАУ публикуются и имеют выход в практическую медицину и ветеринарную медицину республики.

Сотрудники факультета «Ветеринарной медицины и биотехнологии» КБГАУ и преподаватели медицинского факультета КБГУ, часто принимают участие в Международных конференциях и съездах с докладами по морфологии, патологии и онкологии человека и животных.

Участниками VIII съезда Научно-методического общества анатомов, гистологов и эмбриологов России (23-26 мая 2019 г. в Воронеже) были проф. Пилов А. Х. (КБГАУ) с докладом «Трансформация щитовидной железы коров в условиях эндемии», доцент Будник А. Ф.

(КБГУ) с докладом «Иммуногистохимические особенности ганглиев кишки в онтогенезе».

В 1968 г. на медфаке образовано Кабардино-Балкарское отделение Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов (председателями были профессора С. А. Предтеченский, О. Ю. Роменский, В. И. Кушхабиев). С 1978 года и совместные с хирургами научно-практические конференции. Члены общества выступали с докладами на VIII, IX и X съездах ВНОАГЭ СССР и РФ. В настоящее время членами Кабардино-Балкарского отделения ВрНОАГЭ являются 40 человек. Председателем республиканского отделения является доцент В. А. Каранашева

Научные интересы членов Кабардино-Балкарского отделения ВрНОАГЭ разнообразны, результаты исследований публикуются и имеют выход в практическую медицину и народное хозяйство республики.

Таким образом, в Кабардино-Балкарской республике проходило становление и идет развитие среднего и высшего медицинского образования; преподавание морфологических дисциплин ведется в полном соответствии с современными требованиями, осуществляются глубокие научные исследования по актуальным проблемам анатомии, гистологии и практического здравоохранения и ветеринарной медицины.

Владимир КУДАЕВ,
журналист, писатель.

АДЫГСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Понятие адыгского застолья – немало- важная часть адыгского образа жизни и, пре- жде всего, традиционного гостеприимства адыгов. Именно через гостеприимство любой народ, любое общество, любой человек про- являют свою культуру, свое человеколюбие, свою толерантность и образ жизни. Гостепри- имство, в конце концов, это показатель образа мышления и общей культуры народа.

Адыгское гостеприимство уникально, прежде всего, тем, что его основные принци- пы полностью совпадают с требованиями дипломатии всех времен и народов. Возможно, именно поэтому адыгское гостеприимство всегда нравилось всем, кто имел возможность с этим сталкиваться. Великий певец Кавказа, русский поэт М. Ю. Лермонтов писал о черкесах:

*Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и тир гостеприимный,
Черкес счастлив и волен был.*

Конечно же, гостеприимство адыгов демонстрировалось не толь- ко и даже не столько через застолье. Однако к настоящему времени именно адыгское застолье осталось наиболее устойчивым показателем гостеприимства. В народе и сейчас живуче представление, что важнее гостя никого нет, о чем свидетельствует частое применение в разго- ворах пословицы: «Гость – посланник Бога!» – «ХьэщӀэр Алыхьым и лыкӀуэщ».

Поэтому неудивительно, что требования, предъявляемые к адыгскому застолью на сегодняшний день, сохранились наиболее полно. Тому способствовали годы Советской власти, когда любые застолья и употребление спиртных напитков были привычны, а ино- гда необходимы. Сейчас, слава Всевышнему, употребление спирт- ных напитков заметно снизилось и даже приблизилось к нормам, бытовавшим в дореволюционное время, когда от адыга требовалась заметная воздержанность в еде и питье. Возможно, в недалеком бу- дущем грянет время, когда адыги сочтут за правило ставить на стол

всего лишь бодрящие напитки, а то и вовсе вернуться к употреблению национального напитка махъсымэ.

За пределами этого следует отметить, что адыги стали больше обсуждать те или иные правила гостеприимства и застолья именно во время застолий, то есть проявлять значительно больше интереса к обычаям и традициям собственного народа, что, конечно же, не может не радовать. Таким образом, на сегодняшний день застолье стало мерилом, определяющим степень компетентности того или иного человека в адыгских обычаях и обрядах. Это результат больших и стремительных изменений, произошедших в образе жизни адыгов в основном за последние сто лет. Из адыгских обычаев, традиций и обрядов выхолащивались очень ценные компоненты, из-за чего нарушалась их целостность. Сейчас мы не будем заниматься анализом причин этих изменений – на это есть ученые, которые, несомненно, придут к такой необходимости. Но хочется отметить, и это вовсе будет нелишним, что многие беды происходят от явного нежелания определенной части народа в совершенстве знать традиции и обряды, от безудержного стремления некоторых менять их по своему усмотрению и, самое главное, соглашательская политика абсолютного большинства этноса с беспорядочными изменениями в них, особенно если различного рода нарушения обычаев исходит от сильных мира сего – богатеев или власть предержащих.

Адыгское застолье на сегодняшний день является предметом ожесточенного спора между всеми без исключения, что, опять-таки, не может не радовать, ибо лишь в спорах рождается истина.

Спорят ученые, обыватели, те, которые чуть ли не каждый свой день проводит в застольях, и те, которые никогда в жизни не участвовали в адыгских застольях. Однажды в одной из социальных сетей мы проводили опрос о видениях проблемы деления головы жертвенного барана, и девяносто процентов, участвовавших в обсуждении, оказались женщинами, которые, как известно, не присутствуют в застольях, где проводится данный обряд.

Естественно, что при таком раскладе обычаи и обряды могут трактоваться как угодно. Нам представляется, что всем членам адыгского сообщества нужно осознать необходимость единообразного прочтения и исполнения всех обычаев, обрядов и традиций. Без осознания этой необходимости нам грозит утеря и оставшихся ценностей. При этом мы хорошо осознаем, что отказаться от каких-то элементов обрядов будет нелегко. И здесь необходимо подключить резервы и возможности всех адыгских общественных формирований. Об адыгском застолье я расскажу на примере свадебного застолья в том его виде, в котором сложились правила к концу второго десятилетия третьего тысячелетия.

Главенствующее положение в адыгском застолье занимают два

лица: *тхамада* и *бгъуэццIэс*, которые, по сути, определяют, насколько правильно и удачно сложится обстановка за столом, как будут исполняться обычаи и традиции, насколько комфортно будут себя чувствовать участники застолья.

Для того чтобы не возвращаться к вопросу, в первую очередь поговорим о *бгъуэццIэс*. Кто это такой? Это молодой человек, которого назначают обслуживать застолье, иногда его называют виночерпий. В некоторых местах их принято называть *щхьэгъэрыт*. Это неправильное название: обязанности щхьэгъэрыт совершенно другие, и они четко изложены, например, в трудах С. Мафедзева.

Исходя из его исследований и наших собственных наблюдений и изысканий, так раньше называли молодых людей, которых с собой привозила сторона невесты. Они не садились за стол, а выражая готовность в любое время исполнить любое указание своего старшего, стояли в углу. С. Мафедзев утверждает, что они должны были следить и за лошадьми гостей. В источниках путешественников Европы и других, описавших жизнедеятельность черкесов, об этом ничего не сказано. Раз так, то я тоже волен делать предположения, и думаю, что термин «щхьэгъэрыт» у адыгов обозначал молодых людей, пользующихся особым доверием князя – сейчас их бы назвали телохранителями, но обязанности такого лица в прошлом были куда шире, объемнее. Таким образом, сущность «щхьэгъэрыт» дошла до нас в таком виде, когда они практически ничего не делали, а только поддерживали авторитет и имидж своих старших. В настоящее время институт «щхьэгъэрыт» уже не существует, хотя в связи с устойчивым ростом потребностей наших нуворишей, я не удивлюсь, если привычка возить с собой «щхьэгъэрыт» вскоре возродится. И это было бы неплохо, так как и эти молодые люди слушали бы старших и внимали бы им, чтобы к периоду своего возмужания до тонкостей знали бы *Адыгэ Хабзэ*.

Совсем другое дело *бгъуэццIэс* (кстати, в Малой Кабарде, где виночерпия не называют «*щхьэгъэрыт*», также именуют их неправильно, называя *гъуэццIэс*, то есть утеряна начальная буква), который имеет очень много обязанностей. Он подчиняется только тхамаде, следит за порядком в компании, четко знает, что убрать, что переставить, что

именно пододвинуть гостю. Замечает, кто плохо ест, пьет, узнает особые пожелания гостей и незамедлительно их исполняет, вовремя меняет блюда и еще успевает подбадривать присутствующих шутками. При этом он, как говорится, краем глаза всегда наблюдает и одним ухом постоянно слушает, что делает и говорит тхамада, следит за его жестами, выражением лица, мимикой – он готов в любое время понять невысказанное его желание и исполнить его, и не абы как, а в лучшем виде. Бгъуэщ1эс наполняет бокалы, как только участники застолья выпьют. Также доливает зашедшим в помещение с естественным приветствием: «Гуп махуэ апщий!». Он может иметь помощника, который может находиться здесь же в помещении или за его пределами.

Принято считать, что бгъуэщ1эс должен быть из числа близких родственников хозяев, чтобы душа больше болела за благополучный исход мероприятия, чтобы он постоянно чувствовал ответственность.

Так что не каждый молодой человек способен быть бгъуэщ1эс. Даже официанты, которым сейчас платят немалые деньги за это, плохо исполняют свои обязанности. Поэтому раньше к этой важной роли молодых людей готовили долго и упорно, правильно полагая, что неудачный виночерпий может испортить застолье еще больше, чем несостоятельный тхамада. Учили их быть внимательными, чуткими к старшим, быстрыми, точными и аккуратными в движениях, сдержанными в еде, в приеме алкоголя, но если гости захотят уважить его, чтобы мог и бокал-другой без проблем выпить, и чтобы при этом вид его не менялся, а сам он не становился более разговорчивым. Присутствие таких высокоорганизованных и умных молодых людей способствует не только на необходимо высоком уровне проводить застолье, но и поднимает авторитет *бысым* – хозяев торжества. Поэтому и сейчас организаторам торжеств следует тщательнее подходить к отбору *бгъуэщ1эс*.

Однако в адыгском застолье, как известно, главенствует *тхамада*. На его плечи ложится непростая задача – спланировать, на достойном уровне организовать и провести застолье. При этом он учитывает обычаи и традиции гостей других национальностей. Тхамада должен обладать еще рядом необходимых умственных качеств, например, опытом и знанием местных обычаев, чтобы никто из собравшихся не остался обойденным или обиженным, умением произносить красивые и содержательные заздравные тосты, выдержкой и выносливостью в отношении принятия напитков, ибо покинувший стол тхамада не может вернуться обратно. И вообще, уход тхамады из-за стола раньше, чем встанут гости, считался и сейчас считается абсолютно неприемлемым. Главной обязанностью тхамады, как и всех представителей хозяев, является не столько угостить гостей, сколько оказать им все

положенные знаки внимания и почести, предусмотренные обычаем. Без позволения тхамасы никто не может произнести тост или покинуть стол. Даже тогда, когда появляются желание спеть или рассказать случай, легенду или анекдот, требуется разрешение старшего.

Почести, предусмотренные обычаями для застолья, следующие: вставание при произнесении тостов в честь старших и гостей, содержание тостов и их последовательность, определяемые возрастом, важностью гостей, степени их близости и родства с хозяином и т. д. Гость ни при каких обстоятельствах не должен быть посажен вблизи двери или выхода. Уйти из-за стола и вернуться обратно для дальнейшего участия в застолье допускается только с разрешения тхамасы. В его обязанности входит также поддержание порядка за столом, удовлетворение по мере возможности всех потребностей гостей, разнообразие застолья, своевременное и точное исполнение тех или иных обрядов. Тхамаса адыгского застолья, говоря сегодняшним языком, – единоначальник. Никто не может с ним пререкаться, спорить, а тем более, не исполнять его требования. Бытует даже ставшая расхожей фраза: «Тхамаса всегда прав!». В то же время, тхамаса время от времени обращается к старшему из числа гостей, спрашивая его мнение по тем или иным вопросам, но это не что иное, как элементарная вежливость.

В адыгской среде много разговоров вокруг вопроса о том, кто должен быть тхамасой свадебного, как сейчас в рассматриваемом варианте, или любого другого адыгского застолья. Различия в подходах к этому вопросу в Большой Кабарде и Малой Кабарде настолько устойчивы, что говорить об общей точке зрения, как мне кажется, довольно бессмысленно. В Большой Кабарде считается, что тхамасой должен быть обязательно носитель фамилии, у которой проходит торжество. В Малой Кабарде имеется уверенность, что застолье должен возглавить человек, имеющий близкое отношение к семье, но не из этого рода. И те, и другие до хрипоты могут спорить, кто из них прав, никто до конца не выслушивает никакие доводы, и считают, что правы именно их предки, оставившие им такие обычаи, а не предки оппонентов. Я имел неосторожность поднять эту тему в периодической печати и социальных сетях, в глубокой надежде на примирение сторон хоть на каких условиях, но пришел к печальному выводу, что такое невозможно.

Дело здесь даже не в том, что взгляды людей на какой-то обычай расходятся. Корни разногласий уходят в далекое прошлое, когда в отношении Большой Кабарды и Малой Кабарды вбивался искусственный клин с целью их полного разъединения. Ясно ведь, что, разделив народ, его легче приручить или даже уничтожить. Например, немногим известно, что Малая Кабарда не имела никакого административ-

ного отношения к Большой Кабарде до 1909 года. Немало и других примеров, но это тема другого разговора, которая, тем не менее, усилила различия обычаев. То же самое случилось и в случае с адыгами из Карачаево-Черкесии и Адыгеи – административно-территориальное разделение и заселение территорий между ними представителями иных народов привело к разнотчению некогда единых обычаев и традиций.

В этой статье мы не будем подробно останавливаться на том, как выглядели те или иные обычаи, традиции и обряды в более отдаленные времена. Они неплохо освещены в трудах наших достойных ученых и наблюдениях многочисленных путешественников, ранее посещавших Черкесию. Поэтому повторяться нет смысла. Мы ставим основной своей целью освещение традиций и обрядов в современном их срезе. Конечно, не проводить совсем аналогии с прошлой жизнью адыгов, видимо, не удастся, но эти аналогии будут минимизированы.

Как же все-таки быть с вопросом о тхаме адыгского застолья? В деле наиболее полного исследования адыгских обрядов патриархом по праву считается Сараби Мафедзев, и с этим согласны практически все. В своих фундаментальных работах «Обряды и обрядовые игры адыгов» (Кн. Изд-во «Эльбрус, 1979 г.), «Адыги. Обычаи, традиции» (Н., изд. центр «Эль-Фа», 2000 г.) С. Х. Мафедзев пишет (цитирую по изданию 2000 года): «...За стол сажали со стороны жениха умеющих организовать компанию, остроумных, знающих адыгэ хабзэ во всех подробностях мужчин. Тхамой торжества мог быть близкий друг старшего в доме жениха или же родственник, но ни в коем случае не кто-либо из членов семьи. Потому что тхаме, ведя стол, должен был произнести тосты за счастье, за благополучие дома, где происходит свадьба. А член семьи, по адыгэ хабзэ, не мог говорить благопожелания, адресованные самому себе, своей семье». По логике вещей, хвалебные речи о семье не должен произносить и другой член этого рода, особенно в присутствии гостей. Это, по крайней мере, некрасиво, хотя, правильнее было бы сказать однозначно: не положено.

Мы считаем такое явление неприличным и не украшающим принимающую сторону. Но главное не это, а то, что автор книги нигде не упоминает, что тхамой застолья должен быть представитель того рода, чьим мероприятием является данное торжество. Тогда откуда взялась массовая уверенность жителей Большой Кабарды и, частично, Черкесии, что застолье должен обязательно возглавлять представитель рода, принимающего гостей? Мы не встречали человека, сумевшего ответить на этот вопрос, как и на вопрос о том, в чем преимущество именно такого решения. Истоки этого явления, смеем предположить, в том, что им не хочется обременять себя поисками человека, способ-

ного достойно провести застолье, а также нежелание быть обязанным человеку, который окажет честь и семье, и роду, взяв на себя не только обязанности тхамеды, но и возможные коллизии, которые могут возникнуть в ходе торжеств.

Мы имеем немалый опыт участия в различных торжествах, в том числе и в качестве тхамеды, на своем веку встречали немало примеров, когда главой застолья сажали человека, не имеющего никакого представления о том, в чем заключаются его обязанности. И, наоборот, никогда не встречали фактов, чтобы приглашенного на мероприятие в качестве тхамеды человека, не члена данного рода, пришлось упрекнуть в каких-либо ошибках или упущениях. Все дело в том, что такую важную миссию не поручают кому придется, а выбирают из таких, которые имеют богатый опыт тхамединства, чувствуют участников застолья и умеют ненавязчиво разнообразить застолье. Важность такой миссии подчеркивается и старинным выражением, уже давно ставшим пословицей: «Гуп зыгъэгупыр гуп и уасэщ» – «Кто умело проводит застолье, тот стоит целой компанией». Это еще одно свидетельство того, что адыги придавали серьезное значение выбору человека, главенствующего за торжественным столом, и не пускали это важное дело на самотек.

Когда речь заходит о том, кто должен вести застолье, часто вспоминаются случаи, которые с завидным постоянством повторяются в семье одного нашего родственника из Большой Кабарды. Это – большая семья, насчитывающая шестерых детей. По мере их взросления нам тоже часто приходится бывать у них, слава Всевышнему, по радостным причинам. Род у них небольшой, и главе семьи приходится, исходя из бытующих здесь обычаев, сажать во главе стола одного и того же мужчину своей фамилии – других попросту нет. Несмотря на то, что ему приходится довольно часто исполнять почетную роль тхамеды, он никак не удосужится научиться этому искусству. Скорее всего, это и не дано ему. Мало того, что он по природе молчалив и нелюдим, он еще и тосты произносит, как испорченная пластинка, из раза в раз повторяя один и тот же приевшийся и бессмысленный тост о том, что важнее здоровья на свете ничего нет. Кроме того, что он вообще никак не регулирует застолье, по своей инициативе не назначая тостующих, он еще становится агрессивным по мере концентрации в нем спиртного. Он не знает, что следует говорить, когда приносят *хъэщIэныш* – мясо жертвенного барана, он не умеет разделять баранью голову. К концу застолья он становится неуправляем, лезет с объятиями к гостям, все время хочет с кем-то из них приватно выпить за его здоровье. Полголовы давно уже лежит на столе, а тхамеда гостей не отпускает.

Пожалуйста, кто скажет теперь, что подумают гости о семье и роде, где они побывали? Чему научатся молодые люди, которые в силу

обстоятельств всегда присутствуют за таким столом? Скажите, положив руку на сердце: а не связано ли это с желанием противопоставить малокабардинским обычаям свои, родные, устоявшиеся правила? Что все-таки лучше: чтобы тебя представлял опытный, умный, солидный сосед, но не твоей фамилии, или мужчина твоей фамилии, но не рожденный быть тхамадой?

Человек, который искренне радуется за честь своей семьи, сам себе признается, что у него в роду нет на этом этапе такого, который способен на высшем уровне, с соблюдением всех норм этики и адыгэ хабзэ, провести застолье, и пригласит для этой цели опытного и проверенного родственника или соседа, которые есть везде. А человек, для которого внешние признаки важнее нормального проведения торжества, усадит на это место того, кто есть под рукой, опозорит свою семью и еще долгие годы будет оправдываться перед новыми родственниками за не очень удачный выбор тхамады.

Теперь я еще раз хочу повторить, что у наших видных ученых, известных путешественников, посещавших Черкессию в свое время, и просто тех, кто изучал данный предмет немного глубже, чем простой обыватель, не найдешь запрета на то, чтобы определить тхамадой человека, не относящегося к данному роду. Отсюда вопрос: откуда наше население черпает такую нестигаемую уверенность, что тхамадой следует сажать только представителя собственного рода. При этом никто не приводит никаких серьезных аргументов в пользу того, почему должно быть именно так, а не иначе, кроме как «кто-то сказал», «мой отец всю жизнь так делал», «сорока на хвосте принесла», и так далее.

Эмоциями положение не исправить. Многие наши беды происходят от того, что во время застолий обычаи и традиции трактуются неправильно, ведущие застолий часто ошибаются, а вслед за ними эти ошибки повторяют и молодые люди.

В споре, как известно, рождается истина, но трудно ее найти там, где ее нет. У людей, вступающих в спор или написавших отклики в периодической печати, в социальных сетях, или озвучивших при личной встрече, слишком много эмоций и ура-патриотизма, хотя есть и вполне разумные суждения. Не можем не привести некоторые из них, чтобы явственнее показать разброс мнений.

Борис Хамизов: «Владимир преподносит нам тот Адыгэ Хабзэ, который популярен и которого придерживаются в Малой Кабарде. И автор, будучи искусным мастером пера, пропагандирует нам всем – его читателям – «свой» терский вариант. Как выявляется в наших обсуждениях, есть разница, где-то небольшая, где-то значительная, в исполнении различных ритуалов и обрядов. Но принимать их и применять на мероприятиях, проводимых в Большой Кабарде, не получится. Точно так же, как и для Володи и остальных терчан неприемлемо перенесе-

ние нашего видения на малокабардинскую почву. Может быть, когда-либо каким-то волевым законодательным актом или решением уважаемых старших всей Кабарды и удастся привести наш этикет к единому знаменателю (что имеет весьма призрачные перспективы), а пока нам остаётся делиться друг с другом тем, что есть у каждой стороны, сравнивать это, и продолжать обсуждать на доброжелательной основе».

Вера Дохова: «Тамадой, по обычаю, сажали умного друга семьи, соседа или другого человека, хорошо знающего род, семью, где проходит торжество. Это было связано с тем, что тамада должен знакомить с семьёй гостей. И считалось у адыгов верхом неприличия хвалить себя и свой род. В наше время более традиционные устои сохранились в Малой Кабарде. Они четко этому следуют. Кто хочет посадить своего, пусть сажает – это не наказуемо, но не по обычаю адыгов. Что из-за этого спорить и обижать друг друга. Каждый поступает так, как у них принято».

Ирина Жабалиева: «К сожалению, человек, который полностью согласился бы с Вами по проведению адыгского застолья и тхамды, представляющего интересы данной семьи или рода, но не являющегося главой или членом данной семьи или рода, – отошедший в иной мир отец моих дочерей, родившийся в Большой Кабарде. У нас был открытый дом, и редкий вечер мы проводили без друзей, соседей, гостей ближних и издалека. Всегда, пока мы жили в доме по Ленина, 7а (15 лет), тамадой приглашался старший нашего подъезда, очень достойный и уважаемый человек, знавший тонкости адыгского застолья, очень строго и требовательно соблюдавший «протокол» ведения мероприятия.

Хозяин сам не садился тамадой. Ко времени визитов сватов к дочерям, отца уже не стало и старшие рода, совещаясь совместно с моими родственниками по поводу приёма *нысаиэ*, или отправления делегации *нэчыхьытх* (нэчыхь совершали у нас в доме, до вывода невест) много спорили о тхамде, настаивая на представителе рода. Зять, муж старшей сестры из Малой Кабарды, доказывал обратное, в результате, в случае со старшей дочерью, тхамдой, фамилия настояла, стал представитель рода, получилось, как в Вашем рассказе...

Но когда подошла очередь средней, тут уже мне пришлось вмешаться, ссылаясь на традицию нашей семьи приглашать тхамду со стороны, что так делал отец девочек, и обратилась с просьбой к другу семьи, уважаемому и незабвенному Борису Утижеву (да покоится он с миром!), который с удовольствием согласился и очень расчувствовался по этому поводу! Все прошло очень красиво, сейчас молодые сказали бы, что это был мастер-класс Мастера адыгского слова, достойнейшего из адыгэл! Я была счастлива, как будто бы воскрес глава моей семьи (псапэ куэд ищ!ащ Борис, Тхэм и псэр куэдрэ игъэгуп!э)!

С тех пор вопрос, кому быть тхамადой, у нас решается в соответствии с требованиями Хабзэ и логики того, что в случае, когда дело касается создания новой семьи и встречаются представители двух чужих родов, приглашенному тхамаде в большей степени пристало произносить хвалебные отзывы о роде, семье жениха или невесты, о молодых...»

Вот такие отзывы, их много, но я счел нужным привести именно их с тем, чтобы показать природу отношения к вопросу о том, кто должен возглавлять адыгское застолье.

В социальных сетях постоянно возникают споры о том, какие традиции лучше: кабардинские или малокабардинские, показывая яркий пример лжепатриотизма, потому что этот спор не столько о том, какие традиции лучше, а о том, кто вообще лучше. Истоки таких противопоставлений нужно искать, как уже отмечено, в тех давних временах, когда царское самодержавие делило народы на части, чтобы их легче было ассимилировать, уничтожать.

Мы хорошо осознаем, что унифицировать проведение этих обрядов, о которых идет речь, особенно когда это касается того, кто должен быть тхамადой, пока не удастся, но уверен, что спор продолжать надо. Такие дискуссии полезны тем, что каждый, оставаясь при своем мнении, укрепляется в мысли и уверенности в том, что свои обычаи нужно исполнять безукоризненно, иначе противоположная сторона их засмеет. Кроме того, необходимость спора по основополагающим моментам адыгства, *адыгэ хабзэ*, *адыгэ нэмыс* постоянно будет держать адыгов в тонусе и острой необходимости хорошо знать все, что связано с этими понятиями, и не трактовать их в угоду сиюминутной необходимости (например, в угоду какому-нибудь денежному мешку или большому начальнику, чем часто грешат наши люди).

Если вернуться к вопросу формирования застолья и еще раз попытаться подвести итоги размышлений, то кратко они состоят в том, что разные субэтноты, проживающие на разных территориях, а часто и просто в селениях по соседству, имеют различные взгляды на то, кто должен быть тхамადой свадебного и иных застолий. В свое время мудрые адыги придумали емкое выражения: «Къэбублэр хабзэщ» (Что надумаешь, то и хабзэ) или «Зэгъунэгъуит1 я мэл бжык1эр зэтехуэркъым» («Даже у двух соседей не совпадают методы, какими считают овец»).

И невдомек тем из нас, которые оправдывают любые нововведения этой фразой, что она была придумана не для оправданий нарушителя Свода законов, а в насмешку над теми, кто не знает адыгэ хабзэ, кто нарушает ее основополагающие нормы.

Что явилось причиной различий в подходах к этому вопросу у адыгов, сказать сейчас сложно. В любом случае, лучше бы всем до-

говориться и ввести единообразный подход к проблеме, но устойчивая неспособность находить компромисс даже в мелочах у адыгов, делает довольно призрачным такое пожелание. В Кабарде и частично в Адыгее и Черкесии принято сажать тхамадой исключительно только представителя своего рода, несмотря на то, что последствия такого завидного упорства часто приводит к нивелированию красоты обычаев, упрощенному пониманию роли тхамады застолья. В балкарских населенных пунктах также склонны придерживаться такой же линии, по видимому, из-за того, что чаще встречаются именно с такой практикой. Хотя встречается и другая практика. Академик М. Залиханов, сам будучи балкарцем, всегда предпочитает тхамаду приглашать со стороны, считая, что «... у них душа больше будет болеть за исход застолья, и они чувствуют больше ответственности». Такой подход идентичен малокабардинскому. Приверженцы этих правил считают, что если приглашать тхамадой умелого и красноречивого человека, хорошо знающего все нюансы хабзе, и торжества пройдут под его эгидой, то это прибавит им авторитета и уважения. Некоторые «знатоки» обычаев, трактующие приглашение тхамады тем, что «нужно нахваливать хозяев дома, а представителю рода это будет делать неудобно» или «людей нужно знакомить, а представителю рода это неудобно», нужно считать несостоятельными и смешными объяснениями. Главная цель малокабардинцев при приглашении тхамады из числа дальних родственников, друзей или соседей состоит в их уверенности, что профессионально поднаторевший в этом деле человек качественнее проведет застолье, будет чувствовать больше ответственности и, естественно, применит весь свой опыт, который он обрел до этого. Ведь и ему самому хочется, чтобы слава о нем, как об умелом тхамаде, разнеслась – вот он и старается.

Ну, и конечно, немаловажное значение имеет и характеристика семьи и рода, которая должна прозвучать в ходе застолья. По сведениям С. Мафедзова и других авторов, такой заздравный тост должен прозвучать вторым по счету. Естественно, услышать этот тост важно не абы от кого, а от солидного, подготовленного и знающего, и как бы нейтрального тхамады. Тогда эти слова прозвучат и солидно, и восприниматься они будут позитивно. На современном этапе, когда столом руководит представитель рода, этот тост практически выпадает из оборота и сводится к рядовому пожеланию любого, кто произносит тост, в результате чего теряется значимость такого тоста, да и гости лишаются возможности лучше узнать новых родственников. В 60-70-е годы прошлого столетия молодому человеку, вернувшемуся с нэчыхьытх, в первую очередь задавали вопросы: как живут новые родственники, что о них говорят. И был всегда конкретный вопрос: что говорил тхамада о новых родственниках? Из этого и многих дру-

гих фактов мы делаем вывод, что слова тхамасы, характеризующие принимающую гостей сторону, раньше имели большое значение и были устойчивыми.

Исходя из изложенного, мы пришли к выводу, что вопрос унификации традиций тхамасы преждевременен, пусть все идет своим ходом, и пусть хозяева торжеств сами определяют, по какому принципу подбирать кандидатуру на исполнение этих поистине ключевых обязанностей.

Тем не менее, настаивал бы, чтобы в случаях, когда в роду именно в этот момент нет подходящей кандидатуры, а такое, к сожалению, встречается часто, и вы способны признать, что подходящего человека сейчас в роду нет, не позорить свою собственную семью, свой род, не способствовать уничтожению собственных обычаев, а попросить добрых соседей и родственников, имеющих опыт в этом деле, провести застолье. Внимательно изучив все имеющиеся источники по этой проблематике, мы уверяем вас, что это не противоречит обычаю. Главная преграда здесь – нежелание признавать, что в роду не оказалось человека, способного на высоком уровне провести застолье, это же позор! Но так думают только те, кто не понимает, что за урон принесет неумелый тхамаса всей фамилии. Лучше перешагнуть через эту надуманную преграду и поручить дело опытному человеку.

Очень важно понять, что тхамасой может быть только опытный в этих делах человек, способный беспрепятственно сориентироваться в любой ситуации, приспособиться к любому составу участников застолья, хорошо владея как богатством родного языка, так и языком межнационального общения, хорошо знающий адыгэ хабзэ и умеющий отвечать на многочисленные вопросы, возникающие по поводу хабзэ, а также способный красиво, культурно и образно вести беседу.

Теперь перейдем к следующему, не менее сложному вопросу – рассаживанию участников застолья. Испокон веков адыги сами усложняют этот вопрос, и процесс рассаживания обычно так затягивается, что в народе даже появилась поговорка: «Адыгэм тӀысын иухамэ, щысын-иухаш», «Адыгэм тӀысын имьухьурэ тэджыжыгъуэр къос» – «Если адыг закончил рассаживание, считай, закончилось и застолье». Хочу показать, как это делается на том же примере свадебного застолья. Ко времени прихода старших мужчин-гостей, старшие представители хозяев уже сидят за столом. Поздоровавшегося старшего гостей следует сразу же препроводить на место рядом с тхамасой, в то время как остальные его спутники стоят на месте, то есть еще не садятся и ждут сигнала своего старшего. Принято, чтобы тхамаса встретил старшего гостей приветливо и с бокалом в руке. Называется встречный бокал – *гунмахуэбжьэ*. Бокал принимается с благодарностью, без слов пьется или пригубляется, и также молча, после того, как бгъуэщӀэс (на-

ливающий) пополнит его, бокал возвращается его хозяину. После чего приехавший старший садится на указанное ему место и жестом или словами дает знать своим спутникам, чтобы они рассаживались.

В связи с тем, что процесс рассаживания участников застолья также часто становится предметом споров, считаю необходимым подробно изложить свою точку зрения, основанную на многолетнем опыте изучения существующих и ранее существовавших традиций, на многочисленных опросах старших, многих из которых уже нет в живых.

Хорошим знатоком застольных обычаев был светлой памяти Аус Ансоков из Хамидии, которого хорошо знали в Терском районе Кабардино-Балкарии, так как мало, наверное, родов, у которых он не проводил бы застолий по просьбе их старших. До глубокой старости его просили, чтобы он исполнял обязанности тхамады то в одном, то в другом месте. Он приходился мне двоюродным братом, и, несмотря на ощутимую разницу в возрасте, мы живо и заинтересованно общались. Часто бывало, что мы сидели с ним до утра, но стоявшая на столе бутылка не пустела, и начатая партия в шахматы оставалась неоконченной, настолько нас захватывал разговор – говорили об обычаях, о порядке ведения застолья. Также никогда не забыть людей, значительно старше возрастом, но с которыми нам приходилось часто общаться, потому что и им, наверное, нравилось, как их слушали. Это такие великие знатоки наших обычаев, как Шу Пагович Мамхегов, Черим Карамурзович Кудаяев, Исмаил Багович Гетигежев, Камбулат Наурузович Керефов и другие. Конечно, то, что они рассказывали, и то, что у нас сейчас происходит, имеют большую разницу, впрочем, как и то, что описывают наши ведущие ученые, как еще раньше – путешественники из Европы и России, побывавшие в Черкесии.

Если суммировать все знания, полученные из всех этих источников, то получается, что старший из приехавших гостей должен сидеть слева от тхамады. Предвидим возражения и вопросы сограждан, не воспринимающих никаких авторитетов – кроме того, что они когда-то видели у себя дома или слышали от любимого отца (дяди, тети), – и считающих, что это не может не быть истиной в последней инстанции. Поэтому сразу поясняем: мы не устанавливаем обычаи, традиции и обряды, а всего лишь пытаемся найти компромисс, чтобы то малое, что осталось, сохранить для будущих поколений, для чего крайне необходимо их единообразное прочтение.

С уважением отношусь к трудам С. Мафедзова, хорошо знал его лично и всегда почитал его, но не могу согласиться с его позицией, что гостя принято сажать справа от тхамады. Он и сам не приводит никаких доводов в пользу своего утверждения, может, когда-то так и было, но сегодняшние реалии таковы, что старшего гостя принято са-

жать слева от тхамеды. Мои источники приводят ряд доводов в пользу данного утверждения, и они заслуживают нашего внимания.

Первое, нужно иметь в виду, что у адыгов в повседневной жизни, при бытовом общении старший всегда стоит справа. Вряд ли при рассаживании за обрядовым столом это менялось. Строго говоря, всегда подспудно считается, что за столом самые главные – тхамеда и старший гостей, а все остальные – при них, простите за прямоту, но это, чтобы было понятнее. Если так, то какие веские причины могут изменить привычный порядок вещей, при котором тхамеда автоматически оказывается на вторых ролях. Многие с кем мне приходилось обсуждать данный вопрос, считают, что ни один нормальный тхамеда не пойдет на это и укажет гостю место слева от себя.

Второй довод, возможно, самый главный. Всем известно, что раньше сидящие в адыгском застолье мужчины пили из одной чаши. Тост произносил тхамеда, пригублял сам и пускал чашу по кругу по часовой стрелке, а значит, что слева от него сидел старший гостей. Не мог тхамеда чашу протянуть гостю, сидящему от него справа, забрать ее и пускать влево по часовой стрелке. Есть и такие, которые усаживание гостя слева от тхамеды объясняют тем, что тхамеда во время трапезы нечаянно может задеть гостя, есть и другие доводы, но они из области фантастики, мы не будем на них ориентироваться. И последнее. Ни один из опрошенных или из числа откликнувшихся на вопрос в социальных сетях не привел ни одного аргумента, почему старшего из гостей нужно усаживать справа от тхамеды. Кстати, попутно замечу, что никогда не встречал ни одного факта, чтобы усаживание гостя слева кого-либо не устраивало или вызывало возмущение.

Таким образом, старшему из гостей тхамеда предлагает место слева от себя, а место справа от себя отдает представителю рода, где происходит торжество – это в случае, если применяется вариант Малой Кабарды. Если же действие происходит по эту сторону р. Терек, место справа отводится следующему гостю. Далее, проще: гости, в принципе, должны знать, кто на какое место может претендовать – принято еще до отъезда распределять, кто за кем садится, имея в виду, что между ними будут сажать *хэзьэрей* – представителей принимающей стороны, чтобы гостям могли оказать максимум внимания.

Тем не менее, здесь тоже имеются особые условия. Значительно раньше эти условия заключались в необходимости иметь в виду словесное различие. Те времена давно канули в Лету, а сейчас при рассаживании учитывается только возраст, и нередко – социальное положение и финансовое состояние того или иного участника застолья. Это позорное явление, когда людей с тугими кошельками и высокими должностями чуть ли не насильственно толкают в *жэантIэ* – почетное место, как нельзя явственнее характеризуют слова: «ЛIы мыхьу-

нур жьантлак1уэщ» (Не способный стать мужчиной любит усаживаться на почетное место). И невдомек тем, кто так грубо нарушает нормы адыгэ хабзэ, и тем, кто не понимает, что не его приглашают на почетное место, а его кошель или должность, что и те, и другие становятся носителями позора.

Между тем, еще совсем недавно существовало четкое правило, а в некоторых местах оно неуклонно соблюдаются и в настоящее время, предусматривающее обязательное усаживание на достаточно почетных местах ближайших родственников со стороны матерей виновников торжества, в данном случае – жениха и невесты.

Мы были приятно удивлены, относительно недавно обнаружив это правило у кумыков. Сидящие рядом со мной шушукались, качая головой, и мы поинтересовались, что произошло. Оказалось, что среди приехавших со стороны гостей не было родственников по материнской линии, поэтому все сокрушались: «Беденькая, совсем сирота!»

Они, в свою очередь, поинтересовались, существуют ли у нас аналогичные правила, я ответил, что имеются, но им не придается такое большое значение, как у кумыков, они удивились еще больше. Оказывается, такое уважение к гостям со стороны матери невесты они в свое время почерпнули у кабардинцев.

Другое обязательное требование, которое должно предъявляться к процедуре рассаживания участников застолья: предоставление наиболее почетных мест *пхъурылъху* (буквально: родившимся от дочерей). Это могут быть дети старшей женщины рода, дети дочери хозяина дома или дети дочери старшего рода. Далее следует выделить места для соседей сторон. У адыгов во все времена было трепетное отношение к соседям, и это необходимо учитывать, тем более что и религиозные догмы предписывают уважительное отношение к соседям. Ведь недаром у адыгов имеется поговорка: «Гъунэгъурэ гъуэншэдждрэ» – «Что сосед, что штаны», имея в виду то, что человек, в случае острой необходимости, в первую очередь хватается как за брюки, так и за соседей. В том смысле, что он так же быстро может найти только соседа.

По сути, за адыгским свадебным застольем не бывает лишних людей. Перечисленной категории людей с обеих сторон, в принципе, достаточно за столом старших. Хозяева обязаны позаботиться, чтобы не обидеть и остальных. Немного раньше, когда свадьбы и иные масштабные торжества проводились дома, все знали, что в одну комнату может поместиться лишь определенное число людей, и гостям, прежде чем они уедут, говорили: «Вас могут разделить на две группы, если окажется, что у них помещения небольшие. При таком варианте, старшим второй группы будет...» – и называли имя. Традиции, с соответствии с которыми проходит застолье в остальных группах, идентичны уже описанной.

Возвращаемся к главному столу. Первые три тоста произносит тхамата – так и по Мафедзеву, такое мнение высказывают Али Черкесов и Мухамед Хакунов, издавшие книгу «Черкесы и черкесский этикет», и некоторые другие авторы. Во все времена, за исключением последних десятилетий, адыги придерживались этого правила и не делали, как сейчас: тхамата произносит какой-то невнятный тост и тут же представляет слово гостю. Это в корне неправильно. Старший из гостей еще не адаптирован, он еще не услышал некоторые обязательные слова, он еще никого не знает за столом. При этих обстоятельствах его слова-тост не могут быть ни содержательными, ни искренними. Все это происходит от незнания складывающихся веками обычаев, или, если знают, от их игнорирования.

Первый тост тхамата должен посвятить породнившимся сторонам, их будущим взаимоотношениям, со значительным акцентом на дорогих гостях из рода невесты. Следует здесь подчеркнуть, что бысым (представители принимающей стороны) должны постоянно оказывать подчеркнутое и искреннее уважение к гостям не только этим тостом, но и на протяжении всего застолья. Это проявляется как в восхвалениях во время тостов, так и постоянных знаках внимания: подложить гостю более лакомый кусок, приглядеть, чтобы они ни в чем не нуждались, чтобы были обеспечены всем необходимым. Из этого порядка и то, что тхамата не может позволить кому-либо из гостей выйти из помещения без сопровождения.

Второй тост тхамата посвящает дому и роду, в котором происходит торжество. Он произносит задравную за их благополучие. Здесь же, в рамках данного тоста, тхамата дает гостям общее представление о том, что из себя представляет семья, в которой они гостят, род, с которым они породнились. Это не тот случай, когда нужно экономить слова, или переживать, или жалеть эпитеты. От умелого преподнесения социального положения данной семьи или авторитета рода, и даже жениха, возможно, зависит общее представление новых родственников, которые они пронесут через всю свою жизнь. И часто стремление соответствовать этим характеристикам помогают людям изменить жизнь в лучшую сторону. Конечно же, восторженные оценки ничего общего не имеют с ложью – ни в коем случае нельзя говорить неправду. С этого родственные отношения завязывать нельзя, какими бы добрыми желаниями они не диктовались.

Третий тост тхамата посвящает счастью и благополучию новой семьи, ее процветанию, делая особый упор на появление многих детей – «кьуэбын-щэбын тхьэм ищ!!» – «сто детей чтобы у них было!», на то, чтобы в новой семье сохранялся нэмыс, уважение к старшим и к адыгэ хабзэ.

Эти три обязательных тоста зафиксированы в адыгском устном на-

родном творчестве и, несмотря ни на что, и сейчас, хоть и в искаженном виде, используется выражение, свидетельствующее об устойчивом использовании данного обычая: «Нэхъыжьыр хъуэхъуиш жи1энхуитш, адэк1э сыт хуэдизрэ езыр хуейми» (Тхамада имеет право на три тоста, а затем – сколько хочет).

После тоста принято пить за сказанное. Здесь тоже имеются разные подходы: в Малой Кабарде тостующий пьет первым. Отсюда и емкая фраза: «Хъуахъуэрэ ефэжмэ – Джылахъстэнейщ» («Если сказал тост и выпил, значит, из малокабардинцев»), за ним следуют остальные – не по старшинству, а по тому признаку, по которому рассаживали. В Большой Кабарде тостующий сам не пьет, а ждет старшего по возрасту. Сараби Мафедзев, описывая этот момент, утверждает, что когда все адыги пили махъсымэ из одной чаши, тхамада произносил тост и передавал чашу гостю, что на наш взгляд, маловероятно и нелогично. Скорее всего, тогда повсеместно действовало правило, которому следуют малокабардинцы и сейчас. В те стародавние времена, когда в ходу были различные уловки для умерщвления недругов, вряд ли какой-нибудь посланник крымского хана решился бы первым испробовать чашу, не боясь отравления.

В любом случае, что есть, то есть. Бывает, что и те, и другие используют методы питья друг друга, и даже довольно часто можно услышать шутливую фразу какого-нибудь общительного и веселого уроженца Кабарды: «Мы хабзэф1ыр абы нэсщхъэяхъауэ п1эрэт?» («Зачем нужно было учреждать такой хороший обычай в такой дали»), имея в виду, что Малая Кабарда находится несколько на отшибе.

Однако для абсолютного большинства жителей Кабарды, малокабардинские отличия – что красная тряпка для быка. Доходит до смешного: самый старший за столом, сказав тост, ищет глазами того, кто мог бы выпить первым – лишь бы не обвинили в следовании малокабардинским правилам. Старшие, на которых надежда, что их усилия помогут унифицировать традиции, своими практическими делами увеличивают этот разрыв. Считаем, что и эти правила так же, как некоторые другие, надо бы привести к единому знаменателю, но пока пусть каждая сторона соблюдают свои, привычные.

В обязанности тхамады входит организовать застолье таким образом, чтобы сидящие здесь, особенно гости, не скучали. Застолье, где правила поведения едины, и даже известно, кто и что скажет, когда скажет, превратить в веселое мероприятие, конечно, трудно, и здесь практически все зависит от умелых и продуманных действий тхамады. Он не должен допускать излишней говорливости отдельных лиц, произвольного вставания и выхода из помещения, разделения «подопечных» по два-три человека по личным интересам. Если кто-то говорит тост или что-то рассказывает, все должны слушать, подчеркивая

уважение к оратору и его роду. Младшие за столом обычно молча внемлют происходящему. Старшему особенно следует с опаской относиться к лицам начальствующего положения или бывших крупных должностных лиц, которые найдя благодарных слушателей, занимают много времени, рассказывая о собственной значимости в истории республики.

Все это, возможно, и очень интересно, но свадебное застолье – это далеко не увеселительное мероприятие, есть обряды, которые обязательно нужно провести, есть тосты, которые обязательно нужно произнести, есть здесь и люди, которым нельзя не дать слово. Все это – предметы заботы тхамалы. Нормальное осуществление этих и других задач во многом зависит, конечно, от красноречия, природной мудрости, его принципиальности, а также хорошего знания всех нюансов хабзэ. Почему всех? Потому что замечено: именно во время таких застолий проявляется неподдельный интерес к адыгэ хабзэ, и тхамала во имя интересов нации должен не только поддерживать этот интерес, но и подогревать его. Такие разговоры и споры полезны не только как способ распространения знаний, обычаев и традиций, но и способствуют разнообразию застолья, если, конечно, не увлечься этим и не превращать торжество в дискуссионный клуб.

Этим мы хотим подчеркнуть важность подготовленности тхамалы к таким нюансам. За Терекком нет таких проблем, ибо, как уже отмечалось, там задолго до торжества подбирают будущего тхамалу именно по этим признакам, вот в Большой Кабарде семье, организующей торжество, или старшему рода следует побеспокоиться, чтобы точнее узнать, на что способен тот или иной член этого рода, отвечает ли он перечисленным качествам или нет. Если он не справится с порученным делом или торжество пройдет ни шатко, ни валко, то вина за это ложится не на него, а на того старшего в роду, который не смог предусмотреть все нюансы, который не смог подобрать кандидатуру тхамалы.

Как известно, люди, живущие за пределами родных мест, бывают более патриотичными и больше приверженными соблюдению норм адыгэ хабзэ. У нас есть брат, проживающий в Москве, который, наверное, в этом плане превзошел всех вместе взятых. Сидя в большой Москве, он умудряется распланировать все подробности любого мероприятия, учесть все возможные ошибки.

У него всегда готовы ответы на вопросы: кто должен быть тхамалой, кто должен сидеть старшим за молодежным столом, кто должен возглавлять женский стол и т.д. Приезжая на какие-либо торжества, он никогда не принимает участия в застолье, все время ходит и смотрит, чтобы везде все было в порядке. Конечно, не у всех могут быть такие беспокойные знакомые или близкие. Тем, у кого нет таких, стоит

особенно беспокоиться, ибо именно там, где с самого начала нет продуманности, и случаются различные проколы.

Тхамата отслеживает, чтобы все, кому положено, могли произнести тосты, но это не означает, что все участники застолья должны высказать свои пожелания. Это становится похоже на соревнование. На нашей памяти произошла трансформация этого обычая из нормального состояния, когда двое-трое старших произносили тосты, не так частили, как сейчас, а остальное время рассказывали старинные предания или пели такие же старинные героические песни.

В молодые годы мы повстречались и провели три незабываемых месяца с покойным Мусой Абитовым из селения Заюково (КБР) на летних отгонных пастбищах, где он заведовал магазином. Он мог сутками рассказывать предания и петь старинные песни, и для этого ему не требовались горячительные напитки. Сейчас во время застолья песни не поют, отчасти еще и потому, что уже нет таких знатоков устного народного творчества, как Зрамук Кардангушев, как тот же Муса Абитов или хотя бы как Ауес Ансоков, о котором я ранее упоминал. Для этого за деньги приглашаются любители и полупрофессионалы, которые считают своей задачей веселить присутствующих, и часто исполняют песни, никак не соответствующие моменту. Это происходит оттого, что до начала торжеств никто не проверяет их репертуар, и самодеятельные артисты остаются предоставленными сами себе.

Организаторам торжеств следует оговаривать с музыкантами, какие песни в какой аудитории они будут исполнять, а тхамата может и прервать их репертуар, если он не подходит случаю. Такой подход способствовал бы улучшению дисциплины и повышению ответственности некоторых горе-музыкантов.

Сейчас принято во время тостов каждый раз вставать. Представление о том, что участники застолья тем самым проявляют уважение к старшему, хоть и не лишено смысла, но не соответствует букве адыгэ хабзэ, по которой вставать следует тогда, когда тост произносит старший из числа гостей. Не возбраняется вставать, если кто-то считает необходимым сказать тост в честь женщин и, особенно, в честь хозяйки дома.

И при этом встают не все. Считается, что старше стола никого нет, поэтому из-за уважения к столу тхамата остается сидеть. Если же и тхамата считает нужным подняться, он указывает, кому не вставать. Нужно пояснить, что он встает, если провозглашает тост (кроме трех основных в начале застолья) в честь какого-нибудь очень авторитетного или уже умершего человека. В этом случае, как правило, оставаться сидеть он поручает кому-нибудь из числа старших бысым – представителей принимающей стороны. Если тхамата по незнанию или по

какой-либо другой причине предложит остаться сидеть старшему из гостей, тому такое может не понравится, и он вправе сказать: «Сэфэ фи 1энэ схьумэну сыкъэк1уакьым, хьэщ1ап1э сыкъэк1уащ!» («Я пришел сюда не охранять ваш стол, а в гости»), и он будет прав. Сараби Мафедзов в своем основательном труде «Адыги. Обычаи, традиции» пишет: «...Тхамата... вел себя чинно, с достоинством. Был красноречив, остроумен, находчив и мудр. Тхамата управлял столом не только нравочениями, наставлениями, но и взглядом, всем своим поведением. Неприличным считалось, если сидящие за столом вели себя развязно, перешептывались друг с другом, перебивали говорящего и т. д. Крайне неодобительно относились к тем, кто растягивал свой тост, нудно мяля слова. В народе иронизировали: “Длинный тост (хьуэхьу) превращается в обычный разговор”».

На сегодняшний день у адыгов нет объективных причин не следовать этим постулатам, выработанным этим уважаемым человеком, истинным ученым и патриотом своего народа.

Разгоряченные спиртными напитками и уставшие сидеть гости, как правило, изъявляют желание потанцевать, размяться. Не следует пускать этот процесс на самотек. Адыгские обычаи требуют, чтобы гости не оставались одни. Это и уважение к ним, и в то же время некая страховка, чтобы с ними ничего непредвиденного не произошло.

Сколько сидеть за столом, сколько танцевать и веселиться молодым, решает старший из гостей. Если он считает, что им торопиться не стоит, то и его спутники танцуют, и шутят, и развлекаются сколько душе угодно, а сопровождающие их парни следят, чтобы гость оставался доволен и повеселился вдоволь.

Чуть раньше, всего несколько лет назад, считалось, что хозяева должны сделать все, чтобы гости выпили больше, не отвлекаясь на увеселения, танцы. Поэтому их старались быстрее завести в дом и посадить за стол. Сейчас быстротечное время внесло свои коррективы, таких устремлений у хозяев уже нет, да и пить стали на порядок меньше, поэтому молодежь танцуют больше.

Согласно адыгэ хабзэ, вновь вошедшие в компанию должны приветствовать сидящих словами: «Гуп махуэ апщий!» (Точно не переводится, но смысл в пожелании – доброй, веселой компании). В ответ гость получает встречный бокал, или, как его еще называют, бокал приветствия, который он, в свою очередь, должен передавать своему сопроводителю из числа хозяев. Этот без лишних слов отпивает, бгъуэщ1эс ему доликает в бокал, и он возвращает его гостю, а затем гость возвращает его тому, кто удостоил его такой чести.

Обычно бокалы для приветствия вручают сидящие за столом старшие из числа хозяев, но не тхамата. Гости, если они не пьяны, такого себе раньше не позволяли. Они не должны этим заниматься, но

сейчас уже встречается и такое. Следует объяснять молодым людям, что гость не должен такое делать.

Также в настоящее время возникают ненужные споры о том, кто должен выпить встречный бокал. Кто говорит, что бокал за вхождение в группу обязан выпить тот, кто его заработал, то есть сказавший «Гуп махуэ апший!». Иные настаивают на том, что бокалы должны получать все вошедшие, сколько бы их ни было. Третьи за то, чтобы бокал передали самому крайнему, младшему из бысым, сопровождавшему гостей и т. д. Однако адыгэ хабзэ не считает это таким принципиальным вопросом, но, исходя из логики вещей, вошедшей группе нужно преподнести один бокал и этим ограничиться. Передача такого бокала тому, кто тебя опекал, тоже может означать, что гость ценит оказываемое ему внимание. Молодой человек, получивший такой бокал, может по своему усмотрению выпить его содержимое, либо, пригубив, протянуть обратно бгъуэщ1эсу, чтобы тот наполнил его вновь. Бокал возвращается к подавшему его в обратном порядке, то есть младший отдает его тому гостю, кто был удостоен этого бокала, тот берет его и возвращает хозяину бокала двумя руками.

Где-то посреди застолья гости изъявляют желание посетить старших рода и семью жениха. Обычно два человека с этим выходят из-за стола, а тхамата дает им в сопровождение одного из своих. Обряд, выполняемый этой группой людей, требует отдельного разговора.

Есть еще один момент, который невозможно обойти вниманием. Это когда старшие дома изъявляют желание посетить гостей-мужчин и оказать им почести. Это происходит после того, как делегация, посланная к ним чуть раньше в составе двух мужчин и их сопровождающего, возвращаются к столу.

Раньше у адыгов не было такого ритуала. Считалось, что сидящий за столом представитель рода должен суметь передать гостям всю степень уважения и почета, которую имеют домочадцы и старшие рода к гостям и тем, кто послал гостей, а также, что он достаточно компетентен, чтобы принимать от гостей все мыслимые заверения в благорасположении к фамилии. Но времена поменялись, поменялись и нравы, и обычаи. Теперь представители рода не только заходят к гостям поприветствовать их, но и видят здесь отца своей невестки, что по определению не могло быть несколько десятилетий назад.

Однако здесь мы не ставим задачу оценивать нынешнее состояние адыгских законов. Наша цель более скромна – рассказать о том, как на этом этапе развития общества исполняются сохранившиеся наши обычаи, традиции, ритуалы.

Пришедшим, как водится, подается один встречный бокал, который пьет мужчина, возглавляющий делегацию, который, как правило, бывает близким родственником хозяев торжества. В его обязанности

входит сказать тост участникам застолья с акцентом на восхваление стороны гостей, заверения их в том, что все им рады безмерно. Также он представляет зашедших с ним старших. Старший из числа гостей также представляет своих спутников, но не всех, а двух-трех наиболее близких родственников, и говорит ответный тост. Следует категорически отказаться от практики представления всех приехавших гостей, как от непродуктивного занятия, занимающего много времени. Как и от того, что участники застолья должны стоять, пока не закончится эта довольно бессмысленная, часто искусственно затягиваемая процедура.

После того как они уйдут, старший гостей начинает процедуру завершения визита. И начинает с заверений хозяев в том, что, мол, завершил все обязательные процедуры, а ехать нужно далеко. Время, сколько сидеть, когда вставать, в принципе, определяет старший из гостей, хотя это не означает, что он может в любое время встать и уйти. Он и остальные гости могут уйти только тогда, когда будут совершены все общепринятые ритуалы и тхамата скажет ритуальный тост за благополучную дорогу, то есть только после того, как тхамата их отпустит.

Зная это, старший гостей неоднократно намекает тхамате стола на то, что им пора ехать. Однако последний делает вид, что не слышал, отвлекался и т. д. Требования повторяются в различных вежливых формах. Неприличным считается, если тхамата сразу же откликается и исполняет желание гостей. Это означало бы, что он только и ждал этого, что ему надоели гости, что он их фактически выгоняет. Поэтому тхамата придумывает различные причины: мол, есть хабзэ, погодите, всему свой срок, дайте насладиться вашей компанией, мясо жертвенной овцы для гостей (хьэщІэньш) еще не сварилось и т. д. Но, когда старший гость начинает упорно настаивать исполнить хабзэ, по велению тхаматы приносят вареное мясо, престижные левую лопатку, бедренную часть или предплечье, крестцовую часть позвоночника, пару-другую ребер, тазовую кость – для старших, на небольших подносах – мясо для всех остальных. Это и означает «исполнить хабзэ». К слову сказать, престижными считаются после щхьэльэнькьуэ ижь – правая половина головы, прежде всего блэгъу – лопатки. Затем идут шхужьгъуанэ – тазовые кости, дзажэдакьэ – грудинка, куэпкьхэр – бедренные кости, тхьбзий – поясничные и крестцовые позвонки... Менее престижные части, предназначенные для младших членов застолья: тхьхъурей – шейные, грудные позвонки, ІэфракІэ – предплечье, бльпкь – плечевая кость, кІэбдз – берцовая кость, но современное застолье уже не различает эти особенности.

Здесь следует сказать, что Сараби Мафедзов ошибочно полагает, что вместе с мясом приносят и часть головы. Это не так, ее приносят позже – по отдельному требованию. Но если даже приносят, на стол

не подают, а ставят отдельно неподалеку, чтобы подать по отдельному требованию тхамады.

После того как принесли мясо, тхамада провозглашает тост за появление на столе нового блюда и поясняет, что этого жертвенного барашка приготовили в честь дорогих гостей, и еще раз произносит теплые слова в их адрес. После того как выпили, принято закусывать мясом жертвенного барана со словами благодарности Всевышнему за ниспосланные блага. Тхамада в это время очищает от мяса левую лопатку, которая считается самым престижным куском и раздает сидящим от себя по бокам.

Принято глядеть в очищенную кость лопатки. Раньше были и такие люди, которые, глядя на эту кость, могли предсказать и судьбу виновников торжества, и виды на урожай в текущем году, и многое другое, но таких знатоков уже нет, но опытные старшие, поднаторевшие на различных торжествах, знают два-три признака, по которым можно предрекать виновникам торжества их будущее. Например, распространенным является мнение, что если внутренняя часть кости чистая и без пятен, жизнь виновников нынешнего торжества будет счастливой. Тхамада предлагает и другим посмотреть показания кости и, если найдутся такие, позволяет им сказать и свое видение.

От кости лопатки принято отламывать кусок, после чего считается, что данная процедура завершена. Старшие предпочитают рассказывать присутствующим историю о том, с чего началась история отламывания куска от кости. Такое желание отчасти объясняется тем, чтобы присутствующая молодежь знала эту историю, а с другой стороны – с целью как можно дольше задержать гостей с тем, чтобы те по приезде могли рассказывать: «Такие хорошие люди! Так не хотели отпускать, что делали для этого все возможное!»

Если кратко, то суть этого предания заключатся в том, что однажды пророка Мухаммеда понесла лошадь, и не миновать бы ему смерти, если бы упавший поводок не зацепился за кость бараньей лопатки, вмерзшей (тогда, якобы, в Аравии выпадал снег и бывало холодно) в землю, с отломанным как раз куском. И тогда пророк завещал единоверцам, прежде чем выбрасывать, всегда от лопатки отламывать кусок. Завещал всем единоверцам, а выполняют только кабардинцы. Даже у адыгов, проживающих за пределами Кабарды, нет ничего подобного.

Старший гостей настаивает, чтобы их отпустили. Вроде бы соблюдены все правила приличия – были и настоятельные требования старшего гостей и даже обида, что к ним не прислушиваются, но точно ли настал тот момент, когда хозяева начали «перебарщивать»? Особенно за этим зорко наблюдают кабардинцы. Остальные адыги такого значения этому не придают. Полголовы они могут принести и в са-

мом начале трапезы. Соседи адыгов – осетины, грузины и другие, на стол кладут вареную целую или же без нижних челюстей голову жертвенного животного (барана, быка – мусульмане) или же зажаренного целого молочного поросенка (христиане). В Сирии один из потомков мухаджиров, славный мой друг Шараф Абаза, поставил на стол целую голову барана и, сильно смущаясь, что не в его характере, пояснил, что он заказал ее из-за того, что кабардинцы придают этому большое значение, а они сами не знают, как ее разделывать. Ни там, ни в Турции, ни в Адыгее не придают особого значения, ни разделке головы, ни делению пупка.

Между тем, нэгэгъу (или нэжэгъу у малокабардинцев) никогда не считался и не считается какой-нибудь изысканной частью птицы, но есть и такие, кто его любит – в общем, на любителя. В более ранние времена адыги не ели желудочек птицы, или, как его еще называют, пупок. На те времена, говорят, приходится случай, когда князь Малой Кабарды, как-то отправившийся в набег, заехал к князю Атажукину и, как предписывали обычаи, зашел в кунацкую. Князь был в отъезде, поэтому в доме гостей не ждали. На быструю руку приготовленные куры утолили голод путников, и они решили продолжить свой путь, о чем через слугу поставили в известность гуащэ – княгиню. Та вышла к гостям. Те, поблагодарив ее за теплый прием, поинтересовались, когда планируется возвращение Атажукина. Княгиня ответила, что скоро, и те уехали.

Княгиня зашла в кунацкую, чтобы проверить, как поели гости, и обомлела – служанка, видимо, в спешке бросила пупок вместе с тушкой и теперь он, несъеденный, красовался в тарелке. В ужасе от случившегося она побежала к Жабаги Казаноко и рассказала ему все, надеясь, что мудрец найдет выход из щепетильного положения, а то ведь князь, дознавшись, может и убить!

– Гости не говорили, что вернуться? – спрашивает Жабаги.

– Да, – отвечает гуащэ, все еще не веря в возможность спасти честь князя и себя заодно. – Сказали, что на обратном пути они непременно заедут, так как у них неотложное дело к Повелителю.

– Ну, тогда все в порядке, – обрадованно заявляет мудрец. – Когда они в следующий раз приедут к вам, ты вели разрезать желудочек, пусть хорошо почистят. Затем пусть положат внутрь кишмиш, кусочки фруктов. Приготовленное блюдо надо зашить так, чтобы нитки были незаметны, и сварить вместе с курицей. Подай к столу, как ни в чем не бывало. Они, естественно, не съедят, а когда пригласят тебя, как того требует хабзэ, чтобы выразить свое почтение, ты выслушаешь их и нарочито удивишься, что уже второй раз они игнорируют придуманное тобой блюдо. Так ты выйдешь из этой щекотливой ситуации, моя гуащэ!

Все так и было, говорят, как сказал Жабаги Казаноко. И когда гу-

еще деланно удивилась, те тоже не сочли нужным скрыть удивление, мол, разве это съедобно!

– А вы попробуйте! – настаивала княгиня по понятной причине.

Малокабардинский князь вытащил свой кьамэщ¹эльгысэ (подкинжальный нож), разрезал фирменное блюдо княгини Атажукиной и испробовал его, половину предварительно положив хозяину дома. Мужчины, которые чего только, казалось бы, не видели на этом свете, с удивлением обнаружили, что пупок обыкновенной курицы может стать изысканным блюдом. Гости поблагодарили княгиню. Князя договорились, что отныне, если застолье обходится только мясом птицы, то есть не резали барана или козу, считать желудочек (пупок) главной частью угощения. Но, чтобы не было недопонимания, чтобы было наглядно, что здесь никакого подвоха, внутрь его ничего не класть. Так и повелось с тех пор. Делить его принято на три части – тхамаде застолья и двум сидящим рядом с ним. В домашнем кругу нэгэгьу предназначен главе семьи. Представителям женского пола не дают. Существовало поверье, что если девочка съест пупок, у нее вырастут усы. Но это, думаю, всего лишь страшилка, чтобы девочки не зарились на запретную часть.

Адыги, проживающие в Карачаево-Черкесии и Адыгее, не знают этих правил, в связи с чем часто вспоминается давний случай. Наш младший брат привез себе невесту из Адыгеи. Приехавшим вскоре ее братьям на стол поставили курятину. После первого тоста один из гостей закусил пупком. Думается, хотел взять самый непрестижный кусок, но ошибся, не ведая обычаев кабардинцев. Наш тхамада тоже повел себя не лучшим образом – начал объяснять гостям, в чем состояла их ошибка.

Наши гости внешне себя ничем не выдали, но, когда мы приехали в Майкоп договариваться со старшими невесты, чтобы они согласились принять наше родство, там нам на стол поставили две внушительные тарелки с пупками – жареными и сваренными.

Теперь об истории возникновения обряда деления части головы жертвенного барана – щхьэльэныкъуэ (полголовы), об этом тоже существует легенда. Она гласит, что у адыгов с крымскими татарами не всегда были натянутые отношения. Они близко общались, постоянно посещали друг друга, предпринимали совместные походы, роднились. Одно из серьезных предположений, что адыги какое-то время жили в Крыму, свидетельствует об их тесных взаимоотношениях – недругов они не стали бы терпеть под боком. В то же время, частыми были и разногласия, и военные столкновения. По мере укрепления Крымского ханства росло и стремление ханов подчинить себе полностью вольных, свободолюбивых черкесов, сделать их своими подданными.

Однажды, говорят, у крымского хана гостил адыгский князь со

своими людьми. Хан последний раз поставил условие полностью подчиниться его воле, на что адыги, для которых независимость была превыше всего, ответили категорическим «нет». Услышав такое, хан, конечно же, взбесился, немало поражаясь безумству своих гостей. И чтобы продемонстрировать свое к ним презрение, приказал слугам принести для этих упрямцев все объедки с других столов, выказывая тем самым свое небрежение и решимость наконец-то укротить этих, вздумавших артачиться, безрассудных черкесов. То, что принесли гостям на ужин, явно было не то, что они заслуживали. Поэтому, сложив два и два, то есть оскорбительный ужин и оскорбительное предложение перед этим, адыги поняли, что ничего хорошего от хозяев ожидать не приходится.

Старший князь, предположив, что дела их неважны и что следует быть чрезвычайно осторожным и предусмотрительным, взял полголовы и по очереди стал глядеть то на блюдо, то на своих людей, то на слоняющихся вокруг татар. По необычному поведению князя его спутники поняли, что нужно внимательнее относиться к словам и действиям своего старшего, и напряглись. Здесь уместно, как нам кажется, напомнить, что у адыгов сильно было развито иносказание – щIагыьбзэ, которое в подстрочном переводе звучит, как «тайный язык». Способность прятать свои мысли могла быть и у татар, которые здесь ошивались под видом слуг, наливающих и т.д., они могли знать и язык своих гостей – в те времена такое часто встречалось, а князю обязательно нужно было дать знать своим людям, чтобы они осторожничали, да так, чтобы татары думали, что гости безмятежны. Подумав, князь отрезал ухо от полуголовы, оказавшейся среди принесенных, не очень престижных кусков мяса, и отдал одному из младших.

По тревожному взгляду своего старшего тот понял: «Держи ухо востро». Затем отломил носовую часть и вручил парню, который при нем был типа правой руки: держи, мол, нос по ветру. Наконец, старший князь разделил затылочную часть на две половины, отдал глазницу своему советнику и состояльнику (пщидэшхэ): «Смотри в оба», а долю, где был мозг, оставил себе: «Я буду думать».

Таким образом, все всё поняли, и когда среди ночи по приказу хана татары, считая, что черкесы уже спят, напали на них чтобы перерезать в назидание другим, последние все еще бодрствовали и с оружием наготове, как и подобает адыгам, встретили врагов. Расправившись со стражей, пока те поднимали тревогу, адыги вскочили на своих лошадей, и покинули пределы Крымского ханства.

Вернувшись на Родину, воины рассказали другим князьям свою историю. Все поняли, что если бы эта группа не спаслась, то адыгов ждало бы вероломное нападение татар, и договорились, что отныне

на веки вечные правая половина головы, пока живы адыги, станет почетным блюдом, чтобы его (блюдо «полголовы») всегда подавали на торжественный стол и во славу и честь его провозглашали тосты.

Если продолжить рассказ про адыгское застолье, то следует отметить, что полголовы приносят старшему из гостей. При этом бгъуэщ¹эс ставит тарелку не перед ним. Здесь требуется соблюдения некоторые правила. Если блюдо обращать носовой частью к старшему из гостей, то могут сказать: «Ваш баран нюхает нашего старшего». Когда же затылочной стороной: «Ваш баран бодает нашего старшего». Поэтому полголовы располагают ухом вверх, и чтобы нос был направлен мимо гостя и ни в коем случае не в сторону двери, что равнозначно бесцеремонному выпроваживанию гостей.

Во исполнение хабзэ, то есть за то, что принесли почетное блюдо «полголовы» для старшего гостей, тхамата провозглашает тост. При этом он почти слово в слово должен повторить свою первую здравицу за гостей, за благополучие двух породнившихся семей. Считается, что если тхамата забыл сказанное в начале торжества к его завершению, то он не знает хабзэ или же настолько опьянел, что путает начало с концом.

«После благопожелания тхамата со словом “сыноджэ” (я тебя зову), – пишет Мафедзев, – обращенным к старшему гостей, уже сам пил первым, а потом передавал чашу. В этом случае старший гостей вставал (естественно, все остальные, кроме тхаматы, тоже вставали) и с чашей в руках говорил несколько слов в знак благодарности к бысым. Когда чаша обходила круг, все садились. Наступал момент разделывания “полуголовы”. Мы полагаем, что так нужно делать и сейчас, только с учетом того, что нынче пьют не из одной чаши».

Теперь пора приступить к рассказу о том, как разделывать и делить ритуальную половину головы жертвенного барана. Общеизвестно, что этот ритуал вызывает в наше время очень много споров и вопросов. Возникают они сейчас по любому поводу: кому это делать, кто распределяет, кому и что достается. Эти и другие, подобные им, вопросы вызываются тем, что нередко встречаются в нашей жизни люди, по-разному толкующие и по-разному выполняющие данный застольный ритуал. Это, бесспорно, многих вводит в заблуждение.

Поэтому во избежание кривотолков и неправильного исполнения ритуала, мы настаиваем на единообразном применении существующих правил, во имя сохранения оставшихся правил и напомним наиболее распространенный в адыгском застольном этикете порядок выполнения данного обряда.

Итак, о времени занесения. Щхъэльэныкгуэ не следует ставить на стол вместе с мясом жертвенного животного. Это позволяет более

полно следовать правилам дележа лопатки. Практика показывает, что единовременное внесение мяса и головы, как правило, комкает процедуры, связанные с оказанием почестей лопатке. Кроме того, время завершения застолья определяется фактом подачи щхьэльэныкьюэ, поэтому гости, увидев принесенную голову, начинают собираться, чем, еще раз повторяю, портится торжественность момента. После разделки лопатки, старший гость настоятельно требует отпустить их. Теперь уже всем ясно, что нельзя «перебарщивать», и, как только старший гость еще раз изъявляет желание завершить визит, застолье подводится под завершающее мероприятие – разделка головы – щхьэльэныкьюэ кьутэн. Приносят правую сторону половины головы. Нижнюю часть оставляют женщинам, а левую часть полуголовы еще из кухни отправляют старшему рода сегодняшнего торжества, и этот старший может быть и женщиной.

Барасби Бгажнокв приводит случай, когда «...некто Балкаров Тего, будучи в гостях, обратил внимание на то, что ему подана левая часть головы барана и, возмущившись, сказал: «Сэ сысэмэгукьым, сэ ижбу сыкэкьуаш, щхьэльэныкьюэ ижьыркьысхуэфхь!» – «Я не «левый», я пришел сюда правым (почетным), принесите мне правую часть головы барана». Незадачливым хозяевам, у которых уже не было требуемой части, пришлось зарезать еще одного барана, а гостям, собравшимся было

уходить, ждать, пока он будет разделан и их уважаемому старшему принесут положенную ему часть». Таким образом, на стол нужно нести только правую сторону полуголовы, и будет лучше, если хозяева с самого начала определяют человека, кто несет ответственность за это с самого начала. Это я к тому, что часты случаи, когда в сутолоке вовсе забывают сварить голову. Я помню случай, когда на юбилее одного из наших населенных пунктов, где присутствовало огромное число приглашенных, в суете вообще забыли обработать баранью голову.

Теперь вопрос, кто все-таки должен разделать голову? Старший гость, которому адресовали щхьэльэныкьюэ, может сам разделать ее. Однако он может, так зачастую и бывает, поблагодарив за оказанную ему честь, передать ее и хозяину застолья. Мне очень нравится следить

за этой процедурой. Она очень красивая и, если проводится умело, наглядно показывает всю прелесть адыгского этикета.

Тхамата пододвинув тарелку к гостю, поясняет, что барана (ягненка, козу) принесли в жертву именно в честь гостей, и что он, как возглавляющий эту группу, вправе делать с этим блюдом все, что ему заблагорассудится. Тот вежливо отказывается, делая упор на то, что он хозяин застолья и только он – тхамата – может разломать голову, и ставит тарелку, обязательно повернув голову носом к двери, что означает твердое намерение гостей встать из-за стола. Однако, как бы ни хотелось гостям покинуть гостеприимный дом, никто не торопит события и обстоятельно подходят к исполнению данного ритуала, и терпеливо ждут окончания спора двух аксакалов, что еще раз подтверждает бытовавшее в прошлом и бытующее и сейчас во многих местах трепетное отношение большинства адыгов к голове жертвенного барана.

Спор о том, кто должен разделить голову, продолжается еще некоторое время. В некоторых местах гости, бывает, даже приводят, как аргумент: «Дэ фи щхьэрткьутэну дыкьэкIуакьым, уэлэхэ, демыIу-сэну!» – выражение имеющее и переносный смысл, мол, мы приехали не проламывать вашу голову. Это скорее из области юмора, чем аргумент, но мы приводим для того, чтобы показать, что во время отдельных застолий даже таким мелочам придается внимание и все это помогает осознать важность мероприятия, проникнуться важностью момента.

В конце концов, тхамата уступает требованиям старшего гостя со словами, что желание гостей – закон для бысым, пододвигает к себе тарелку. В это время внимательный щхьэгьэрыт, если таковой есть, или бгьуэщIэс, должен подсуетиться и подать старшему нож. Разделка головы производится так. Прежде всего, отрезают ухо, снимают его кончиком ножа и дают одному из младших за столом или же бгьуэщIэс. Обычно тому, кто успел преподнести нож. Затем отделяют носовую часть и отдают соседу слева (в случае, если это не старший гостей). Малокабардинцы отдают сидящему справа – как представителю рода). Центральную часть – глазницу – тхамата отдает старшему из числа гостей, а заднюю часть головы от глазницы вместе с мозгами оставляет себе.

Таким образом, щхьэльэныкьуэ делится на четыре части. И каждая часть отличается своей степенью престижности. Этим определяется порядок и адрес раздачи. И еще следует учесть, что к помощи ножа прибегают только лишь для отрезания уха. Голова же разделяется руками. Раздавая части головы, старший сопровождает каждую часть словесными комментариями по поводу того, кому, что и за что дается. А те, кому даются части от головы, должны приподняться и протянуть

сложенные одна на другой ладони. Получив предназначенную им часть, поблагодарить старшего и сесть на место.

В принципе, свадебное или иное торжественное застолье завершается, гости после этого покидают гостеприимное помещение. Сидевшие за столом идут провожать гостей, кроме тхаматы и бгъуэщ1эс. Однако есть еще два момента, требующих прояснения – тост за тхамату и шэсыжыбжьэ. Такие тосты раньше не произносили, и я в описаниях обрядов и традиций такое не встречал. Значит,

они являются нововведениями и, хотим мы или не хотим, это уже де-факто существует, поэтому мы не можем их игнорировать, да и незачем.

Думается, правильно будет, если разрешение произнести тост попросит старший гостей и произнесет его с уклоном в сторону благодарности за проявленное гостеприимство. Тост может быть провозглашен после того, как будет разделана голова, так как именно после обряда разделки головы жертвенного барана считается, что функции тхаматы закончены и стол завершен. Однако застолье не должно закрываться последним словом гостя, поэтому вполне логично, что тхамата в последний раз в этот день берет слово и провозглашает тост за благополучную дорогу дорогих гостей. Он и есть шэсыжыбжьэ, или же стремянный. Такие традиции есть практически у всех народов Кавказа.

В заключение отметим, что у адыгов по сей день предосудительным и даже греховным считается выбросить голову барана или съесть ее, не исполнив описанный ритуал. Мне рассказывал Черим Карамурзович Кудаев, как он, будучи председателем Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР, возил по республике только что назначенного первого секретаря обкома партии. В Тырныаузе их угощали обедом, и в конце, как полагается, на стол поставили полголовы. Мазин спросил, почему этот собачий корм поставили им на стол. Кудаев

все в подробностях объяснил. Тот повертел блюдо в руке и выбросил на лужайку. Черим Карамурзович молча поднял голову, обтер ее и обратно положил в тарелку.

«Но этот великий чин, – рассказывал далее Ч. Кудаев, – похоже, ничего не понял и не собирался уважать наши обычаи: он снова взял почетное блюдо с явным намерением опять его выбросить, но я сидел наготове. И как только он сделал замах, я перехватил его руку выше запястья и сжимал, пока он не выпустил полголовы».

– Никогда не смейте так поступать с нашими ценностями, – сказал Черим Карамурзович.

– Хорошо, – ответил первый секретарь, но по свидетельству Куда-

ева и других, кто работал во власти сразу после войны, он никогда не уважал не только наши обычаи, но и наш народ. Он только и делал, что чернил кабардинцев и оговаривал их.

А Черима Кудаева он освободил от высокой должности на первой же сессии Верховного Совета республики. И таких историй, связанных с неудачным поеданием полуголовы, немало.

Писатель Аскерби Шортанов, говорят, однажды угощал группу писателей, гостивших в республике. Когда застолье подошло к концу, оказалось, что голову не доставили к месту пиршества.

– Я оставил голову барана там, где мы его зарезали, – виновато сказал призванный к ответу младший. Аскерби помрачнел и с досадой, говоря, сказал:

– Лучше бы ты свою голову там оставил...

В номере:

<i>Алена Сарбашева.</i> Реалистичность, актуальность, сложность. <i>Статья</i>	2
<i>Зейтун Толгуров.</i> Проза Хасана Шаваева. <i>Статья</i>	7
<i>Хасан Шаваев.</i> Черные тени. На стремнине. <i>Рассказы</i>	17
<i>Юрий Тхагазитов.</i> Дух сомнения. <i>Статья</i>	31
<i>Людмила Шауцукова.</i> «На плечах времен...» <i>Статья</i>	32
<i>Виктор Котляров.</i> Бейтугановское время. <i>Статья</i>	34
<i>Асият Хоконова (Абидова).</i> Родное имя. <i>Статья</i>	36
<i>Сафарби Бейтуганов.</i> Афоризмы	38
<i>Светлана Моттаева.</i> Жизнь по восходящей. <i>Статья</i>	49
<i>Адам Гутов.</i> Духовный резонанс. <i>Статья</i>	52
<i>Сергей Малахов.</i> Содействующие воспитанию и сохранению исторической памяти. <i>Статья</i>	54
Постигая вечную душу Кавказа. <i>Высказывания о В. Н. Котлярове</i> ...	59
<i>Список авторских изданий М. и В. Котляровых</i>	65
<i>Светлана Моттаева.</i> <i>Стихи</i>	70
<i>Людмила Шауцукова.</i> Кала. <i>Рассказ</i>	78
<i>Петр Хатуев.</i> Осенние листья. <i>Стихи</i>	83
<i>Лилия Кибишева.</i> Все пройдет. Трудная жизнь. Бессонная ночь. <i>Рассказы</i>	91
<i>Римма Шогенова.</i> Нина. <i>Рассказ</i>	101
<i>Анфиса Канукова-Фирова.</i> Хатты. <i>Глава из романа</i>	109
<i>Исхак Машибаи.</i> Тысячелетняя история: Ридада и Мстислав. <i>Статья</i>	120
<i>Жаухар Анпаева.</i> Сотворил собственный мир. <i>Статья</i>	127
КБГУ: 90 лет образования, науки, просвещения. <i>Статья</i>	133
<i>Виталий Еришов.</i> Адыгская (Черкесская) Международная академия наук: верность традициям, устремленность в будущее. <i>Статья</i>	144
<i>Ауес Пилов.</i> Развитие морфологической науки в КБР. <i>Статья</i>	155
<i>Владимир Кудаев.</i> Адыгское застолье. <i>Статья</i>	160

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.10.2022. Подписано к печати 05.12.2022.
Выход в свет 22.12.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 860 экз. Заказ №2463. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке.
При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» –

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и равнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.
Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП
«Почта России» – 35,03 руб., за 6 месяцев – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

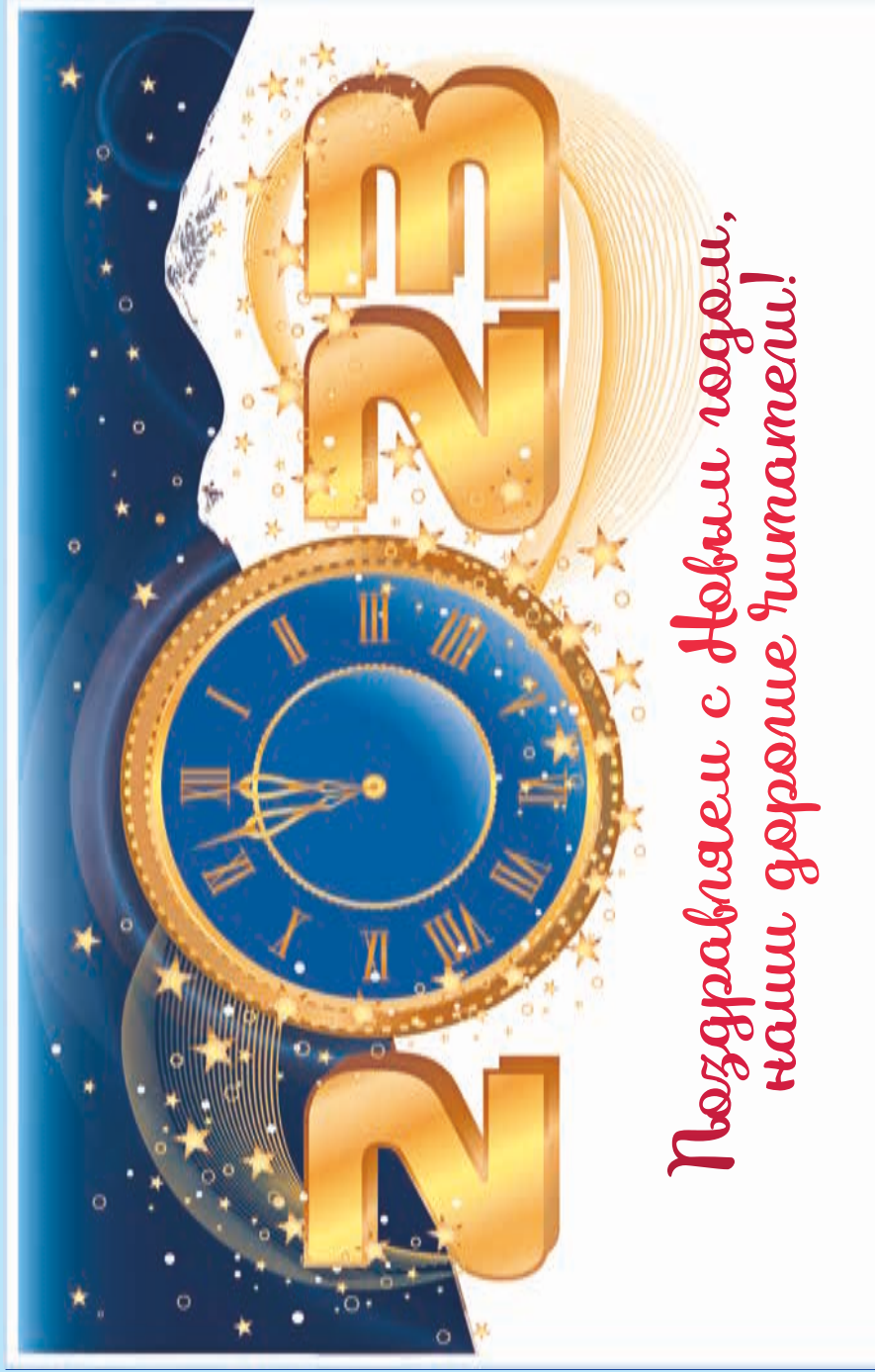
Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-28-49; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

*Поздравляем с Новым годом,
наши дорогие читатели!*